

Медведь и Соловей

КЭТРИН АРДЕН

На окраине русской глуши зима длится почти весь год, и сугробы снега вырастают выше домов. Но Василиса не против, она проводит зимние ночи возле угольков огня с братьями и сестрой, слушая сказки няни. Больше всего ей нравится история Мороза, голубоглазого зимнего демона, появляющегося холодной ночью, чтобы забрать неосторожные души. Умные боятся его, как говорит ее няня, и почитают духов очага и двора, духов леса, защищающих их дома от зла.

После смерти матери Василисы ее отец привозит из Москвы новую жену. Набожная жительница города, новая мачеха Василисы запрещает ее семье почитать духов домашнего очага. Семья уступает, но Василиса напугана, она ощущает, что от их ритуалов зависит больше, чем они думали.

Ухудшается урожай, приближаются злые существа леса, неудачи охватывают деревню. А мачеха Василисы становится все серьезнее в ее желании совладать с мятежной падчерицей, чтобы выдать ее замуж или заточить в монастыре.

Опасность все ближе, и Василисе приходится бороться даже с людьми, которых она любит, и использовать опасные дары, что она долго скрывала, чтобы защитить семью от угрозы, что словно вышла из самых пугающих сказок няни.

•

Кэтрин Арден

Медведь и соловей

Серия «Зимняя ночь» — 1

Над переводом потрудились — Лена Меренкова

Перевод выполнен для гр. ВК — https://vk.com/beautiful_translation

*У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.*

— А.С. ПУШКИН

Маме с любовью

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

МОРОЗ

В северной Руси заканчивалась зима, воздух был влажным не то от дождя, не то от снега. Блестящий февраль уступил место серому промозглому марту, и в доме Петра Владимировича все шмыгали от влажности, были худыми из — за шести недель поста на черном хлебе и квашеной капусте. Но никто не думал о температуре или насморке, даже о каше или жареном мясе, ведь Дуня рассказывала сказку.

Тем вечером старушка сидела на лучшем месте для рассказа: на кухне на деревянной скамейке у печи. Печь была огромной и из глины, выше мужчины и достаточно большая, чтобы все четверо детей Петра Владимировича смогли бы легко поместиться внутри. Плоская вершина служила спальным местом, а внутри готовили еду, от этого грелась кухня, и там лечились простывшие.

— Какую сказку хотите сегодня? — поинтересовалась Дуня, грея спину у огня. Дети Петра сидели перед ней на стульях. Они любили все сказки, даже второй сын Саша, который был набожным ребенком и, если бы его спросили, предпочел бы провести вечер в молитве. Но в церкви было холодно, а морось снаружи не прекращалась. Саша высунул голову на улицу, его лицо тут же намокло, и он ушел на стул, сев чуть в стороне от остальных, где изображал благочестивое безразличие.

Остальные устроили шум, услышав вопрос Дуни:

— Финист — сокол!

— Иван и Серый волк!

— Жар — птица! Жар — птица!

Маленький Алеша стоял на стуле и размахивал ручками, чтобы его услышали среди воплей старших, и волкодав Петра поднял большую голову в шрамах из — за шума.

Дуня не успела ответить, входная дверь отворилась, и стало слышно рев бури снаружи. Женщина появилась на пороге, дрожа от влаги в длинных волосах. Ее лицо покраснелось от холода, но она была еще худее, чем дети, огонь отбрасывал тени на ее впавших щеках, на горле и висках. Ее глубоко посаженные глаза отражали огонь. Она склонилась и подняла Алешу на руки.

Дети радостно вопили:

— Мама! — кричал он. — Матушка!

Марина Ивановна села на стул, придвинув его ближе к огню. Алеша в ее руках сжал в кулачках ее косу. Она дрожала, хотя этого почти не было видно из — за тяжелой одежды.

— Пусть овца уже родит сегодня, — сказала она. — Иначе, боюсь, мы больше не увидим отца. Ты рассказываешь сказки, Дуня?

— Если все притихнут, — сказала едко старушка. Она была няней и для Марины давным — давно.

— У меня есть сказка, — сказала Марина. Ее тон был бодрым, но глаза — мрачными. Дуня пронзила ее взглядом. Ветер стenal снаружи. — Расскажи о Морозе, Дуняшка. Расскажи о демоне холода, зимнем короле Карачуне. Он сегодня не здесь, он злится на оттепель.

Дуня замешкалась. Старшие дети переглянулись. Мороз здесь был известен как Морозко, демон зимы. Но давным — давно люди звали его Карачуном, богом смерти. С этим именем он был королем черной середины зимы, приходившим за плохими детьми и замораживающим их ночью. Это слово было зловещим, и не стоило говорить его, пока он еще не отпустил землю.

Марина крепко сжимала сына. Алеша ерзал и тянул мать за косу.

— Ладно, — сказала Дуня после недолгих колебаний. — Я расскажу о Морозко, о его доброте и жестокости, — она подчеркнула тоном имя, безопасное имя, что не принесло бы им неудачу. Марина насмешливо улыбнулась и отцепила ладошки сына. Никто не возражал, хотя история Мороза была старой, и они ее уже много раз слышали. С богатым и ясным голосом Дуни было сложно не наслаждаться рассказом. — В некотором царстве... — начала Дуня. Она замолчала и посмотрела на Алешу, пищащего, как летучая мышь, прыгающего в руках матери.

— Тише, — сказала Марина и вернула ему конец косы, которым он принялся играть.

— В некотором царстве, — повторила старушка деловитым тоном, — жил крестьянин, у которого была красивая дочь.

— Как звали? — пролепетал Алеша. Он был достаточно подростком, чтобы проверять качество сказок, уточняя детали.

— Ее звали Марфа, — сказала старушка. — Маленькая Марфа. И она была прекрасной, как свет солнца в июне, а еще храброй и доброй. Но у Марфы не было матери, она умерла, когда девочка была еще младенцем. Мачеха Марфы, как говорили, была довольно красивой, она готовила вкусные пироги, вязала хорошую одежду, у нее получался насыщенный квас, но сердце ее было холодным и жестоким. Она ненавидела Марфу за ее красоту и доброту, выделяя вместо нее свою страшную ленивую дочь во всем. Сначала женщина хотела испортить красоту Марфы, давала ей самую тяжелую работу по дому, чтобы ее руки скривились, спина сгорбилась, а на лице появились морщины. Но Марфа была сильной, может, обладала каплей магии, потому что не жаловалась, делала всю работу и становилась все милее и милее с годами. И мачеха, — увидев раскрытый рот Алеша, Дуня добавила, — ее звали Дарьей Николаевной, решила избавиться от девочки раз и навсегда, раз не может ее испортить. И вот, посреди зимы, Дарья пришла к мужу и сказала: «Муж мой, я думаю, нашей Марфе пора замуж». Марфа готовила блины в избе. Она потрясенно посмотрела на мачеху, ведь та никогда ею не интересовалась. Но ее радость быстро превратилась в отчаяние. «Есть у меня муж для нее на примете. Усади ее в сани и отвези в лес. Мы выдадим ее за Морозко, князя зимы. Разве может девушка найти жениха лучше и богаче? Он же хозяин белого снега, черных елей и серебряного льда!». Муж, его звали Борис Борисович, в ужасе посмотрел на жену. Борис любил свою дочь, и холодные объятия зимнего божества были не для смертных дев. Но, может, Дарья сама обладала каплей магии, потому что муж не мог ей ни в чем отказать. Со слезами он усадил дочь в сани, повез ее глубоко в лес и оставил ее под елью. Девушка долго сидела одна, дрожала, замерзая все сильнее. А потом услышала стук и треск. Она подняла голову и увидела, как к ней движется Мороз, прыгая среди деревьев и щелкая пальцами.

— Но как он выглядел? — осведомилась Ольга.

Дуня пожала плечами.

— Бытуют разные мнения. Некоторые говорят, что он — лишь холодный трескучий ветерок среди елей. Другие считают его стариком в санях с яркими глазами и холодными руками. Третьи говорят, что он — воин в расцвете сил, но весь в белом и с оружием из льда. Никто не знает. Но кто — то шел к Марфе, сидящей там, ледяной ветер ударил ей в лицо, и ей стало еще холоднее. А затем Мороз заговорил с ней голосом зимнего ветра и падающего снега: «Тепло ли тебе, красная?». Марфа была воспитанной девушкой, которая не жаловалась на свои проблемы, так что она ответила: «Тепло, благодарю, дорогой князь Мороз». Демон рассмеялся, и ветер подул еще сильнее. Деревья застонали над их головами, и Мороз спросил снова: «Тепло ли тебе, девица?». Марфа, хоть едва могла говорить от холода, ответила: «Тепло, мне тепло, спасибо». Над головой бушевала буря, ветер выл, скалил зубы, и Марфе казалось, что он сорвет кожу с ее костей. Но Мороз уже не смеялся, он спросил в третий раз: «Тепло ли тебе, милая?». И она

ответила, выдавливая слова замерзшими губами, пока тьма плясала перед ее глазами: «Да... мне тепло, батюшка». И он поразился ее смелости, сжалился над ней. Он укутал ее в свою синюю шубу, устроил на своих санях. Он поехал по лесу, оставил девушку у двери ее дома, и она все еще была в прекрасной шубе и с сундуком камней и золота, серебряных украшений. Отец Марфы расплакался от радости при виде дочери, но Дарья и ее дочь были в ярости, увидев Марфу в богатом одеянии и с выкупом князя. И Дарья повернулась к мужу и сказала: «Скорее, муж! Отвези мою дочь Лизу в санях. Дары Мороза для Марфы — ничто по сравнению с тем, что он даст моей девочке!». Хотя Борису не нравилась эта затея, он взял Лизу в сани. Девушка была в лучшем платье и в тяжелой шубе. Ее отец отвез ее глубоко в лес и оставил под той же елью. Лиза тоже долго просидела там. Она замерзала, несмотря на шубы. И вот Мороз показался из — за деревьев, щелкая пальцами и смеясь под нос. Он плясал, подходя к Лизе, он выдохнул ей в лицо, и его дыхание было ветром севера, промораживающим до костей. Он улыбнулся и спросил: «Тепло ли тебе, девица?». Лиза, дрожа, ответила: «Конечно, нет, дурак! Ты не видишь, что я погибаю от холода?». Ветер подул еще сильнее, выл и бросался порывами. Поверх шума он спросил: «А теперь? Тепло?». Девушка завизжала: «Нет, балда! Я замерзаю! Мне еще никогда в жизни не было так холодно! Я жду жениха Мороза, а этот боров так и не явился». От этих слов Мороз помрачнел, он прижал пальцы к ее горлу, склонился и прошептал в ухо девушки: «А теперь тепло, голубка?». Но девушка не ответила, ведь от его прикосновения умерла и осталась замерзшей в снегу. А Дарья дома ждала, расхаживая. «Не меньше двух сундуков золота, — говорила она, потирая руки. — Свадебное платье из бархата и покрывала из лучшей шерсти». Ее муж молчал. Тени становились длиннее, а ее дочери все не было видно. Дарья послала мужа за девушкой, прося вести себя осторожнее с сундуками с сокровищами. Борис приехал к дереву, где оставил девушку утром, но сокровищ там не было, а девушка лежала мертвой в снегу. С тяжелым сердцем мужчина поднял ее на руки и отнес домой. Мать выбежала навстречу. «Лиза, — позвала она. — Душа моя!». А потом она увидела труп своего ребенка в санях. Палец Мороза коснулся в тот миг и сердца Дарьи, и она упала замертво.

Все молчали в раздумьях.

А потом Ольга осторожно заговорила:

— А что случилось с Марфой? Она вышла за него замуж? За царя Мороза?

— Холодные объятия, да, — пробормотал Коля под нос, улыбаясь.

Дуня строго посмотрела на него, но все же ответила:

— Нет, Оля, — сказала она девочке. — Не думаю. Зачем Зиме смертная девица? Она, скорее всего, вышла за зажиточного крестьянина, и ее приданое было самым большим во всей Руси.

Ольга хотела возразить из — за не романтического конца, но Дуня уже поднялась, хрустя костями, собираясь спать. На печи было много места, на ней стали маленькие и заболевшие. Дуня спала там с Алешей.

Остальные поцеловали маму и ушли. Марина встала последней. Несмотря на зимнюю одежду, Дуня видела, какой худой стала женщина, и это терзало сердце старушки. Она успокаивала себя тем, что скоро весна. Деревья станут зелеными, молоко станет насыщеннее, и она сделает пирог с яйцами, творогом и фазаном, а солнце придаст Марине сил.

Но глаза Марины вызывали у старой няни плохое предчувствие.

2 ВНУЧКА ВЕДЬМЫ

Ягненок, наконец, родился, грязный и тонкий, черный, как мертвое дерево в дождь. Овца

начала вылизывать кроху с властным видом, и вскоре маленькое существо покачивалось на копытцах.

— Молодец, — сказал Петр Владимирович овце и встал. Его спина заболела, когда он выпрямил ее. — Но ты могла выбрать ночь лучше, — ветер снаружи скрежетал зубами. Овца бесстрастно помахала хвостиком. Петр улыбнулся и оставил их. Хороший ягненок родился в зимнюю бурю. Это был хороший знак.

Петр Владимирович был важным человеком, боярином с богатыми землями и множеством людей, слушающихся его. Он сам решил проводить ночи с рожаящим скотом. Он всегда присутствовал при рождении нового существа для обогащения его стада, он часто вытаскивал его на свет собственными кровавыми руками.

Мокрый снег прекратился, ночь прояснялась. Несколько звезд было видно между туч, когда Петр вышел во двор и закрыл за собой дверь амбара. Несмотря на влагу, его дом был почти по крышу в снегу. Только крыша со скатом и дымоходы остались без снега, а еще проход к двери, который тщательно чистили слуги Петра.

Летняя половина большого дома была с широкими окнами и открытым камином. Но то крыло было закрыто зимой, оно сейчас выглядело пустынным, погребенным снегом и запечатанным льдом. Зимняя половина дома была оснащена большими печами и маленькими высокими окнами. Дым поднимался из дымоходов, и с первыми холодами Петр закрыл окна блоками льда, чтобы закрыться от холода, но пропускать свет. Огонь горел в комнате жены, и золотое сияние от него мерцало полоской на снегу.

Петр подумал о жене и ускорился. Марина обрадуется ягненку.

Дорожки между пристройками были с крышами, под ногами были разложены бревна — защита от дождя, снега и грязи. Но мокрый снег на рассвете пропитал бревна, и они замерзли. Идти было опасно, влажные сугробы возвышались до головы, испещренные мокрым снегом. Но войлочные сапоги с мехом не скользили по льду. Петр замер в полумраке кухни и зачерпнул воды грязными руками. Алеша на печи перевернулся и захныкал во сне.

Комната его жены была маленькой, чтобы защищаться от холода, но яркой, роскошной по северным стандартам. Деревянные стены покрывала плетеная ткань. Прекрасный ковер — часть приданого Марины — прибыл по длинным и окольным дорогам из самого Царьграда. Потрясающая резьба украшала деревянные стулья, шкуры волков и зайцев лежали на полу горами.

Маленькая печь в углу сияла огнем. Марина не спала, а сидела у огня, укутанная в одеяние из белой шерсти, расчесывала волосы. Даже после четырех детей ее волосы все еще были густыми и темными, ниспадали почти до ее колен. В мерцающем свете огня она выглядела совсем как невеста, которую Петр привез домой давным — давно.

— Получилось? — спросила Марина. Она отложила гребешок и начала заплетать волосы. Она не отводила взгляда от печи.

— Да, — отвлеченно сказал Петр. Он снял кафтан в тепле. — Красивый ягненок. И его мама в порядке. Хороший знак.

Марина улыбнулась.

— Я рада этому, ведь он нам нужен, — сказала она. — Я беременна.

Петр вздрогнул, замер, снимая рубаху. Он раскрыл рот и закрыл его. Это было возможно. Но она была стара для этого, еще и исхудала за зиму...

— Еще один ребенок? — спросил он, выпрямившись и отложив рубаху.

Марина услышала тревогу в его голосе, печальная улыбка появилась на ее губах. Она завязала волосы кожаным шнурком и ответила:

— Да, — сказала она, перебрасывая косу через плечо. — Девочка. Родится осенью.

— Марина...

Его жена услышала безмолвный вопрос.

— Я хотела ее, — сказала она. — И все еще хочу, — а потом еще тише. — Я хочу, чтобы дочь была такой, как моя мама.

Петр нахмурился. Марина никогда не говорила о матери. Дуня, что была с Мариной в Москве, редко ее упоминала.

При правлении Ивана I, как говорили в историях, девушка в лохмотьях приехала к воротам одна, лишь на высокой серой лошади. Несмотря на грязь, голод и усталость, слухи преследовали ее шаги. Она была такой изящной, говорили люди, и глаза у нее были как у девицы — лебедь из сказки. Слухи добрались и до ушей великого царя.

— Приведите ее ко мне, — сказал Иван почти без интереса. — Я никогда не видел девицу — лебедь.

Иван Калита был жестоким царем, его терзали амбиции, он был холодным, умным и хитрым. Он не выжил бы иначе: цари в Москве быстро умирали. И бояре говорили, что, когда Иван увидел девушку, он не двинулся десять минут. Некоторые даже клялись, что его глаза были полны слез, когда он подошел к ней и взял за руку.

Иван к тому времени был дважды вдовцом, его старший сын был старше его юной возлюбленной, но через год он женился на загадочной девушке. Но даже царь не мог заглушить сплетни. Принцесса не сказала, откуда пришла, ни тогда, ни потом. Служанки шептались, что она могла приручать зверей, видеть во сне будущее и вызывать дождь.

* * *

Петр собрал уличную одежду и повесил у печи. Он был практиком, так что не слушал сплетни. Но его жена сидела неподвижно и смотрела на огонь. Только пламя двигалось, скользя по ее ладони и горлу. От нее Петру было не по себе. Он прошел по деревянному полу.

Русь была христианской после того, как Владимир крестил Киев в Днепре и пронес старых богов по улицам. И все же земли были огромными, менялись медленно. Пятьсот лет прошло, а Русь все еще кишела неизвестными силами, и некоторые из них отражались в странных умных глазах принцессы. Церкви это не нравилось. По настоянию епископа Марину, ее единственную дочь, выдали за боярина в глушь, в днях пути от Москвы.

Петр часто благодарил свою удачу. Его жена была мудрой, красивой, он любил ее, а она — его. Но Марина никогда не говорила о матери. Петр не спрашивал. Их дочь Ольга была обычной, милой и послушной девушкой. Им не нужна была другая, особенно унаследовавшая силы странной бабушки.

— Уверена, что у тебя хватит сил на это? — сказал Петр. — Даже Алеша был неожиданным, а это было три года назад.

— Да, — сказала Марина, посмотрев на него. Ее ладонь медленно сжалась в кулак, но он не видел. — Я вижу, как она родится.

Пауза.

— Марина, твоя мама была...

Его жена взяла его за руку и встала. Он обвил рукой ее талию и ощутил, как она напряглась от его прикосновения.

— Не знаю, — сказала Марина. — У нее были дары, которых нет у меня, я помню, как аристократы шептались в Москве. Но сила — право по рождению у женщин ее рода. Ольга больше твоя дочь, чем моя, но эта, — свободная ладонь Марины изобразила колыбель для малышки, — будет другой.

Петр притянул жену ближе. Она вдруг крепко прижалась к нему. Ее сердце колотилось о его грудь. Она была теплой в его руках. Он ощущал запах ее волос, чистых после купальни. Петр

считал, что уже поздно. Зачем навлекать беду? Работа женщин — рожать детей. Его жена уже дала ему четверых, она могла справиться с еще одним ребенком. Если малышка окажется странной, то это можно будет прервать, если необходимо.

— Тогда роди ее здоровой, Марина Ивановна, — сказал он. Его жена улыбнулась. Она стояла спиной к огню, и он не видел, что ее ресницы влажные. Он отклонил ее голову и поцеловал ее. Пульс бился в ее горле. Но она была такой худой, хрупкой, как птичка в тяжелом одеянии. — Ложись спать, — сказал он. — Завтра будет молоко, у овцы немного одолжить можно. Дуня приготовит его для тебя. Ты должна думать о ребенке.

Марина прижалась к нему. Он поднял ее, как в дни, когда ухаживал за ней, и покружил. Она рассмеялась и обвила руками его шею. Но мгновение она смотрела мимо него на огонь, словно могла читать будущее по языкам пламени.

* * *

— Избавься от ребенка, — сказала Дуня на следующий день. — Мне все равно, носишь ты девочку, князя или древнего пророка, — мокрый снег вернулся с рассветом и гремел по дому. Две женщины жались у печи ради тепла и света для починки одежды. Дуня с силой вонзила иглу в игольницу. — Чем скорее, тем лучше. У тебя не хватит ни веса, ни сил выносить ребенка, но, если каким — то чудом ты сможешь, роды тебя убьют. Ты дала мужу трех сыновей, у тебя есть дочь, зачем еще одна? — Дуня была няней Марины в Москве, последовала за ней в дом ее мужа и нянчила всех ее детей по очереди. Она говорила честно, что хотела.

Марина улыбнулась с долей насмешки.

— Какие слова, Дуняшка, — сказала она. — Что сказал бы отец Семен?

— Отец Семен не умрет от родов, да? А ты, Маришка...

Марина посмотрела на свою работу и промолчала. Но, когда встретилась взглядом с прищуренными глазами няни, ее лицо было бледным, как вода, и Дуне показалось, что она видит, как кровь отливает от ее горла. Дуня ощутила холодок.

— Дитя, что ты видела?

— Не важно, — сказала Марина.

— Избавься от него, — почти взмолилась Дуня.

— Дуня, я должна ее родить. Она будет как моя мать.

— Твоя мать! Дева в лохмотьях, приехавшая одна из леса? Угасшая до тусклой тени, потому что не могла жить за византийскими образами? Ты забыла, какой серой старухой она стала? Как пошатывалась в вуали в церкви? Как пряталась в комнатах, ела, пока не стала круглой, заплывшей жиром и с пустыми глазами? Твоя мать. Ты хочешь такого своему ребенку?

Голос Дуни хрипел, как у ворона, она помнила, к ее горю, девушку, что пришла в залы Ивана Калиты, потерявшуюся и хрупкую, до боли красивую, несущую за собой чудеса. Иван был очарован. Принцесса, может, обрела с ним покой на какое — то время. Но они поселили ее в женских покоях, наряжали в тяжелые наряды из парчи, дали ей иконы и слуг, кормили мясом. Понемногу тот огонь, свет, что поражал всех, угас. Дуня горевала из — за ее гибели задолго до того, как ее предали земле.

Марина с горечью улыбнулась и покачала головой.

— Нет. Но помнишь, что было раньше? Ты мне рассказывала.

— Много хорошей магии или чудес, что ее погубило, — прорычала Дуня

— У меня лишь капля ее дара, — продолжила Марина, не слушая старую няню. Дуня знала ее достаточно, чтобы слышать сожаление. — Но у моей дочери будет больше.

— И потому ты оставишь четырех других без матери?

Марина посмотрела на колени.

— Я... нет. Да. Если потребуется, — ее голос было едва слышно. — Но я могу выжить, —

она подняла голову. — Дай слово, что позаботишься о них, ладно?

— Маришка, я стара. Я могу пообещать, но когда я умру...

— Они будут в порядке. Они... должны быть. Дуня, я не вижу будущего, но я доживу до момента, когда она родится.

Дуня перекрестилась и промолчала.

3

БЕДНЯК И НЕЗНАКОМЕЦ

Первые кричащие ветра ноября сотрясали голые деревья в день, когда у Марины начались схватки, и первый крик ребенка смешался с воем ветров. Марина рассмеялась при виде рожденной дочери.

— Ее зовут Василиса, — сказала она Петру. — Моя Вася.

Ветер притих на рассвете. В тишине Марина один раз выдохнула и умерла.

Снег падал слезами в день, когда Петр с каменным лицом предал жену земле. Его маленькая дочь кричала все похороны демоническим воем, схожим на ветер.

Той зимой в доме постоянно раздавались крики ребенка. Не один раз Дуня и Ольга расстраивались из — за малышки, она была худым и бледным младенцем, одни глаза и кости. Коля много раз грозился, отчасти серьезно, выбросить ее из дома.

Но зима наступала, а ребенок жил. Она перестала кричать и росла на молоке крестьянок.

Года летели, как листья.

В день, схожий с тем, в который она родилась, в холоде зимы темноволосое дитя Марины прошло на зимнюю кухню. Она прижала ладони к каменной плите и заглянула внутрь. Ее глаза блестели. Дуня доставала пирожки из пепла. Весь дом пах медом.

— Пирожки готовы, Дуняшка? — сказала она, кивая на печь.

— Почти, — Дуня отодвинула ребенка, пока у той не загорелись волосы. — Если тихо посидишь на стуле, Васечка, и починишь свою блузку, получишь целый пирожок.

Вася, думая об угощении, смиренно пошла к стулу. На столе уже остывала груда пирожков, румяных снаружи, в частичках пепла. Уголок пирожка обсыпался, пока девочка смотрела. Внутри он был золотым, и поднялся завиток пара. Вася сглотнула. Казалось, утренняя каша была давным — давно.

Дуня предупреждающе посмотрела на нее. Вася сжала губы и принялась шить. Но дыра на блузке была большой, а ее голод не унимался, а терпением она не отличалась и при лучших обстоятельствах. Ее стежки становились все больше, как дыры в зубах старика. Наконец, Вася не утерпела. Она отложила блузку и приблизилась к тарелке с горячими угощениями на столе. Дуня стояла спиной к ней у печи.

Девочка подбиралась ближе, беззвучно, как котенок к кузнечикам. А потом бросилась. Три пирожка пропали в льняном рукаве. Дуня развернулась и заметила лицо девочки.

— Вася... — строго начала она, но Вася, испугавшись и смеясь одновременно, уже миновала порог и вышла к хмурому дню.

Время года менялось, и поля были полны обрезанных стеблей, припорошенных снегом. Вася, жуя медовый пирожок и обдумывая, где скрыться, пробежала по двору к домам крестьян и через калитку. Было холодно, но Вася не думала об этом. Она родилась в холоде.

Василиса Петровна была некрасивой девочкой: худой, как стебель камыша, с длинными пальцами рук и большими ногами. Ее глаза и рот были слишком большими для нее. Ольга звала ее лягушкой из — за этого. Но глаза девочки были цвета леса в летнюю бурю, а губы —

сладкими. Она могла впечатлять, когда хотела, была такой умной, что ее семья потрясенно переглядывалась, когда она забывала о здравом смысле и следовала за еще одной чудной идеей.

Груда побеспокоенной земли выделялась на снегу на краю собранного ржаного поля. Так не было еще вчера. Вася отправилась исследовать. Она понюхала ветер, поняла, что ночью пойдет снег. Тучи напоминали влажную шерсть над деревьями.

Мальчик девяти лет, миниатюрный Петр Владимирович, стоял на дне большой ямы и копал замерзшую землю. Вася подошла к краю и заглянула.

— Что там, Лешка? — сказала она с набитым ртом.

Ее брат прислонился к лопате и, щурясь, посмотрел на нее.

— Ты как думаешь? — Алеше вполне нравилась Вася, готовая на разные шалости почти так же сильно, как младший брат, но он был почти на три года старше и указывал ей на место.

— Не знаю, — сказала Вася, жуя. — Пирожок? — она протянула половину последнего с долей сожаления. Этот был самым большим и наименее пепельным.

— Давай, — Алеша бросил лопату и протянул грязную руку. Но Вася отпрянула.

— Скажи, что ты делаешь, — сказала она. Алеша нахмурился, но Вася прищурилась и собралась откусить пирожок. Брат сдался.

— Это крепость, — сказал он. — Для времен, когда придут татары. Я смогу тут спрятаться и стрелять в них.

Вася никогда не видела татар, не знала, какого размера требуется крепость, чтобы защититься от одного такого. И все же она с сомнением посмотрела на яму.

— Не очень — то она большая.

Алеша закатил глаза.

— Потому я копаю, кролик, — сказал он. — Чтобы она стала больше. Так дашь пирожок?

Вася начала протягивать пирожок, но замешкалась.

— Я тоже хочу копать яму и стрелять в татар.

— Ты не можешь. У тебя нет лука или лопаты.

Вася нахмурилась. Алеша получил свой нож и лук на седьмые именины, но год мольбы так и не подарил ей оружие.

— Не важно, — сказала она. — Я могу копать палкой, а лук отец даст позже.

— Не даст, — но Алеша не возражал, когда Василиса отдала половину пирожка и пошла искать палку. Они работали пару минут в относительной тишине.

Но копать палкой скоро надоело, хоть она и подпрыгивала каждые пару минут, чтобы проверить, не идут ли злые татары. Вася уже подумывала уговорить Алешу уйти с ней лазать по деревьям, когда над ними возникла тень: их сестра Ольга, тяжело дыша и злясь, отошла от костра и увидела брата и сестру, отлынивающих от дел. Она посмотрела на них свысока.

— В грязи по брови. Что скажет Дуня? И отец, — Ольга бросилась и поймала неуклюжего Алешу за спину рубахи, дети завопили, как испуганные перепела.

Василиса была длинноногой, как для девочки, быстро двигалась, и за это ей всегда доставалось, ведь она не могла спокойно доесть последние крошки. Она не оглядывалась, а бросилась бежать как заяц по пустому полю, огибая стебли с воплями радости, пока ее не скрыл лес. Ольга тяжело дышала и держала Алешу за воротник.

— Почему ты не ловишь ее? — возмутился Алеша, Ольга тащила его домой. — Ей всего шесть.

— Потому что я не Кощей Бессмертный, — сказала сурово Ольга. — И у меня нет лошади, способной обогнать ветер.

Они прошли на кухню. Ольга устроила Алешу у печи.

— Васю я поймать не смогла, — сказала она Дуне. Старушка подняла глаза к небу. Васю

было сложно поймать, когда она не хотела быть пойманной. Только Саша мог это сделать. Дуня обратила гнев на сжавшегося Алешу. Она раздела ребенка у печи, протерла тряпкой, что оказалась колючей, и передела его в чистое.

— Как не стыдно, — ворчала Дуня, пока терла. — В следующий раз расскажу вашему отцу. Он заставит тебя перевозить, рубить и удобрять всю зиму. Вот так. Копаться в грязи...

Но ее тираду перебили. Два высоких брата Алеша пришли, топая, на кухню, от них пахло дымом и скотом. В отличие от Васи, они не хитрили и сразу пошли к пирожкам, каждый сунул по целому в рот.

— Ветер южный, — сказал Николай Петрович, он же Коля, старший брат своей сестре, его голос был неразборчивым от жевания. Ольга взяла себя в руки и села вязать у печи. — Ночью будет снег. Хорошо, что звери в сарае, крыша починена, — Коля снял мокрые валенки у огня и устроился на стуле, схватив по пути еще один пирожок.

Ольга и Дуня смотрели на валенки с одинаковым недовольством. Замерзшая грязь запачкала чистую печь. Ольга перекрестилась.

— Если погода меняется, завтра половина деревни заболит, — сказала она. — Надеюсь, отец придет до снега.

Второй юноша не говорил, но опустил охапку хвороста, проглотил пирожок и опустился перед иконами напротив двери. Он перекрестился, встал и поцеловал изображение Девы.

— Снова молишься, Саша? — сказал Коля с бодрой едкостью. — Молись, чтобы снег был легким, и отец не простыл.

Юноша пожал тонкими плечами. У него были большие печальные глаза с густыми ресницами, как у девушки.

— Я молюсь, Коля, — сказал он. — И тебе не мешало бы, — он прошел к печи и снял мокрые носки. Запах мокрой шерсти смешался с запахом грязи, капусты и зверей. Саша провел день у лошадей. Ольга сморщила нос.

Коля не забрался на печь. Он разглядывал один из своих валенок, где начал топорщиться край. Он издал недовольный звук и опустил его рядом с другим валенком. От обоих пошел пар, печь возвышалась над ними. Дуня уже тушила мясо для ужина, и Алеша смотрел на котелок, как кот на норку мыши.

— Что случилось, Дуня? — спросил Саша. Он пришел на кухню, успев уловить тираду.

— Вася, — сухо сказала Ольга и рассказала о пирожках и побеге сестры в лес. Она вязала при этом. От едва заметных улыбок на лице появлялись ямочки. Она все еще была пухлой после лета, круглолицей и милой.

Саша рассмеялся.

— Вася вернется, когда проголодается, — сказал он и вернулся к делам важнее. — Ты добавила щуку, Дуня?

— Линь, — кратко сказала Дуня. — Олег принес четырех на рассвете. Но эта ваша странная сестра слишком мала, чтобы задерживаться в лесу.

Саша и Ольги переглянулись, пожали плечами и промолчали. Вася пропадала в лесу, стоило ей научиться ходить. Она всегда возвращалась к ужину, принося в извинении горсть кедровых орехов, румяная и кающаяся, тихая в своих сапогах.

Но в этот раз они ошибались. Солнце опускалось, тени деревьев становились ужасно длинными. Петр Владимирович пришел в дом с фазаном, которого нес за шею. А Вася все еще не вернулась.

* * *

Лес был тихим в преддверии зимы, снег между деревьями был гуще. Василиса Петровна, радуясь и стыдясь свободе, доела последний пирожок, растянувшись на холодной ветке, слушая

тихие звуки сонного леса.

— Знаю, ты спишь, когда выпадает снег, — сказала она. — Но ты не мог бы проснуться? У меня есть пирожки.

Она показала доказательство, кусочек чуть больше крошек, замерла, словно ждала ответа. Его не последовало, только ветер шелестел деревьями.

Вася пожала плечами, доела пирожок и побегала по дереву в поисках шишек с орешками. Белки съели все, в лесу было холодно даже для девушки, привыкшей к этому. Наконец, Вася стряхнула с одежды кору и лед и направилась домой, ощутив угрызения совести. В лесу сгустились тени, дни были все короче, близилась ночь. Она спешила. Ее отругают, но у Дуни ее ждал ужин.

Она шла все дальше, а потом замерла, хмурясь. Налево у серой ольхи, вокруг старого кривого вяза, а потом было видно поля отца. Она ходила по этой тропе тысячи раз. Но тут не было ни ольхи, ни вяза, только рощица елей с черными иголками и небольшой заснеженный луг. Вася развернулась и пошла в другую сторону. Нет, тут были тонкие березки, замершие, как белые девицы, обнаженные и дрожащие зимой. Васе стало не по себе. Она не могла заблудиться. Она никогда не терялась. Так можно было и в доме заблудиться. Ветер затряс деревья, но она эти деревья не узнавала.

Потерялась. Она заблудилась в сумерках зимой, вот — вот пойдет снег. Она повернулась снова, пошла в другую сторону. Но среди деревьев не было знакомых. Слезы вдруг выступили на ее глазах. Она заблудилась. Она хотела увидеть Ольгу или Дуню, отца и Сашу. Она хотела суп и одеяло, даже не была против зашивать одежду.

На пути появилось дерево. Девочка замерла. Это дерево отличалось от других. Оно было больше, чернее. Оно было кривым, как старушка. Ветер тряс его большими черными ветвями.

Вася, дрожа, приближалась к нему. Она прижала ладонь к коре. Дерево не отличалось от других, было грубым и холодным даже сквозь шерсть ее варежек. Вася обошла дуб и посмотрела на ветви. А потом опустила взгляд и чуть не споткнулась.

Мужчина свернулся, как зверь, у корней дерева и спал. Она не видела его лицо, оно было скрыто руками. Среди одежды она заметила холодную белую кожу. Он не пошевелился от ее шагов.

Он не мог тут спать, с юга приближался снег. Он умрет. Может, он знал, где ее дом. Вася хотела разбудить его, потрясти за плечо, но передумала. Она сказала:

— Дедушка, проснитесь! До восхода луны начнется снег. Проснитесь!

Мужчина долго не шевелился. Когда Вася уже собралась коснуться его плеча, он заворчал, поднял лицо и моргнул глазом.

Дитя отпрянуло. Одна сторона его лица была грубой, но светлой. Глаз был серым. Другого глаза не было, глазница была зашита, и та сторона лица была массой голубоватых шрамов.

Глаз моргнул, глядя на девочку, мужчина сел на корточки, словно хотел лучше разглядеть. Он был худым, в лохмотьях и грязным. Вася видела ребра в прорехи его рубахи. Но, когда он заговорил, его голос был сильным и низким.

— Что ж, — сказал он, — давно я не видел русских девушек.

Вася не понимала.

— Вы знаете, где мы? — сказала она. — Я заблудилась. Мой отец — Петр Владимирович. Если вы отведете меня домой, он вас накормит и усадит у печи. Скоро пойдет снег.

Одноглазый мужчина вдруг улыбнулся. Два зуба у него были длиннее остальных, и это искривляло его губу при улыбке. Он встал на ноги, и Вася увидела, что он был высоким мужчиной с большими костями.

— Знаю ли я, где мы? — сказал он. — Конечно, девочка. Я отведу тебя домой. Но ты должна

подойти и помочь мне.

Вася была избалована и не видела смысла не доверять. Но и не пошевелилась.

Серый глаз прищурился.

— Зачем девочке было приходить сюда? — а потом мягче. — Такие глаза. Я почти вспомнил... Иди сюда, — его голос теперь манил. — Твой отец будет переживать.

Он посмотрел на нее серым глазом. Вася, хмурясь, сделала шаг к нему. Еще один. Он вытянул руку.

Вдруг раздался хруст копыт на снегу, фыркнула лошадь. Мужчина отпрянул. Девочка отшатнулась от его протянутой руки, мужчина упал на землю и сжался. Лошадь и всадник вылетели на поляну. Лошадь была белой и сильной. Ее всадник спустился на землю, и Вася увидела, что он был худым, но крепким, кожа натянулась на щеках и горле. Он был в толстой меховой шубе, его глаза сияли голубым.

— Что это? — сказал он.

Мужчина в лохмотьях сжался.

— Не твое дело, — сказал он. — Она пришла ко мне. Она — моя.

Новоприбывший повернулся и холодно посмотрел на него. Его голос заполнил поляну.

— Разве? Спи, Медведь, зима пришла.

Сонный возражал, но опустился на место между корнями дуба. Серый глаз закрылся.

Всадник повернулся к Васе. Девочка попятилась, собираясь бежать.

— Как ты сюда попала, девочка? — сказал этот мужчина. Он говорил властно.

Слезы полились по щекам Васи. Лицо одноглазого мужчины напугало ее, а теперь пугала резкость этого мужчины. Но что — то в его взгляде утихомирило ее. Она посмотрела на его лицо.

— Я — Василиса Петровна, — сказала она. — Мой отец владеет Лесной землей.

Они мгновение смотрели друг на друга. А потом Вася растеряла смелость, развернулась и побежала. Незнакомец не преследовал ее. Но он повернулся к своей подошедшей лошади. Они переглянулись.

— Он становится сильнее, — сказал мужчина.

Лошадь дернула ухом.

Ее всадник молчал, но посмотрел в сторону, куда убежала девочка.

* * *

Вася выбралась из тени дуба и поразилась тому, как быстро наступила ночь. Под деревом было похоже на сумерки, но теперь была ночь, густая и со своим суровым воздухом. Лес был полон факелов и отчаянных криков людей. Вася их не слушала, она узнала деревья и хотела в объятия Ольги или Дуни.

Лошадь выбежала из ночи, у всадника не было факела. Лошадь заметила ребенка за миг до всадника и остановилась, встав на дыбы. Вася рухнула на бок и оцарапала руку. Она сунула кулак в рот, чтобы приглушить вопль. Всадник проворчал знакомым голосом, и она тут же оказалась в руках брата.

— Сашка, — всхлипывала Вася, уткнувшись лицом в его шею. — Я заблудилась. В лесу были двое. Двое мужчин. Белая лошадь, черное дерево, и я испугалась.

— Что за мужчины? — осведомился Саша. — Где? Ты ранена? — он отодвинул ее и ощупал.

— Нет, — пролепетала Вася. — Нет... только замерзла.

Саша молчал, она видела, что он злится, хотя осторожно опустил ее на лошадь. Он забрался за ней и укутал в свой плащ. Вася прижалась щекой к мягкой коже его пояса и медленно перестала плакать.

Обычно Саша не ругал сестру, когда она ходила за ним, пыталась поднять его меч или

коснуться тетивы лука. Он даже поощрял ее, давал огарок свечи или горсть орехов. Но теперь страх сделал его злым, и он не говорил с ней по пути.

Он кричал налево и направо, медленно среди людей разошлась весть, что Васю нашли. Если бы ее не нашли до снегопада, она умерла бы в лесу, и ее обнаружили бы только весной, если бы вообще нашли.

— Дура, — прорычал, наконец, Саша, когда перестал кричать, — что на тебя нашло? Убежать от Ольги в лес? Возомнила себя духом леса или забыла о времени года?

Вася покачала головой. Она сильно дрожала. Ее зубы стучали.

— Я хотела съесть пирожок, — сказала она. — Но заблудилась. Не могла найти вяз. Я увидела мужчину у дуба. Двух мужчин. А потом было темно.

Саша нахмурился поверх ее головы.

— Расскажи о том дубе, — сказал он.

— Старый, — сказала Вася. — С выпирающими корнями. Одноглазый. Мужчина, не дуб, — она задрожала еще сильнее.

— Не думай об этом сейчас, — сказал Саша и ускорил уставшую лошадь.

Ольга и Дуня встретили его на пороге. Добрая старушка была в слезах, а Ольга была белой, как девица из сказки. Они растопили печь, налили воду на горячие камни, чтобы был пар. Васю бесцеремонно раздели и сунули к печи греться.

После этого ее начали отчитывать.

— Украсть пирожки, — сказала Дуня. — Убежать от сестры. Как можно так нас пугать, Вася? — она плакала, говоря это.

Глаза Васи были тяжелыми от раскаяния, она пробормотала:

— Прости, Дуня. Прости, прости.

Ее натерли жуткой горчицей, похлопали березовым веником, чтобы разогнать кровь. Ее укутали в шерсть, перевязали оцарапанную руку, влили в ее горло суп.

— Это было очень плохо, Вася, — сказала Ольга. Она гладила волосы сестры, покачивая ее голову на коленях. Вася уже спала. — Хватит на сегодня, Дуня, — добавила Ольга. — Завтра поговорите.

Васю устроили спать на печи, и Дуня легла рядом с ней.

Когда ее сестра уснула, Ольга опустилась рядом с огнем. Ее отец и братья ужинали в углу с мрачными лицами.

— Она будет в порядке, — сказала Ольга. — Не думаю, что она простыла.

— Но мог простыть любой, кого отозвали от очага искать ее, — рывкнул Петр.

— Или я могу, — сказал Коля. — После починки крыши хочется ужинать, а не кататься в свете факела. Я завтра отлуплю ее ремней.

— И? — холодно парировал Саша. — Ее уже лупили. Не мужчины должны заниматься девочками. Ей нужна женщина. Дуня старая. Оле скоро замуж, и старушке одной придется растить ребенка.

Петр молчал. Шесть лет назад он похоронил жену, и он не думал о другой, хотя многие хотели на это место. Но его дочь пугала его.

Когда Коля ушел спать, они с Сашей остались в темноте, смотрели, как свеча догорает перед иконой. Петр сказал:

— Хочешь, чтобы твоя мать была забыта?

— Вася и не знала ее, — отметил Саша. — Но женщина — не сестра и не добрая няня — помогла бы в этом деле. Скоро она станет неуправляемой, отец.

Долгая пауза.

— Вася не виновата, что мама умерла, — добавил Саша тише.

Петр молчал. Саша встал, поклонился отцу и задул свечу.

4

Великий московский князь

Петр побил дочь на следующий день, и она плакала, хотя он не был жесток. Ей запретили покидать деревню, но в этот раз она не возражала. Она была напугана, ей снились кошмары про одноглазого мужчину, лошадь и незнакомца на поляне в лесу.

Саша никому не рассказал, но проверил лес в поисках одноглазого мужчины или дуба с выпирающими корнями. Но он ничего не нашел, а потом три дня падал с силой снег, остановив поиски.

Их жизни тянулись, как всегда зимой, чередой еды, сна и дел во сне. Снег собирался снаружи, холодным вечером Петр сидел на своем стуле, сглаживал кусок ясеня для рукояти топора. Его лицо было каменным, он вспоминал то, что предпочел бы забыть. Марина просила заботиться о ней, пока смерть растекалась по ее милому лицу. «Я выбрала ее, она важна. Петя, пообещай мне».

Петр, горя, пообещал. Но потом его жена отпустила его руку, легла и смотрела мимо него. Она слабо, но радостно улыбнулась, но не Петру. Она больше не говорила и умерла перед рассветом.

А потом они выкопали ее могилу, и Петр накричал на женщин, что пытались отогнать его от жены. Он своими руками обвинил ее холодную плоть, еще пахнущую кровью, и опустил в землю.

Всю зиму малышка кричала, а он не мог посмотреть ей в лицо, потому что ее мать выбрала ее, а не его.

Теперь он должен был все исправить.

Петр хмуро посмотрел на рукоять топора.

— Я поеду в Москву, когда реки замерзнут, — сказал он в тишине.

В комнате раздались вопли. Вася, что спала с высокой температурой, напоенная горячим вином с медом, запищала и выглянула из — за печи.

— В Москву, отец? — спросил Коля. — Снова?

Петр сжал губы. Он уехал в Москву жестокой зимой после смерти Марины. Иван Иванович, единокровный брат Марины, был великим князем, и Петр пытался восстановить связь с ним ради семьи. Но он не взял себе новую жену.

— В этот раз ты хочешь жениться, — сказал Саша.

Петр кивнул, ощущая вес взглядов семьи. В провинции хватало женщин, но московские дамы были со связями и деньгами. Иван не будет все время помогать мужу умершей сестры. И ради дочери ему нужна была новая жена.

«Но... Марина, я так глуп. Я не справлюсь».

— Саша и Коля, вы поедете со мной, — сказал Петр.

Радость озарила лица сыновей.

— В Москву? — спросил Коля.

— На путь уйдет две недели, если все пойдет хорошо, — сказал Петр. — Вы потребуетесь мне в пути. И вы еще не были при дворе. Великий князь должен знать ваши лица.

На кухне воцарился хаос, мальчики радостно вопили. Вася и Алеша тоже хотели поехать. Ольга просила привезти ей камни и наряды. Старшие мальчики возражали, спорили и рассуждали весь вечер.

* * *

После середины зимы снега было втрое больше, он выпал большим слоем, а после последнего снегопада все замерзло, и дыхание людей застревало в нозах, а слабые существа умирали ночью. Это означало, что дороги для саней открыты, дороги эти шли по рекам, укрытым снегом, гладким, как стекло, искрящимся под грязными следами, что пропадут с теплом. Мальчики смотрели на небо, ощущали мороз, расхаживали по дому, натирали обувь и точили копыя.

И вот день настал. Петр и его сыновья встали затемно, а с рассветом вышли во двор. Люди уже собрались. От рассвета их лица покраснелись, их звери топали и выдыхали клубы пара. Мужчина седлал Бурана, буйного монгольского коня Петра, он держался до белых костяшек за уздечку. Петр шлепнул ждущего коня, уклонился от зубов и забрался в седло. Его благодарный слуга отошел, тяжело дыша.

Петр следил за непредсказуемым жеребцом и за хаосом вокруг себя.

Двор у конюшни был полон тел, зверей, саней. Шкуры лежали между ящиками воска и свечей. Бочки меда и медовухи тесно прижимались к сверткам сухой провизии. Коля управлял погрузкой последних саней, его нос был красным от утреннего холода. У него были черные глаза матери, служанки хихикали, когда он проходил.

Корзинка упала со стуком в сухой снег почти под ногами запряженной в сани лошади. Зверь дергался в стороны. Коля отпрянул, Петр бросился вперед, но Саша опередил его. Он слез со своей лошади, как кот, а потом схватил коня за уздечку, заговорил ему на ухо. Конь замер, опешив. Петр смотрел, как Саша указывал куда — то и что — то говорил. Люди поспешили забрать поводья коня и корзинку, что спугнула его. Саша сказал что — то с улыбкой, и они рассмеялись. Юноша вернулся на лошадь. Он сидел лучше брата, любил лошадей и меч нес с грацией. Прирожденный воин, лидер. Петру повезло с сыновьями.

Ольга выбежала из кухни, Вася — за ней. Расшитые сарафаны девочек выделялись на фоне снега. Ольга держала в руках фартук, полный темных буханок, только из печи. Коля и Саша подошли к ним. Вася потянула второго брата за плащ, пока он ел буханку.

— Почему я не могу поехать с тобой, Сашка? — сказала она. — Я буду готовить ужин. Дуня мне показывала, как. Я могу ехать с тобой на лошади, я же маленькая, — она впиалась в его плащ ладошками.

— Не в этом году, лягушонок, — сказал Саша. — Ты еще слишком мала, — при виде печали в ее глазах он опустил перед ней на колени в снегу и вложил в ее ладонь остатки хлеба. — Ешь и расти, сестренка, — сказал он, — чтобы подходить для пути. Бог тебя хранит, — он погладил ее голову, а потом запрыгнул на спину своей коричневой Мыши.

— Сашка! — крикнула Вася, но он умчался, отдавая быстрые приказы мужчинам, грузящим последние сани.

Ольга потянула сестру за руку.

— Идем, Васечка, — сказала она, когда девочка заупрямилась. Они подбежали к Петру. Последняя буханка остывала в руке Ольги.

— Безопасного пути, отец, — сказала Ольга.

«Моя Ольга совсем как мать, — подумал Петр, — ведь у нее лицо матери. Но... Марина была как сокол в клетке. Ольга мягче. Я найду ей хорошего мужа», — он улыбнулся дочерям.

— Да хранит вас обеих Господь, — сказал он. — Может, я найду тебе мужа, Оля, — Вася приглушенно зарычала. Ольга покраснела и рассмеялась, чуть не выронив хлеб. Петр вовремя успел поймать хлеб и был рад, ведь она срезала корочку и влила внутрь мед, растаявший от жара. Петр оторвал большой кусок, его зубы еще были хорошими, а потом замер, с наслаждением жуя. — А ты, Вася, — строго добавил он. — Слушайся сестру и не уходи из дому.

— Да, отец, — сказала Вася, но с тоской смотрела на лошадей.

Петр вытер рот ладонью. Толпа уже привела себя в порядок.

— До встречи, дочери, — сказал он. — Отойдите от саней, — Ольга кивнула с печалью. Вася не кивала, она не могла стоять на месте. Раздались крики, треск хлыстов, и они поехали.

Ольга и Василиса остались один во дворе, слушали колокольчики на санях, пока их не скрыло утро.

* * *

Прошло две недели в пути, они задерживались, но не опасно. Петр и его сыновья прошли окраину Москвы, кипящую торговлей на холме у Москва — реки. Они учуяли город раньше, чем увидели, поднимался дым десяти тысяч костров, а потом из дыма появились купола — зеленые, алые и синие. Наконец, они увидели сам город, большой и запущенный, как красивая женщина с грязными ногами. Высокие золотые башни поднимались гордо над бедными, позолоченные иконы смотрели непоколебимо, пока князья и жены фермеров целовали их лица и молились.

Улицы были в снежной грязи, смешанной несметным количеством ног. Нищие с почерневшими от холода носами цеплялись за стремяна юношей. Коля отбивался, а Саша пожимал их грязные руки. Красное зимнее солнце двигалось к западу, когда они добрались, уставшие и в грязи, до больших деревянных ворот, украшенных бронзой и окруженных башнями. Дюжина лучников следила за дорогой со стены.

Они холодно посмотрели на Петра, сани и его сыновей, но Петр передал их капитану бочку хорошей медовухи, и их мрачные лица тут же смягчились. Петр поклонился капитану, потом его людям, и стражи помахали ему с хором комплиментов.

Кремль сам по себе был городом: дворцы, хижины, конюшни, кузни и много недостроенных церквей. Хотя изначально стены были двойным слоем дуба, с годами дерево изгнило. Брат Марины, великий князь Иван Иванович, приказал заменить их стенами, что были крепче. В воздухе разносился неприятный запах глины, которую пекли на балке, плохо защищающей от огня. Всюду вопили плотники, стряхивали опилки с бород. Слуги, священники, бояре, стражи и торговцы ходили вокруг, шумя. Татары на хороших лошадях терлись плечами с русскими торговцами, направляя сани. Все кричали при малейшем поводе. Коля потрясенно смотрел на давку, с трудом скрывал волнение. Его конь дернулся от прикосновения всадника к поводьям.

Петр уже бывал в Москве. Несколько слов, и их лошадей приняли в загон, нашли место для саней.

— Пригляди за лошадьми, — сказал он Олегу, самому спокойному из его людей. — Не оставляй их, — всюду были праздные слуги, хитрые торговцы и бояре в нарядах. Лошадь могла мигом пропасть и больше не найтись. Олег кивнул, коснулся грубым пальцем рукояти длинного ножа.

Они послали весть об их прибытии. Их гонец встретил их у конюшни.

— Вас вызывают, сударь, — сказал он Петру. — Великий князь за столом, он приветствует брата с севера.

Дорога от Лесной земли была долгой, Петр был грязным, уставшим и замерзшим.

— Хорошо, — кратко сказал он. — Мы идем. Оставь это, — последнее он сказал Саше, который убирал лед с копыта своей лошади.

Они умыли грязные лица холодной водой, надели кафтаны из толстой шерсти и шапки из сияющего соболя, убрали мечи. Город — крепость был переполнен церквями и деревянными замками, земля была в навозе, воздух наполнял дым. Петр шел за гонцом быстрыми шагами. За ним Саша смотрел, щуря глаза, на позолоченные купола и яркие башки. Коля был не менее осторожен, но смотрел на лошадей и оружие всадников.

Они добрались до двойных дубовых дверей, что открылись в зал, полный людей и собак. Большие столы стонали от яств. В дальнем конце зала на высоком резном стуле сидел мужчина с

яркими волосами, ел кусочки мяса, что лежало перед ним.

Ивана II звали Иваном Красным, Иваном Милостивым. Он уже не был юным, ему было около тридцати. Его старший брат Симеон правил до него, но умер от чумы горьким летом.

Великий московский князь был очень светлым. Его волосы сияли, как бледный мед. Женщины собирались вокруг золотой красоты князя. Он был умелым охотником, мастером гончих и лошадей. Его стол скрипел под весом жареного кабана в травах.

Сыновья Петра сглотнули. Они были голодными после двух недель зимнего пути.

Петр прошел по большому залу, сыновья — за ним. Князь не отрывал взгляда от ужина, хотя на них со всех сторон смотрели хитро или с любопытством. Камин, в котором можно было запечь быка, горел за столом князя, и лицо Ивана было в тени, как и лица остей. Петр и его сыновья остановились перед возвышением и поклонились.

Иван пронзил свинину ножом. Кровь была на его желтой бороде.

— Петр Владимирович, да? — медленно сказал он, жуя. Его хмурый взгляд скользнул по ним от шапок до сапог. — Муж моей сестры? — он глотнул медового вина и добавил. — Пусть она покоится с миром.

— Да, Иван Иванович, — сказал Петр.

— Рад встрече, брат, — сказал князь. Он бросил кость дворняжке у трона. — Что привело вас сюда?

— Я хотел представить сыновей, государь, — сказал Петр. — Ваших племянников. Им скоро жениться. Если захочет Бог, я хотел бы тоже найти женщину, чтобы мои младшие дети не росли без матери.

— Достойная цель, — сказал Иван. — Это ваши сыновья? — он посмотрел на юношей за Петром.

— Да. Николай Петрович — мой старший, а второй — Александр, — Коля и Саша вышли вперед.

Великий князь окинул их взглядом, как Петра до этого. Его взгляд задержался на Саше. У юноши начала расти борода, выпирали кости, говоря о его взрослении. Но он был легок на ногах, взгляд серых глаз не дрогнул.

— Рад знакомству, — сказал Иван, не сводя взгляда с младшего сына Петра. — Ты, мальчик, очень похож на свою мать, — Саша опешил, поклонился и промолчал. Тишина затянулась. А потом Иван громче добавил. — Петр Владимирович, добро пожаловать в мой дом, за мой стол, пока вы не закончите свои дела.

Князь вдруг склонил голову и продолжил ужин. Они спешно заняли три освободившихся места за высоким столом. Коле не нужно было повторять, он уже резал кабана, добавил пирог с сыром и грибами. Круглый каравай лежал в центре стола, рядом с солью князя. Коля уже ел, а Саша замер.

— Великий князь так посмотрел на меня, отец, — сказал он. — Словно он знал мои мысли лучше меня.

— Все князи такие, — сказал Петр. Он взял горячий пирог. — У них слишком много братьев, и все хотят себе город, хотят приз богаче. Им приходится хорошо судить людей, иначе их ждет смерть. Остерегайся живых, сынок, они опасны, — и он сосредоточился на еде.

Саша нахмурился, но позволил наполнить его тарелку. В пути они ели странное мясо и сухие пироги, что порой давали им гостеприимные соседи. Стол у великого князя был хорошим, и они наелись от отвала.

Поле этого им дали три комнаты, холодные и с паразитами, но усталость мешала им переживать. Петр проверил сани и своих людей, а потом рухнул на высокую кровать и погрузился во тьму сна.

— Отец, — сказал Саша, дрожа от волнения. — Священник сказал, что на севере Москвы, на холме Маковец есть святой. Он создал монастырь и собрал уже одиннадцать учеников. Говорят, он общается с ангелами. Каждый день к нему приходят за благословением.

Петр хмыкнул. Он уже неделю был в Москве, занимался делами. Его последним усилием — только законченным — был визит к лазутчику татар, баскаку. Никто из Сарая, драгоценного города, построенного Ордой, не был бы впечатлен подношениями северного правителя, но Петр уклончиво передал ему шкуры. Груды лисиц, горностаев, зайцев и соболей были переданы под расчетливым взглядом татарина, он немного смягчился и поблагодарил Петра с добрым видом. Такие шкуры стоили золота при дворе хана, как и южнее в Византии. Это того стоило. Ему мог пригодиться друг среди завоевателей.

Петр устал и вспотел в наряде, расшитом золотом. Но он не мог отдыхать, пока его сын взволнованно рассказывал о святых и чудесах.

— Там всегда есть святые, — сказал Петр Саше. Он знал внезапную тягу к тишине и простой еде, местные жители любили кухню Византии, и в результате блюда вызывали боль в его желудке. Этой ночью пир продолжится, интрига продолжалась, он все еще искал жену себе и мужа Ольге.

— Отец, — сказал Саша. — Я хотел бы пойти в тот монастырь, если можно.

— Сашка, ты не можешь сходить в церковь здесь? — сказал Петр. — Зачем тратить на путь три дня?

Саша оскалился.

— В Москве священники любят свой титул. Они едят жирное мясо и не помогают бедным.

Это было так. Но Петр, хоть и хорошо управлял своим народом, плохо судил о справедливости. Он пожал плечами.

— Твой святой может быть таким же.

— И все же я хотел бы увидеть. Прощу, отец, — хоть у Саши были серые глаза, у него были брови и длинные ресницы матери. Они опустились, изящные на его тонком лице.

Петр задумался. Дороги были опасными, но протоптанный путь на север от Москвы был лучше. Он не хотел растить робкого сына.

— Возьми с собой пятерых. И два десятка свеч, этого должно хватить.

Лицо юноши просияло. Рот Петра напрягся. Марина была упрямой, но он видел ее такой, когда ее душа озаряла лицо огнем.

— Благодарю, отец, — сказал юноша. Он выбежал за дверь быстро, как ласка. Петр услышал, как он во дворе созывает людей и кличет свою лошадь.

— Марина, — тихо сказал Петр, — спасибо за своих сыновей.

* * *

Троице — Сергиевская лавра была построена в глуши. Хотя ноги пилигримов вытоптали путь в снежном лесу, деревья все еще прижимались по бокам, скрывая башню с колоколом простой деревянной церкви. Саша вспомнил свою деревню. Неровный частокол окружал монастырь из маленьких деревянных зданий. В воздухе пахло дымом и пекущимся хлебом.

Олег ехал с ним, управлял остальными.

— Мы не сможем все войти, — сказал Саша, остановив лошадь.

Олег кивнул. Все спешили, звякая стремянами.

— Ты и ты, — сказал Олег, — следите за дорогой.

Выбранные мужчины устроились у тропы, ослабили ремни на лошадях и приступили к поискам хвороста. Другие прошли между столбами узких незапертых врат. Большие деревья бросали тени на маленькую церковь.

Худой мужчина вышел на порог, стряхивая муку с ладоней. Он был не очень высоким, не очень старым. Его широкий нос был между большими водянистыми глазами, зеленовато — карими, как лесной пруд. Он был в грубом одеянии монаха в пятнах муки.

Саша знал его. Монах мог быть в лохмотьях нищего или наряде епископа, а Саша все равно узнал бы его. Юноша рухнул на колени в снегу.

Монах остановился.

— Что привело тебя сюда, сын мой?

Саша едва заставил себя поднять голову.

— Я пришел за благословением, батюшка, — выдавил он.

Монах вскинул брови.

— Не нужно меня так звать, я не посвящен в сан. Все мы — дети Бога.

— Мы принесли свечи для алтаря, — пролепетал Саша, все еще на коленях.

Тонкая натруженная рука обхватила локоть Саши и подняла его на ноги. Они были почти одного роста, но юноша был шире в плечах, еще не повзрослел, так что был нескладным.

— Здесь мы преклоняемся только перед Богом, — сказал монах. Он разглядывал лицо Саши. — Я делаю хлеб для службы этой ночью, — резко добавил он. — Идем, поможешь мне.

Саша кивнул без слов и махнул своим людям идти.

Кухня была грубой, жаркой от печи. Мука, вода и соль ждали, когда их замешают, раскатают и испекут в пепле. Они работали в тишине, но тишина была легкой. В этом месте было спокойно. Вопросы монаха были мягкими, и юноша едва их замечал. Ему было неловко заниматься непривычным заданием, он месил тесто и рассказывал об отце, о смерти матери, о путешествии в Москву.

— И ты пришел сюда, — закончил за него монах. — Что ты ищешь, сын мой?

Саша открыл рот и закрыл его.

— Н — не знаю, — признался он со стыдом. — Чего — то.

К его удивлению, монах рассмеялся.

— Хочешь остаться?

Саша уставился на него.

— Жизнь тут у нас сложная, — серьезно продолжал монах. — Тебе придется построить свою келью, высадить свой сад, печь свой хлеб, помогать братьям, когда нужно. Но тут спокойствие, умиротворение. Вижу, ты его ощутил, — видя потрясение Саши, он сказал. — Да, да, многие пилигримы приходят сюда и просят остаться. Но мы принимаем только тех, кто не знает, чего ищет.

— Да, — медленно сказал Саша. — Да, я бы очень хотел остаться.

— Хорошо, — сказал Сергей Радонежский и повернулся к печи.

* * *

Они гнали лошадей в Москву. Олег не так понял пылающий взгляд на лице юноши. Он ехал близко к Саше, хотел поговорить с Петром, но юноша добрался до отца первым.

Они приехали в город на пылающем закате, башни церквей и дворца темнели на фоне фиолетового неба. Саша оставил лошадь во дворе и побежал по лестнице к комнатам отца. Он нашел отца и брата одевающимися.

— Рад встрече, младший брат, — сказал Коля, когда Саша вошел. — Ты закончил с церквями? — он быстро посмотрел на Сашу и повернулся к одежде. Зажав язык губами, он

устроил шапку из черного соболя на черных волосах. — Ты вовремя. Помойся. Мы сегодня идем пировать, и нам покажут женщину, на которой женится отец. У нее все зубы — это важно, как по мне — и приятный... что, Саша?

— Сергей Радонежский пригласил меня остаться в монастыре на холме Маковец, — громко повторил Саша.

Коля побелел.

— Я хочу быть монахом, — сказал Саша. Они посмотрели на него. Петр надевал красные сапоги. Он развернулся, чтобы увидеть сына, и чуть не упал.

— Зачем? — завопил Коля с ужасом. Саша стиснул зубы из — за неприятных слов на языке, его брат уже привлекал множество служанок во дворце.

— Чтобы посвятить жизнь Богу, — сообщил он Коле с ноткой важности.

— Вижу, святой тебя впечатлил, — сказал Петр, не дав Коле прийти в себя. Он восстановил равновесие и надел второй сапог с большей силой, чем требовалось.

— Да... впечатлил, отец.

— Хорошо, так и сделай, — сказал Петр.

Коля раскрыл рот. Петр опустил ногу и выпрямился. Его кафтан был рыже — золотым, золотые кольца на ладонях мерцали в свете свечей. Его волосы и борода были смазаны ароматным маслом, он выглядел внушительно и неуютно.

Саша ожидал спора, так что уставился на отца.

— При двух условиях, — добавил Петр.

— Каких?

— Во — первых, ты не будешь посещать того святого, пока не поедешь присоединиться к нему. Это будет после урожая следующего года, чтобы ты год подумал. Во — вторых, ты должен помнить, что, если станешь монахом, все твое наследство перейдет братьям, и у тебя останутся только молитвы.

Саша сглотнул.

— Но, отец, если бы я только снова увидел его...

— Нет, — заявил Петр непререкаемым тоном. — Ты можешь стать монахом, если хочешь, но ты сделаешь это с закрытыми глазами, а не поддавшись словам затворника.

Саша с неохотой кивнул.

— Хорошо, отец.

Петр был чуть мрачнее обычного, он повернулся без слов и пошел к лестнице, где ждали лошади, задремав в угасающем свете вечера.

6

Демоны

Иван Красный имел лишь одного сына: маленького светловолосого сорванца Дмитрия Ивановича. Алексей, митрополит Москвы, высший священник Руси, получивший сан от самого патриарха Константинополя, учил мальчика письму и управлению государством. Порой Алексею казалось, что поможет в его работе только чудо.

Три часа мальчишки корпели над берестой: Дмитрий и его старший двоюродный брат Владимир Андреевич, юный князь Серпухова. Они дрались, проливали чернила. Алексею казалось, что дворцовые коты лучше сидели бы и слушали.

— Отец! — закричал Дмитрий. — Отец!

Иван Иванович вошел в дверь. Мальчишки вскочили со стульев и поклонились, толкаясь.

— Выйдите, дети мои, — сказал Иван. — Я поговорю со святым отцом.

Мальчики тут же пропали. Алексей опустился на стул у печи и налил медовухи.

— Как мой сын? — сказал Иван, придвинув стул и устроившись напротив. Князь и митрополит давно знали друг друга. Алексей был верным Ивану еще до смерти Симеона и перехода власти к нему.

— Смелый, честный, очаровательный и непоседа как бабочка, — сказал Алексей. — Он будет хорошим принцем, если проживет долго. Зачем вы пришли ко мне, Иван Иванович?

— Анна, — сказал Иван.

Митрополит нахмурился.

— Ей стало хуже?

— Нет, но и лучше не становится. Она стала слишком взрослой, чтобы прятаться во дворце и пугать людей, — Анна Ивановна была единственным ребенком Ивана от первого брака. Мать девушки была мертва, а ее мачеха ненавидела ее. Люди шептались, когда она проходила, и крестились.

— Есть достаточно монастырей, — ответил Алексей. — Это просто.

— Не в Москве, — сказал Иван. — Жена этого не потерпит. Она заявит, что о девочке будут болтать, если она останется близко. Безумие постыдно в роду правителей. Ее нужно отослать.

— Я все устрою, как вы пожелаете, — утомленно сказал Алексей. Он уже многое устраивал для этого князя. — Она может отправиться на юг. Заплатите настоятельнице золотом, и она заберет Анну и скроет ее происхождение.

— Благодарю, отец, — сказал Иван и налил еще вина.

— Но, думаю, у вас проблема серьезнее, — добавил Алексей.

— Их много, — сказал великий князь, выпивая вино. Он вытер рот ладонью. — О какой вы говорите?

Митрополит кивнул в сторону двери, куда ушли два принца.

— Юный Владимир Андреевич, — сказал он. — Князь Серпухова. Его семья хочет, чтобы он женился.

Иван не был впечатлен.

— На это еще много времени. Ему всего тринадцать.

Алексей покачал головой.

— Они думают о принцессе Литвы, второй дочери герцога. Помните, Владимир еще и внук Ивана Калиты, он старше вашего Дмитрия. При хорошем браке и совершеннолетию он сможет забрать Москву у вашего сына, если вы умрете раньше времени.

Иван побледнел от гнева.

— Они не посмеют. Я — великий князь, и Дмитрий — мой сын.

— И? — Алексей не поразился. — Хан помогает князьям, пока они служат ему. Сильнейший князь получает власть. Так Орда обеспечивает мир на территориях.

Иван задумался.

— И что?

— Пусть Владимир женится на другой, — сказал сразу Алексей. — Не на принцессе, но и не плохого происхождения, чтобы не оскорбить. Если она красива, юноша не откажется.

Иван задумался, потягивая вино и грызя пальцы.

— У Петра Владимировича богатые земли, — сказал он. — Его дочь — моя племянница, у нее будет большое приданое. Она должна быть красивой. Моя сестра была очень красивой, а ее мать очаровала моего отца, заставив жениться, хотя пришла в Москву нищенкой.

Глаза Алексея сияли. Он потянул каштановую бороду.

— Да, — сказал он. — Я слышал, что Петр Владимирович в Москве ищет себе жену.

— Да, — сказал Иван. — Он всех удивил. Со смерти моей сестры прошло семь лет. Никто не думал, что он женится снова.

— Хорошо, — сказал Алексей. — Если он ищет жену, может, отдадите ему свою дочь?

Иван опустил кубок с удивлением.

— Анна будет скрыта в северных лесах, — продолжил Алексей. — Разве тогда Владимир Андреевич откажется от дочери Петра? От девушки, что так близко к трону? Так он оскорбит вас.

Иван нахмурился.

— Анна хочет в монастырь.

Алексей пожал плечами.

— И что? Петр Владимирович не жесток. Она будет довольно счастлива. Подумайте о сыне, Иван Иванович.

* * *

Демон сидел, вышивая, в углу, только она его видела. Анна Ивановна сжала крест на груди. Закрыв глаза, она шептала:

— Уйди, уйди, прошу, уйди.

Она открыла глаза. Демон все еще был там, но теперь две ее женщины смотрели на нее. Все остальные смотрели на вышивку на коленях. Анна старалась не смотреть на угол, но не могла сдержаться. Демон сидел на стуле, заметный. Анна поежилась. Тяжелая льняная рубаша давила на ее колени мертвым грузом. Она сунула ладони в складки одеяния, чтобы скрыть дрожь.

Служанка проникла в комнату. Анна спешно взяла иголку и удивилась, когда потрепанные башмаки остановились перед ней.

— Анна Ивановна, вас вызывает отец.

Анна уставилась. Ее отец не вызывал ее почти год. Она сидела, остолбенев, а потом вскочила на ноги. Она быстро сменила простой сарафан на другой, алый с позолотой, надела его на грязную кожу, стараясь не обращать внимания на запах длинной каштановой косы.

Русь любила чистоту. Зимой ее родственницы каждую неделю ходили в купальни, но там был маленький пузатый демон, что улыбался в паре. Анна старалась показать его, но сестры ничего не видели. Сначала они решили, что ей показалось, потом — что она глупая, а после этого просто поглядывали на нее и молчали. Анна больше не говорила о глазах в купальне, как не упоминала и о лысом существе, вышивающем в углу. Но она порой поглядывала туда, и она не ходила в купальню, пока ее мачеха не стыдила ее, пока не вела туда силой.

Анна распустила и еще раз заплела грязные волосы, коснулась крестика на груди. Она была самой верующей из сестер. Все так говорили. Они не знали, что в церкви из неземных лиц были только иконы. Демоны не преследовали ее там, и она жила бы в церкви, если могла, защищенная благоговениями и нарисованными глазами.

Печь была горячее в кабинете ее мачехи, великий князь стоял рядом с ней, потев в зимней одежде. Он был с привычным кислым выражением лица, хотя глаза искрились. Его жена сидела у огня, ее тонкая коса тянулась из — под высокого головного убора. Ее иголки остались забытыми на коленях. Анна остановилась в нескольких шагах от них, склонила голову. Муж и жена в тишине разглядывали ее. Наконец, ее отец заговорил с ее мачехой;

— Ради Бога, женщина, — он звучал раздраженно. — Она не может помыться? Выглядит так, словно жила со свиньями.

— Не важно, — ответила ее мать, — если она уже обещана.

Анна смотрела на ноги, как хорошая дева, но в этот миг вскинула голову.

— Обещана? — прошептала она, ненавидя то, каким высоким стал ее голос.

— Ты выйдешь замуж, — сказал ее отец. — За Петра Владимировича, северного боярина.

Он богатый, и он будет добр с тобой.

— Замуж? Но я думала... надеялась... уйти в монастырь. Я... я бы молилась за вашу душу, отец. Я больше всего этого хотела, — Анна заламывала руки.

— Ерунда, — сухо сказал Иван. — У тебя появятся сыновья, и Петр Владимирович — хороший человек. Монастырь — холодное место для девушки.

Холодное? Нет, он был безопасен. Благословлен, спас бы ее от безумия. Анна хотела принять обет, сколько себя помнила. Теперь ее кожа побелела от ужаса, она бросилась вперед и обхватила ноги отца.

— Нет, отец! — закричала она. — Прошу! Я не хочу замуж.

Иван поднял ее рывком, поставил на ноги.

— Довольно, — сказал он. — Я решил, это к лучшему. У тебя будет хорошее приданое, конечно, и ты родишь мне сильных внуков.

Анна была маленькой и невзрачной, и ее мачеха, судя по ее лицу, сомневалась в словах князя.

— Но... прошу, — прошептала Анна. — Какой он?

— Спроси у женщин, — милостиво сказал Иван. — Уверен, у них ходят слухи. Жена, проверь, чтобы она была собрана. И пусть помоемся до свадьбы.

Анна пошла обратно, подавляя всхлипы. Замуж! Не в монастырь, а хозяйкой в поместье боярина. Не в безопасность, а жить как племенная кобылица боярина. Северные бояре были похотливыми, как говорили служанки, одевались в шкуры, и в семьях у них были сотни детей. Они были грубыми, воинственными. Говорили даже, что они отринули православную веру и поклонялись дьяволу.

Анна сняла красивый сарафан через голову, дрожа. Ее грешное воображение рисовало демонов в относительной безопасности в Москве, а что будет в одиночестве в поместье дикого боярина? Северные леса были полны призраков, как говорили женщины, и зима там длилась восемь месяцев из двенадцати. Мысли не помогали. Девушка села за вышивку, ее руки дрожали, и стежки не выходили прямыми. Она боролась, но лен был в пятнах беззвучных слез.

7

Встреча на рынке

Петр Владимирович, не зная, что великий князь и митрополит решили его будущее, проснулся рано утром и отправился на рынок на главной площади Москвы. Во рту был вкус старых грибов, его голова болела от разговоров и напитков. И он поступил глупо, позволив сыну свободу. Его сын хотел стать монахом. Петр надеялся на Сашу. Мальчик был спокойным, он был умнее старшего брата, ладил с лошадьми и оружием. Петр не хотел отпускать его в монастырь выращивать сад, почитая Бога.

Он уговаривал себя, что Саше было всего пятнадцать. Он мог передумать. Набожность была одним делом, другое — оставить семью и наследство ради лишений и холодной постели.

Шум голосов отвлек его от мыслей. Петр встряхнулся. Холодный воздух пах лошадьми и огнем, сажей и медовухой. Люди с кружками на поясах описывали качества напитка, стоя у бочек. Торговцы выпечкой ходили с подносами с горячим, а продавцы одежды, камней, воска, редкого дерева, меда и меди, медных и золотых мелочей боролись за место. Их голоса гремели в утреннем солнце.

А рынок тут был небольшим.

Хан сидел в Сараях. Туда ходили известные торговцы, продавали диковинки двору,

пострадававшему от трех сотен лет разбоя. Даже рынке на юге, во Владимире, или на западнее, в Новгороде, были больше, чем московский. Но торговцы все же прибывали на север из Византии и дальше с востока, их манили цены товаров, манило еще больше, потому что князья платили им шкурами с севера.

Петр не мог вернуться домой с пустыми руками. Подарок Ольге был простым, он купил ей ленту для волос из шелка с жемчугом, чтобы сияла на ее темных волосах. Трем сыновьям он купил кинжалы, короткие, но тяжелые, с украшенными рукоятями. Но, как он ни пытался, он не мог ничего найти Василисе. Она не любила мелочи, бусы или украшения для волос. Но он не мог дать ей кинжал. Хмурясь, Петр мешкал, разглядывая золотые брошки, когда заметил странного мужчину.

Петр не мог сказать, что именно в нем странного, но он был неподвижным среди суеты. Его одежды подходили князю, сапоги были богато расшиты. Нож висел на его поясе, белые камни сверкали на рукояти. Его черные кудри не были прикрыты, что было странно для любого мужчины, еще и зимой — небо было ясным, а под ногами скрипел снег. Он был гладко выбрит, что было неслыханно для Руси. Петр издалека не мог понять, стар он или молод.

Петр понял, что пялится, и отвернулся. Но ему было любопытно. Торговец камнями тихо сказал ему:

— Интересен тот мужчина? Не вам одному. Он порой приходит на рынок, но никто не знает, кто его народ.

Петр не поверил. Торговец ухмыльнулся.

— Правда, господин. Его не видели в церкви, епископ хочет, чтобы его закидали камнями за идолопоклонство. Но он богатый, всегда приносит невероятные товары. И князь утихомиривает церковь, а мужчина приходит и уходит. Может, это дьявол, — он издал смешок, а потом нахмурился. — Я ни разу не видел его весной. Он всегда приходит зимой, в конце года.

Петр хмыкнул. Он не отрицал существование демонов, но не был убежден, что они ходили бы по рынку — летом или зимой — в величественном наряде. Он покачал головой, указал на браслет и сказал:

— Он у вас гниет. Серебро уже зеленое по краям, — торговец запротестовал, они начали спорить, забыв о темноволосом незнакомце.

* * *

А незнакомец остановился перед прилавком в десяти шагах от Петра. Он провел тонкими пальцами по шелковому свертку. Его ладони говорили ему о качестве товаров, он лишь на миг взглянул на ткань перед собой. Его бледные глаза стреляли взглядом по людному рынку.

Торговец тканью смотрел на незнакомца с опаской. Торговец знал его, некоторые считали его одним из них. Он уже привозил диковинки в Москву: оружие из Византии, фарфор легче воздуха. Торговцы помнили. Но в этот раз у незнакомца была другая цель, иначе он не пришел бы на юг. Он не любил города, и пересекать Волгу было рискованно.

Краски вспыхивали, вес ткани вдруг показался скучным, и через миг незнакомец оставил ткань и пошел по площади. Его лошадь стояла на южной стороне, жевала сено. Сгорбленный старик стоял рядом с ее головой, бледный и худой, выглядел иллюзорно, хотя белая кобылица была величественна, как гора, и ее упряжь сияла серебром. Люди смотрели на нее с восхищением, проходя мимо. Она кокетливо потряхивала ушами, вызывая у всадника слабую улыбку.

Но вдруг крупный мужчина с потрескавшимися ногтями появился из толпы и схватил поводья лошади. Лицо всадника потемнело. Хотя его шаги не ускорились — не было необходимости — холодный ветер налетел на площадь. Люди хватались за шапки, кутались в одежду. Вор забрался на седло кобылицы и впился пятками в бока.

Но кобылица не двигалась. Как и старик, что странно. Он не кричал, не поднял руку. Он лишь смотрел с нечитаемым взглядом глубоко посаженных глаз.

Вор ударил по плечу кобылицы. Она не пошевелила копытом, лишь тряхнула хвостом. Вор замешкался в потрясении, а потом было слишком поздно. Всадник подошел и сорвал его с седла. Вор закричал бы, но его горло замерзло. Он потянулся к деревянному кресту у горла.

Всадник улыбнулся без веселья.

— Ты тронул мое. Думаешь, вера тебя спасет?

— Государь, — пролепетал вор. — Я не знал... я думал...

— Что такие, как я, не ходят среди людей? Я хожу, где пожелаю.

— Прошу, — выдавил вор. — Государь, молю...

— Не хнычь, — сказал незнакомец с холодным юмором. — И я оставлю тебя пока что ходить под солнцем. Но, — тихий голос стал ниже, веселье утекло из него, как вода из разбитой чашки, — ты отмечен, ты мой, и однажды я коснусь тебя снова. И ты умрешь, — вор подавил всхлип, а потом оказался один, горло и руку жалило.

Незнакомец уже был в седле, хотя никто не видел, как он забрался, он послал лошадь в толпу. Старик поклонился и пропал среди людей.

Кобылица была легкой, быстрой и ловкой. Гнев всадника угасал, пока он ехал.

— Знаки вели меня сюда, — сказал он лошади. — В этот вонючий город, хотя мне не стоило покидать свои земли, — он был в Москве уже месяц, искал без устали, заглядывал в каждое лицо. — Что ж, знаки не надежны, — сказал он. — Дочь ведьмы скрыта от меня, ее дитя давно пропало. Время прошло и может больше не наступить.

Кобылица ударила всадника ухом. Он сжал губы.

— Нет, — сказал он. — Меня так просто одолеть?

Кобылица уверенно бежала. Мужчина тряхнул головой. Он еще не был побежден, магия дрожала в его горле, в его ладони наготове. Его ответ был где — то в жалком городе, и он найдет его.

Он повернул кобылицу на запад, направил ее галопом. Прохлада среди деревьев очистит его голову. Он еще не был побежден.

Пока еще.

* * *

Запах медовухи и собак, пыли и людей поприветствовал незнакомца, когда он пришел на пир великого князя. Бояре Ивана были крупными людьми, привыкшими биться, вырезать жизнь в землях холода. Незнакомец не был крупнее самого маленького из них. Но никто, даже самый смелый — или пьяный — не мог посмотреть ему в глаза, никто не бросал ему вызов. Незнакомец занял место за высоким столом, пил медовое вино. Серебряная вышивка на его кафтане сияла в свете факелов. Одна из фрейлин княгини села рядом с ним и смотрела из — под длинных ресниц.

Пост был близко, и пир был роскошным. Но для незнакомца все было одинаковым. Тусклые занятые лица. Они сидели в полумраке с неприятными запахами. Он впервые ощутил не отчаяние, но начало смирения.

И тут мужчина прошел в зал с двумя юношами. Они заняли места за высоким столом. Мужчина был обычным, одежда была неплохого качества. Старший сын важничал, а юный шагал тихо, взгляд был холодным и мрачным. Довольно обычно.

И все же...

Незнакомец оглянулся. С этими тремя появился ветер, северный ветер. И за один вдох ветер рассказал ему историю о жизни и смерти, о ребенке, рожденном в год смерти.

— Кровь держится, брат, — прошептал он. — Она жива, я не ошибался, — он торжествовал.

Он повернулся к столу (хотя на деле не двигался), улыбнулся с внезапной радостью женщине рядом с собой.

* * *

Петр забыл о незнакомце на рынке. Но, когда он пришел за стол великого князя ночью, он быстро вспомнил. Этот незнакомец сидел среди бояр рядом с одной из фрейлин княгини. Она смотрела на него, веки трепетали, как раненые птицы.

Петр, Саша и Коля оказались слева от дамы. Хотя за ней пытался ухаживать Коля, она даже не посмотрела на него. Злясь, юноша не ел, а сверлил взглядом (без толку), теребил нож на поясе (не замечено), описывал брату красоту дочери торговца (но его та фрейлина даже не слышала). Саша старался не проявлять эмоции, словно игра в глухоту закончила бы неприятный разговор.

Сзади раздался кашель. Петр оторвал взгляд от интересной сцены и увидел слугу у своего локтя.

— Великий князь поговорит с вами.

Петр нахмурился и кивнул. Он едва видел князя с той первой ночи. Он говорил со многими дворянами, раздавал взятки, в ответ его убеждали, что, пока он будет платить дань, его не будут трогать сборщики налогов. Он вел переговоры за руку скромной женщины, что вела бы его хозяйство и была бы матерью для его детей. Все шло по порядку. Чего же хотел князь?

Петр пошел вдоль стола, заметил блеск зубов в свете огня, у ног Ивана лежали собаки. Князь не медлил.

— Мой юный племянник, Владимир Андреевич из Серпухова, хочет взять в жены вашу дочь, — сказал он.

Петр не был бы так потрясен, если бы князь сообщил ему, что его племянник решил стать менестрелем и бродил по улицам, играя на гуслях. Он посмотрел на принца, а тот пил, сидя в стороне за столом. Племяннику Ивана было тринадцать, он только подрастал, был нескладным и в прыщах. Он был внуком Ивана Калиты, что когда — то был великим князем. Разве мог он найти лучший вариант? Все семьи при дворе предлагали ему своих дочерей, надеясь, что ему кто —нибудь понравится. Почему тогда выбрали дочь богача со скромной родословной, девушку, которую юноша никогда не видел, которая жила далеко от Москвы.

Ох. Петр отогнал удивление. Ольга была издалека. Иван не хотел бы допустить девушек со связями с богатыми семьями, ведь это дало бы принцу шанс получить трон. Юный Дмитрий не смог бы тогда затмить двоюродного брата, и Владимир был на три года старше него. Князья наследовали трон, как того желал Хан. Дочь Петра была лишь с неплохим приданым. Иван хотел выбрать Петра, а не бояр из Москвы.

Петр был рад.

— Иван Иванович, — начал он.

Но князь не закончил.

— Если вы выдадите дочь за него, я готов отдать свою дочь, Анну Ивановну, для брака с вами. Она — хорошая девушка, скромная, как голубка, и она сможет родить вам еще сыновей.

Петр снова был потрясен, но не так сильно рад. У него было три сына, чтобы разделить между ними имущество, ему не требовалось больше. Зачем князю отдавать девственную дочь мужчине, которому женщина требовалась лишь для ведения хозяйства?

Князь вскинул бровь. Но Петр мешкал.

Она была племянницей Марины, дочерью великого князя, родней его детям, и он не мог спросить, что с ней не так. Даже если бы она была больной, пьяницей или потаскушкой, выгода от такого брака была бы огромной.

— Как я могу отказаться, Иван Иванович? — сказал Петр.

Князь мрачно кивнул.

— Человек придет завтра к вам и обсудит брачный контракт, — сказал он и повернулся к кубку и собакам.

Петр был свободен, он пошел на свое место за длинным столом и передал новость сыновьям. Коля дулся, глядя на кубок. Темноволосый незнакомец ушел, и женщина смотрела в сторону, куда он ушел, на ее бледном лице были такие ужас и тоска, что Петр поймал себя на том, что его ладонь невольно потянулась за мечом, которого при нем не было.

8

Слово Петра Владимировича

Петр Владимирович взял невесту за холодную руку, посмотрел на ее напряженное личико и задумался, не ошибся ли он. Они неделю обсуждали детали брака (его нужно было отпраздновать до начала Поста). Коля в это время развлекался с половиной служанок, ожидая от отца новости. Он не мог достичь одного мнения. Одни говорили, что она была красивой. Другие заявляли, что у нее была бородавка на подбородке и только половина зубов. Говорили, что отец держал ее взаперти, что она пряталась в комнатах и не выходила. Говорили, что она была больна или безумна, печальна или просто робка, и Петр боялся, что проблема окажется еще ужаснее.

Но теперь, глядя на невесту без вуали, он задумался. Она была очень маленькой, наверное, одного возраста с Колей, хотя ее поведение делало ее моложе. Ее голос был тихим, вела она себя покорно, ее губы были приятно полными. В ней не было ничего от Марины, хоть у них был один дед, и за это Петр был благодарен. Каштановая коса обрамляла ее круглое лицо. Вблизи было видно напряжение во взгляде, казалось, со временем ее лицо будет в морщинах, как сжатый кулак. Она носила крест и все время теребила его, смотрела на пол, даже когда Петр хотел заглянуть в ее лицо. Он не мог увидеть в ней ничего плохого, кроме, может, плохого характера. Она не казалась пьяной, прокаженной или безумной. Может, девушка просто была скромной. Может, князь этим браком показывал одобрение.

Петр коснулся силуэта нежных губ невесты, не веря в происходящее.

Они пировали в зале ее отца после свадьбы. Стол ломился под весом рыбы и хлеба, пирога и сыров. Люди Петра кричали и пили за его здоровье. Великий князь и его семья улыбались, и это казалось искренним, они желали им много детей. Коля и Саша говорили мало, сдержанно смотрели на их мачеху, что была чуть старше, чем они.

Петр наливал жене медовуху, пытался расслабить ее. Он старался не думать о Марине, на которой женился в шестнадцать, которая смотрела ему в глаза, произнося клятву, смеялась и пела, хорошо ела на брачном пире, поглядывая на него, словно бросая вызов. Петр утащил ее в постель, почти обезумев от желания, целовал ее страстно, и утром они были пьяны от истомы и общей радости. Но это создание не было способно на страсть. Она сжалась под головным убором, отвечала на его вопросы односложно, рвала хлеб пальцами. Наконец, Петр отвернулся от нее, вздохнув, его мысли ушли к тропе в зимнем темном лесу, к снегам в Лесной земле и простоте охоты и шитья, вдали от города улыбающихся врагов и взяток.

* * *

Через шесть недель Петр и его свита были готовы уезжать. Дни тянулись, снег в столице начал смягчаться. Петр и его сыновья смотрели на снег и ускоряли приготовления. Если лед растает раньше, чем они пересекут Волгу, им придется сменить сани на повозки, вечность ждать, пока река станет проходимой на пароме.

Петр переживал за свои земли, хотел вернуться к охоте и долгу мужа. Он думал смутно, что

чистый северный воздух успокоит его жену Анну, тихую и послушную, но озирающуюся с испуганными глазами, теребящую пальцами крест на груди. Порой она ворчала на пустые углы. Петр брал ее в постель каждую ночь после их свадьбы скорее из долга, чем от удовольствия, но она все еще не смотрела ему в лицо. Он слышал, как она плачет, думая, что он спит.

Их компания стала больше, добавились вещи Анны Ивановны и ее свита. Их сани наполнили двор, многие слуги прикрепляли сумки к лошадям. Сыновья Петра были верхом. Лошадь Саша переминалась с ноги на ногу, вскидывала темную голову. Конь Коли стоял неподвижно, а Коля сжимался в седле, его глаза были налиты кровью и смотрели на утреннее солнце. Коля был успешным среди сыновей бояр в Москве. Он оказался лучше всех в борьбе, почти лучше всех в стрельбе из лука, пил почти дольше всех за столом, развлекался с женщинами во дворце. Он наслаждался собой, не желая уезжать, ведь дома его ждал труд.

Петр был рад, что съездил сюда. Ольга была помолвлена за мальчика, о каком он и не мечтал. Он женился, и, хоть жена и была странной, она не была больной, еще и была дочерью великого князя. Петр бодро готовился к отправлению. Он огляделся вокруг своего серого жеребца, им пора было ехать.

Незнакомец стоял у головы коня, мужчина с рынка, который был и за столом великого князя. Петр забыл о нем в спешке свадьбы, но теперь он стоял и гладил нос Бурана, смотрел одобрительно на жеребца. Петр ждал с опаской, незнакомец должен был остаться без руки от таких фамиллярностей с Бураном, но он с потрясением понял, что конь замер, опустил уши, как старый осел.

Петр раздраженно шагнул к ним, но Коля опередил его. Юноша нашел цель, чтобы выместить гнев, головную боль и общее недовольство. Он остановил своего коня, оказался в шаге от незнакомца, копыта коня могли уже запачкать брызгами грязного снега голубое одеяние мужчины. Конь закатывал глаза, пот катился по коричневым бокам.

— Что вы здесь делаете? — осведомился Коля, сжимая коня руками. — Как посмели трогать коня моего отца?

Незнакомец вытер брызги со щеки.

— Красивый у него конь, — ответил он невозмутимо. — Я подумывал купить его.

— Не можете, — Коля спрыгнул на землю. Старший сын Петра был широким и тяжелым, как сибирский бык. Другой был ниже и хрупким, должен был выглядеть хрупко рядом с ним, но не выглядел. Может, дело было в его взгляде. Петр с тревогой ускорил шаги. Коля, наверное, еще был пьян или не замечал, он решил, что незнакомец поддается, — И как вы справитесь с таким конем, мужичок? — добавил он едко. — Бегите к своей возлюбленной и оставьте боевых коней сильным мужчинам! — он оказался нос к носу с незнакомцем, пальцы касались кинжала.

Незнакомец криво улыбнулся. Петр хотел крикнуть в предупреждении, но слова застыли в горле. На миг незнакомец был неподвижен.

А потом пошевелился.

Петру показалось, что он пошевелился. Он этого не видел. Только что — то мелькнуло, словно свет на крыле птицы. Коля закричал, схватился за запястье, а мужчина оказался за ним, обвил рукой шею и прижал кинжал к горлу. Это произошло так быстро, что лошади даже не успели вздрогнуть. Петр бросился вперед с рукой на мече, но замер, когда мужчина поднял голову. У незнакомца были странные глаза, Петр еще таких не видел. Бледно — голубые, как ясное небо в холодный день. Его ладони были быстрыми и гибкими.

— Ваш сын оскорбил меня, Петр Владимирович, — сказал он. — Мне лишить его жизни? — нож дрогнул. Тонкая красная линия открылась на шее Коли, пропитывая его новую бороду. Юноша судорожно вдохнул. Петр не смотрел на него.

— Решать вам, — сказал он. — Но, молю, позвольте сыну извиниться.

Мужчина с презрением посмотрел на Колю.

— Пьяный мальчишка, — он крепче сжал кинжал.

— Нет! — прохрипел Петр. — Я могу извиниться. У нас есть золото. Или... если хотите, мой конь, — Петр не оглядывался на прекрасного серого жеребца. Тень удивления появилась в холодных глазах незнакомца.

— Щедро, — сухо сказал он. — Но нет. Я пощажу вашего сына, Петр Владимирович, в обмен на вашу услугу.

— Какую услугу?

— У вас есть дочери?

Это было неожиданно.

— Да — осторожно ответил Петр. — Но... — удивление в глазах незнакомца усилилось.

— Нет, я не возьму ее как любовницу, не изнасилую в снегу. Вы же везете подарки детям? У меня есть подарок для вашей младшей дочери. Пусть поклянется, что оставит это при себе. И вы не должны ни одной живой душе говорить об обстоятельствах нашей встречи. Только в таких обстоятельствах я отпущу вашего сына.

Петр мгновение думал об этом. Подарок? Какой подарок может стоить жизни его сына?

— Я не буду рисковать дочерью, — сказал он. — Даже ради сына. Вася — последняя дочь моей жены, — он сглотнул. Кровь Коли лилась медленным алым ручейком.

Мужчина смотрел на Петра, щурясь, тишина затянулась. А потом незнакомец сказал:

— Это ей не навредит. Клянусь. Клянусь льдом и снегом и тысячью жизней людей.

— Тогда что это за подарок? — сказал Петр.

Незнакомец отпустил Колю, который стоял, как лунатик, его взгляд был удивительно пустым. Незнакомец прошел к Петру и вытащил предмет из мешочка на поясе.

Петр и не думал, что мужчина даст ему такое: один камень, ослепительный, серебристо — голубой, укутанный в бледный металл, как звезда или снежинка, он висел на цепочке, похожей на шелковую нить.

Петр поднял голову, но незнакомец не дал ему задать вопрос.

— Вот, — сказал он. — Всего лишь безделушка. Обещайте. Вы отдадите это своей дочери и никому не расскажете о нашей встрече. Если нарушите слово, я приду и убью вашего сына.

Петр посмотрел на своих людей. Все стояли с пустыми глазами, даже Саша на коне кивал тяжелой головой. Кровь Петра похолодела. Он никого не боялся, но этот странный незнакомец очаровал его людей, даже его храбрые сыновья были беспомощны. Кулон в его ладони был холодным, как лед, и тяжелым.

— Клянусь, — сказал Петр. Мужчина кивнул, повернулся и ушел по грязному двору. Как только он пропал из виду, люди Петра зашевелились за ним. Петр спешно сунул сияющий предмет в мешочек на поясе.

— Отец? — сказал Коля. — Отец, что такое? Все готово, мы отправимся по твоему слову, — Петр потрясенно смотрел на сына, молчал. Кровь пропала, и Коля моргал, глядя на него красными глазами, явно не помня о недавней встрече.

— Но... — начал он и замолчал, вспомнив обещание.

— Отец, в чем дело?

— Ни в чем, — сказал Петр.

Он прошел к Бурану, забрался в седло и повел коня вперед, пытался выбросить встречу из головы. Но два обстоятельства не давали ему. Когда они ночью остановились на ночлег, Коля нашел на горле пять продолговатых белых следов, словно изо льда, хотя его горло было закрыто одеждой и бородой. А еще Петр слушал, но ни разу не услышал от слуг обсуждение странных событий во дворе. Ему пришлось поверить, что только он это помнил

Дорога домой казалась дольше, чем путь туда. Анна не привыкла к путешествиям, и они двигались чуть быстрее пешего хода, часто останавливаясь для отдыха. Несмотря на медлительность, путь был не таким утомительным, как мог быть. Они покинули Москву, нагруженные припасами, взяли и дары жителей деревни и из домов бояр, которых проезжали.

Как только они покинули город, Петр отправился в постель жены с обновленным рвением, помня ее нежный рот и шелковое юное тело. Но она каждый раз встречала его не с гневом или жалобами, что он ожидал, а с ошеломительными тихими слезами, что катились по ее круглым щекам. После такой недели Петр ходил потрясенный и отчасти злой. Он начал уходить днем дальше, охотиться пешком или брать Бурана глубже в лес, пока они не возвращались в царапинах и уставшими. Петр утомлял себя, чтобы думать только о сне. Даже сон не помогал, ведь там он видел сапфировое ожерелье и тонкие белые пальцы на шее его первенца. Он просыпался в темноте и кричал Коле бежать.

Он хотел домой, но они не могли спешить. Анна, хоть он и старался, бледнела и слабела от пути, молила их остановиться все раньше каждый день, чтобы расставить палатки и разжечь костры, чтобы слуги подали ей горячий суп и согрели ее онемевшие пальцы.

Но они все — так пересекли реку. Когда Петр посчитал, что до Лесной Земли осталось меньше дня пути, он направил Бурана по снежной тропе, и жеребец сам шагал дальше. Его люди следовали с санями, но они с Колей летели домой, словно призраки на ветру. Петр несказанно обрадовался, когда вырвался из — за деревьев и увидел свой дом, серебряный и целый, в ясном зимнем свете.

* * *

Каждый день с тех пор, как Петр, Саша и Коля уехали, Вася убегала из дома, как только это удавалось, и бежала лазать по своему любимому дереву: его большая ветвь висела над дорогой к югу Лесной Земли. Алеша порой ходил с ней, но он был тяжелее, лазал неуклюже. И Вася была одна в день, когда увидела вспышки копыт и упряжи. Она съехала с дерева, как кошка, и побежала на коротких ножках. Когда она добралась до калитки, она закричала:

— Отец! Отец!

Было понятно, что два всадника двигались намного быстрее маленькой девочки, они уже стремительно пересекали поля, и жители деревни с небольшого холма отлично их видели. Люди переглядывались, не понимая, где остальные, переживая за своих. А потом Петр и Коля (Саша остался в санях) ворвались в деревню и приструнили коней. Дуня попыталась поймать Васю, укравшую одежду Алеши для карабканья по дереву, испачкавшуюся при этом, но Вася вырвалась и побежала во двор.

— Отец! — закричала она. — Коля! — она рассмеялась, когда они по очереди поймали ее. — Отец, ты вернулся!

— Я привез тебе маму, Васечка, — сказал Перт, разглядывая ее, вскинув бровь. Она была покрыта кусочками дерева. — Но я не говорил ей, что она получит древесного духа вместо девочки, — он поцеловал ее грязную щеку, и она рассмеялась.

— О, а где Саша? — завопила Вася, испуганно озираясь. — Где сани?

— Не бойся, они за нами, — сказал Петр и добавил громче, чтобы все слышали. — Они будут здесь к ночи. Мы должны быть готовы встретить их. А ты, — он добавил тише для Васи, — иди на кухню и попроси Дуню переодеть тебя. Я лучше представлю мачехе дочь, чем древесного

духа, — он подтолкнул ее, и Ольга повела сестру на кухню.

Сани прибыли на заходе солнца. Они пересекли утомленно поля и врата деревни. Люди радостно кричали при виде красивых саней, где была новая жена Петра Владимировича. Почти все собрались, чтобы увидеть ее.

Анна Ивановна сидела в санях, застывшая и бледная, как лед. Вася подумала, что она выглядела чуть старше Оли, но точно не такой взрослой, как ее отец. Но так было даже лучше, по мнению ребенка.

«Может, она будет со мной играть», — она сверкала лучшей улыбкой. Но Анна не ответила ни словом, ни знаком. Она кривилась от взглядов, Петр поздно вспомнил, что женщины в Москве жили отдельно от мужчин.

— Я устала, — прошептала Анна Ивановна и пошла в дом, держась за руку Ольги.

Люди переглядывались, не обижаясь.

— Путь был долгим, — говорили они. — Ей полегчает. Она — дочь Великого князя, как была Марина Ивановна, — и они гордились, что такая женщина будет жить среди них. Они вернулись в дома, чтобы разжечь огонь из — за приближающейся тьмы и поесть похлебку.

Но в доме Петра Владимировича все пировали, как могли, ведь на носу был Пост, а зима становилась старой и костлявой. Они ужинали рыбой и кашей. После этого Петр и его сыновья рассказывали о путешествии, пока Алеша прыгал, угрожая пальцам слуг своим новым отличным кинжалом.

Петр водрузил кокошник на черные волосы Ольги и сказал:

— Надеюсь, ты наденешь это на своей свадьбе, Оля, — Ольга покраснела и побледнела, а Вася потрясенно посмотрела большими глазами на отца. Петр повысил голос, чтобы слышали все в большой комнате. — Она будет княгиней Серпуховой, — сказал он. — Сам Великий князь устроил ее помолвку, — он поцеловал дочь. Ольга улыбнулась с волнением и радостью. В веселье и поздравлениях никто не услышал тоненький вопль Васи.

Пир завершился, и Анна рано отправилась в кровать. Ольга пошла помочь ей, и Вася поплелась за ними. Медленно кухня опустела.

Сумерки перешли в ночь. Огонь стал углями, воздух на кухне похолодел. На зимней кухне сидели только Петр и Дуня. Старушка плакала у огня.

— Я знала, что так будет, Петр Владимирович, — сказала она. — Если кто и должен быть княгиней, то это моя Оля. Но это сложно. Она будет жить во дворце в Москве, как ее бабушка, и я никогда ее больше не увижу. Я слишком стара для путешествий.

Петр сидел у огня, теребил камень в кармане.

— Так со всеми женщинами, — сказал он.

Дуня промолчала.

— Вот, Дуняшка, — сказал Петр, его голос был таким странным, что старая няня быстро взглянула на него. — У меня подарок для Васи, — он уже дал ей отрез хорошей зеленой ткани для сарафана. Дуня нахмурилась.

— Еще один, Петр Владимирович? — сказала она. — Вы ее испортите.

— Ничего, — сказал Петр. Дуня посмотрела на него в темноте, растерявшись от выражения его лица. Петр передал кулон Дуне, чтобы скорее от него избавиться. — Отдай его сама. Он должен все время быть при ней. Пусть пообещает, Дуня.

Дуня растерялась еще сильнее, но взяла холодную вещицу и присмотрелась.

Петр нахмурился еще ужаснее, протянул руку, будто хотел забрать кулон. Но его кулак сжался, он не завершил движение. Он резко развернулся и ушел спать. Дуня осталась одна на кухне и смотрела на кулон. Она крутила его, бормоча:

— Что ж, Петр Владимирович, — шептала она, — где же в Москве можно раздобыть такой

камень? — качая головой, Дуня сунула его в карман, решив приберечь, пока девочка не подрастет достаточно, чтобы ей его доверить.

Через три ночи старой няне приснился сон.

Во сне она была девушкой, шла одна по зимнему лесу. Звон колокольчиков саней раздался на дороге. Она любила кататься на санях, так что развернулась и смотрела, как к ней бежит лошадь. Кучером был мужчина с черными волосами. Он не замедлился, поравнявшись, а схватил ее за руку и грубо втащил в сани. Он не сводил взгляда с белой дороги. Воздух холоднее январских порывов окружал его, несмотря на зимнее солнце.

Дуня вдруг испугалась.

— Ты забрала то, что тебе не принадлежит, — сказал он. Дуня поежилась от свиста бури в его голосе.

— Что? — ее зубы застучали так сильно, что она едва могла говорить, и мужчина повернулся к ней в зареве зимнего света.

— Тот кулон не для тебя, — прошипел он. — Зачем ты его забрала?

— Ее отец привез его для Василисы, но она еще ребенок. Я поняла, что это талисман, — пролепетала Дуня. — Я не украла его... но я боюсь за девочку. Она слишком юна... слишком юна для магии или внимания старых богов.

Мужчина рассмеялся. Дуня услышала горечь в звуке.

— Богов? Бог один, дитя, а я не больше ветра среди голых ветвей, — он затих, а Дуня ощутила вкус крови там, где прокусила губу.

Он кивнул.

— Хорошо, храни его для нее, пока она не вырастет, но не дольше. Думаю, мне не нужно тебе говорить, что будет, если ты меня обманешь.

Дуня закивала, дрожа еще сильнее. Мужчина ударил хлыстом. Конь побежал еще быстрее по снегу. Хватка Дуни на сидении ослабевало, она безумно цеплялась за него, но падала назад...

Она проснулась с воплем на своем матрасе на кухне. Она лежала в темноте, дрожала и долго не могла согреться.

* * *

Анна просыпалась с неохотой, смаргивала сны с глаз. Сон был приятным, в кои — то веки, там был теплый хлеб и нежный голос. Но, когда она потянулась, сон ускользнул, и она осталась пустой, сжимала одеяла вокруг себя, чтобы защититься от холода рассвета.

Она услышала шорох и обернулась. Демон сидел на ее стуле и чинил одну из рубашек Петра. Серый свет зимнего утра бросал полосы тени на кривое существо. Она поежилась. Ее муж храпел рядом с ней, не замечая, а Анна старалась не замечать призрака, как делала каждый день с тех пор, как проснулась в этом ужасном месте. Она отвернулась и вжалась в перину. Но не могла согреться. Ее муж сбросил одеяло, а ей всегда было холодно здесь. Когда она попросила разжечь огонь, служанки растерянно посмотрели на нее. Она подумывала придвинуться к теплому мужу, но он мог захотеть ее снова. Хотя он пытался быть нежным, он был настойчивым, а она почти все время хотела побыть одна.

Она рискнула посмотреть на стул. Существо смотрело на нее.

Анна не выдержала. Она скользнула на пол, надела попавшуюся под руку одежду, обвила шарфом отчасти расплетенные косы. Она миновала кухню, получив испуганный взгляд Дуни, которая всегда вставала рано, чтобы испечь хлеб. Серый утренний свет становился ярче, земля блестела, словно усеянная драгоценными камнями, но Анна не замечала снег. Она видела деревянную церквушку в двадцати шагах от дома. Она бросилась туда, открыла дверь и пробралась внутрь. Она хотела плакать, но стиснула зубы, сжала кулаки и подавила слезы. Она уже слишком много плакала.

Ее безумие ухудшилось на севере. Стало намного хуже. Дом Петра был полон демонов. В печи пряталось существо с глазами — углями. Человечек в ванной подмигивал ей из пара. Демон, похожий на грудку палочек, двигался по двору.

В Москве демоны не смотрели на нее, щадили ее, но тут они всегда глядели. Некоторые даже подбирались ближе, словно хотели заговорить, и Анна убегала, ненавидя растерянные взгляды мужа и его детей. Она видела их все время, кроме церкви.

Тихая и спокойная церковь. Ее нельзя было сравнить с церквями в Москве. Тут не было золота или позолоты, был лишь один священник. Иконы были маленькими и плохо нарисованными. Но она видела здесь только пол, стены, иконы и свечи. В тенях не было лиц.

Она стояла, по очереди молясь и глядя в пространство. Рассвет прошел, когда она пошла в дом. На кухне былолюдно, ревел огонь. Все пеклось, варилось и сохло без остановки с утра до ночи. Женщины не отреагировали, когда Анна вошла, никто не оглянулся. Анна посчитала это намеком на ее слабость.

Ольга первой подняла голову.

— Не хотите хлеба, Анна Ивановна? — спросила она. Ольга не могла любить бедняжку, что заняла место ее матери, но была доброй девочкой и жалела ее.

Анна была голодна, но в печи сидело крохотное растрепанное существо. Его борода сияла от жара, оно грызло почерневшую корочку.

Губы Анны Ивановны шевелились, но она не могла ответить. Существо посмотрело поверх бороды и склонило голову. В его ярких глазах было любопытство.

— Нет, — прошептала Анна. — Нет, я не хочу хлеба, — она повернулась и побежала в сомнительную безопасность своей комнаты, пока женщины на кухне переглядывались и медленно качали головами.

10

Княгиня Серпухова

Следующей осенью Колю женили на дочери соседнего боярина. Она была полной желтоволосой девушкой, и Петр построил им свой домик с хорошей глиняной печью.

Но люди ждали особой свадьбы, когда Ольга Петровна станет княгиней Серпуховой. На это ушел почти год переговоров. Подарки из Москвы начали приходить раньше, чем дороги покрыли лужи, но на детали ушло время. Путь из Лесной Земли в Москву был тяжелым, гонцы задерживались или пропадали, ломали головы, попадались ворами или калечили лошадей. Но им все равно удалось все устроить. Юный князь Серпухова прибудет сам, женится на Ольге и заберет ее в Москву.

— Ей лучше быть замужней во время путешествия, — сказал гонец. — Будет не такой испуганной, — и гонец добавлял, что митрополит Алексей из Москвы хотел, чтобы брак был устроен до того, как Ольга прибудет в город.

Князь прибыл, когда бледная весна стала ослепительным летом с нежным небом и увядающими цветами среди летней травы. За год он повзрослел. Прыщи пропали, но он не стал красавцем. И он скрывал робость за бойким характером.

С князем Серпуховым прибыл его двоюродный брат, светловолосы Дмитрий Иванович, вопящий поздравления. Князя прибыли с соколами, лошадьми и женщинами в резных деревянных телегах, привезли много подарков. С ними прибыл и защитник: монах с ясными глазами, не очень старый, молчаливый. Они подняли много шума, пыли и звона. Вся деревня вышла поглазеть, многие приглашали в свои дома, а лошадей — в их конюшни. Владимир робко

надел искрящееся кольцо из зеленого берилла на палец Ольги, и весь дом радовался так, как не было после смерти Марины.

* * *

— Мальчик хотя бы добрый, — сказала Дуня Ольге в редкую тихую минутку. Они сидели у большого окна летней кухни. Вася сидела у ног Ольги, слушала и пыталась зашивать одежду.

— Да, — сказала Ольга. — И Саша поедет в Москву со мной. Он проводит меня в доме мужа, а потом уйдет в монастырь. Он пообещал, — берилловое кольцо сверкало на ее пальце. Ее суженый еще прислал ей кулон из янтаря и отрез чудесной ткани, огненной, как маки. Дуня делала из нее сарафан. Вася только делала вид, что шьет — ее ручки были сжаты на коленях.

— Ты прекрасно справишься, — твердо сказала Дуня, откусывая конец нити. — Владимир Андреевич богат, молод, будет слушать совета жены. Он поступил щедро, приехав на свадьбу в твой дом.

— Он приехал, потому что так сказал митрополит, — возразила Ольга.

— И он в любимцах у Великого князя. Он лучший друг юного Дмитрия, это ясно. У него будет высокое место, когда умрет Иван Красный. И ты будешь великой. Ты справишься, моя Оля.

— Да — а, — медленно сказала Ольга. Вася опустила темную головку. Ольга погладила волосы сестры. — Он добрый, но я...

Дуня улыбнулась.

— Ты надеялась, что прибудет принц — ворон, как птах из сказки, что прилетел за сестрой князя Ивана?

Ольга покраснела и рассмеялась, но не ответила. Она подхватила Василису, хоть с той уже не нужно было обращаться как с маленькой, и покачала ее в руках. Вася застыла в руках сестры.

— Тише, лягушонок, — сказала Ольга, словно Вася была крохой. — Все будет хорошо.

— Ольга Петровна, — сказала Дуня, — моя Оля, сказки для детей, а ты женщина, скоро будешь женой. Выйти замуж за неплохого мужчину и быть в безопасности в его доме, поклоняться Богу и рожать сильных сыновей — это по — настоящему и правильно. Пора оставить мечты. Сказки только делают зимние ночи слаще, — Дуня вдруг вспомнила бледные холодные глаза и ледяную руку. *Пока она не подрастет.* Она поежилась и добавила тише, глядя на Васю. — Даже девы из сказок не всегда живут счастливо. Аленушку превратили в утку, ее заставили смотреть, как злая ведьма убивает ее утят, — Ольга все еще была хмурой, гладила волосы Васи, и Дуня добавила строже. — Дитя, это доля женщин. Вряд ли ты хочешь быть монахиней. Может, ты его полюбишь. Твоя мама не знала Петра Владимировича до свадьбы, и я помню ее страх, хоть твоя мама была такой смелой, что легко встретилась бы с Бабой — Ягой. Они полюбили друг друга с первой ночи.

— Мама мертва, — сухо сказала Ольга. — На ее месте другая. А я уеду навеки.

Вася приглушенно зарыдала в ее плечо.

— Она никогда не умрет, — парировала Дуня. — Ты жива, ты так же красива, как была она, и ты будешь матерью князей. Будь смелой. Москва — светлый город, и твои братья будут навещать тебя.

* * *

Той ночью Вася пришла в кровать Ольги и выпалила:

— Не делай так, Оля. Я буду хорошо себя вести. Я больше не буду лазать по деревьям, — она посмотрела на сестру, дрожа. Ольга не сдержала смех, хотя он быстро затих.

— Я должна, лягушонок, — сказала она. — Он — князь, он богат и добр, как и сказала Дуня. Я должна выйти за него или уйти в монастырь. Я хочу своих детей, десять таких лягушат, как ты.

— Но у тебя есть я, Оля, — сказала Вася.

Оля обняла ее.

— Но ты подрастешь и уже не будешь ребенком. Ты будешь и потом со своей старшей сестрой?

— Всегда! — страстно заявила Вася. — Всегда! Убежим и будем жить в лесу.

— Вряд ли тебе там понравится, — сказала Ольга. — Нас может съесть Баба — Яга.

— Нет, — уверенно сказала Вася. — Там только одноглазый мужчина. Если будем держаться от дуба подальше, он нас не найдет.

Оля не знала, что на это ответить.

— У нас будет изба среди деревьев, — сказала Вася. — Я буду носить тебе орехи и грибы.

— Есть идея лучше, — сказала Оля. — Ты уже большая девочка, через пару лет сама станешь женщиной. Я пришлю за тобой из Москвы, когда ты подрастешь. Мы будем двумя княгинями в замке, и у тебя будет свой князь. Как тебе это?

— Но я уже взрослая, Оля! — завопила Вася, глотая слезы и садясь. — Я уже больше стала.

— Еще нет, сестренка, — нежно сказала Ольга. — Будь терпеливой, слушай Дуню и ешь много каши. Когда отец скажет, что ты выросла, я пришлю за тобой.

— Я спрошу отца, — уверенно сказала Вася. — Может, он скажет, что я уже выросла.

* * *

Саша узнал монаха, как только тот прошел во двор. В смятении приветствий и подарков, пока все устраивали пир среди зеленых берез, он подбежал, схватил монаха за руку и поцеловал ладонь.

— Отец, вы пришли, — сказал он.

— Как видишь, сын мой, — улыбнулся монах.

— Но это место так далеко.

— Нет. Когда я был младше, я бродил про Руси, Слово было моим путем, щитом и хлебом с солью. Теперь я стар и остаюсь в Лавре. Но мир все еще открыт мне, особенно север летом. Я рад тебя видеть.

Он не сказал тогда, что Великий князь болен, и что свадьба Владимира Андреевича была срочным делом. Дмитрию было едва одиннадцать, он был в веснушках и избалован. Его мама не выпускала его из виду, спала рядом с его кроватью. Юные принцы могли пострадать от ранней смерти отцов.

Той весной Алексей вызвал святого Сергея Радонежского в свой дворец в Кремле. Сергей и Алексей давно друг друга знали.

— Я отправляю Владимира Андреевича на север для свадьбы, — сказал Алексей. — Как можно скорее. Он должен жениться до смерти Ивана. Юный Дмитрий тоже поедет. Это его убережет, его мать боится, что жизнь ребенка будет в опасности в Москве.

Отшельник и митрополит пили медовуху, разбавленную водой. Они сидели на деревянной скамейке в саду кухни.

— Иван Иванович сильно болен? — сказал Сергей.

— Он седой и желтый, потеет и воняет, и у него мутные глаза, — сказал митрополит. — Бог позволит, он будет жить, но я сомневаюсь в этом. Я не могу покинуть город. Дмитрий так юн. Я прошу тебя сопроводить их, присмотреть за ними и за свадьбой Владимира.

— Владимир женится на дочери Петра Владимировича, да? — сказал Сергей. — Я встречал сына Петра. Его зовут Саша. Он приходил ко мне в Лавру. Такие глаза я никогда не видел. Он будет священником, святым или героем. Год назад он захотел принять обет. Может, еще хочет. Лавре пригодился бы такой брат.

— Проверь и это, — сказал Алексей. — Убеди сына Петра приехать в Лавру с тобой. Дмитрий может жить в монастыре, пока юн. И будет хорошо для него жить рядом с

Александром Петровичем, человеком его крови, верным Богу. Если Дмитрия коронуют, ему потребуется любой союзник.

— Как и вам, — сказал Сергей. Пчелы гудели вокруг них. Северные цветы пахли сильно, хоть и жили мало. Сергей робко добавил. — Вы будете его регентом? Регенты долго не живут, если их маленьких князей убивают.

— Разве я не встану между мальчиком и убийцами? — сказал Алексей. — Встану, даже если лишусь жизни. Бог с нами. Но ты должен быть митрополитом, когда я умру.

Сергей рассмеялся.

— Я увижу лицо Бога и ослепну раньше, чем буду управлять в Москве твоими епископами, брат. Но я поеду на север с князем Серпухова. Я давно не путешествовал, и я хотел бы снова увидеть северные леса.

* * *

Петр увидел монаха среди всадников и помрачнел. Но он говорил вежливо до вечера после их прибытия. Той ночью они пировали в сумерках, и когда смех и свет факелов сытых людей ушел глубже в деревню, Петр поймал Сергея за плечо. Они повернулись друг к другу у ручья.

— Значит, человек Бога приехал украсть у меня сына? — сказал Петр Сергею.

— Ваш сын — не конь, чтобы его воровать.

— Нет, — рявкнул Петр. — Он хуже. Конь послушал бы.

— Он воин и человек Бога, — сказал Сергей. Его голос был мягким, и гнев Петра разгорался все сильнее, он давился, но не мог ничего сказать.

Монах нахмурился, словно принимал решение. А потом сказал:

— Слушайте, Петр Владимирович. Иван Иванович умирает. Может, уже умер.

Петр не знал этого. Он вздрогнул и отпрянул.

— Его сын Дмитрий — гость вашего дома, — продолжил Сергей. — Отсюда мальчик отправится в мой монастырь, где будет скрыт. Для жаждущих престол жизнь ребенка — пустяк. Мальчику нужны люди его крови, чтобы учить его и защищать. Ваш сын — двоюродный брат Дмитрия.

Петр молчал в удивлении. Вылетели летучие мыши. В молодости ночи Петра были полны их криков, но теперь они летали тихо в сгущающейся тьме.

— Мы не просто печем хлеб и рассказываем, — сказал Сергей. — Вы здесь в безопасности, лес подавит армию, но редкие могут этим похвастаться. Мы печем хлеб для голодных, поднимаем мечи в их защиту. Это благородно.

— Мой сын будет поднимать меч за свою семью, змей, — рявкнул Петр, злясь сильнее из — за неуверенности.

— Конечно, — сказал Сергей. — За своего двоюродного брата, мальчика, что однажды возглавит Московию.

Петр затих, но его гнев угасал.

Сергей увидел горе Петра и склонил голову.

— Мне жаль, — сказал он. — Это сложно. Я буду за вас молиться, — он ушел за деревья, его шаги заглушил ручей.

Петр не шевелился. Была полная луна, край серебряного диска поднялся над деревьями.

— Ты бы знала, что сказать, — прошептал он. — Я — нет. Помоги, Марина. Я не потеряю сына даже ради наследника Великого князя.

* * *

— Я злился, когда услышал, что вы продали мою сестру в такие дали, — сказал Саша отцу. Он говорил скованно, тренировал юную лошадь. Петр ехал на Буране, сером жеребце, а не лошади для полей, он удивленно смотрел на молодого зверя рядом с собой. — Владимир неплох,

хоть и молод. Он добр к своим лошадям.

— Я рад. Это ради Оли. Но, даже если бы он был старым пьяницей, я не смог бы ничего поделывать, — сказал Петр. — Великий князь не спрашивал.

Саша вдруг подумал о своей мачехе, женщине, которую отец не выбирал, которая легко плакала, молилась и пугалась.

— Вы тоже не смогли выбрать, отец, — сказал он.

«Я уже стар, — подумал Петр, — раз мой сын так добр со мной».

— Это не важно, — сказал он. Свет падал золотом между тонких берез, и все серебристые листья трепетали. Конь Саши заметил трепет и встал на дыбы. Саша остановил его и опустил. Буран подбежал к ним, словно показывал, как вели себя настоящие кони.

— Ты слышал слова монаха, — медленно сказал Петр. — Великий князь и его сын — наши родственники. Но, Саша, я прошу тебя подумать хорошенько. Это сложная жизнь, монах всегда один, в нищете, с молитвами и холодной кроватью. Ты нужен здесь.

Саша посмотрел на отца. Его загорелое лицо вдруг показалось младше.

— У меня есть братья, — сказал он. — Я должен попробовать сам. Повидать мир. Я буду бороться за Бога. Я рожден для этого, отец. И князь — мой двоюродный брат Дмитрий — нуждается во мне.

— Как горько, — прорычал Петр, — быть отцом сыновей, что бросили его. Или быть мужчиной, чью смерть даже не станут оплакивать сыновья.

— Со мной будут братья, — возразил Саша. — А у вас есть Коля и Алеша.

— Если уедешь, ничего с собой не возьмешь, Саша, — рявкнул Петр. — Только одежду, что на тебе, твой меч и безумную лошадь, которую пытаешься учить. Ты не будешь моим сыном.

Саша выглядел моложе, чем раньше. Его лицо побелело за загаром.

— Я должен ехать, отец, — сказал он. — Не нужно ненавидеть меня за это.

Петр не ответил. Он резко развернул Бурана в сторону дома, и лошадь Саши осталась позади.

* * *

Вася пробралась в конюшню в тот вечер, когда Саша ухаживал за высоким юным меринком.

— Мышь печальна, — сказала Вася. — Она хочет уехать с тобой, — коричневая кобылица стояла, опустив голову, в своем загоне.

Саша улыбнулся сестре.

— Она стара для путешествий, — сказал он, погладив шею кобылицы. — И в монастыре мало толку от племенной кобылицы. Этот мне послужит, — он шлепнул мерина, тряхнувшего острыми ушами.

— Я могу быть монахом, — сказала Вася, и Саша увидел, что она снова украла вещи брата и стояла с сумкой в руке.

— Не сомневаюсь, — сказал Саша. — Но обычно монахи больше.

— Вечно я слишком маленькая! — завопила возмущенно Вася. — Я подрасту. Не уезжай пока, Сашка. Еще год.

— Ты забыла Олю? — сказал Саша. — Я обещал, что сопровожу ее в дом ее мужа. А потом уйду к Богу, Васечка, это не пустяки.

Вася задумалась на миг.

— Если я пообещаю Оле проводить ее в дом мужа, я смогу тоже поехать?

Саша молчал. Она посмотрела на свои ноги, шаркая носком по пыли.

— Анна Ивановна меня отпустит, — выпалила она. — Она хочет, чтобы я уехала. Она ненавидит меня. Я слишком маленькая и грязная.

— Не спеши, — сказал Саша. — Она выросла в городе, она не привыкла к лесу.

Вася нахмурилась.

— Она уже тут давно. Лучше бы она уехала в Москву.

— Давай, сестренка, — Саша посмотрел на ее бледное лицо. — Давай покатаемся, — Вася, когда была меньше, любила кататься у него в седле, подставляя лицо ветру в безопасности рук брата. Она просияла, и Саша поднял ее на мерина. Когда они вышли во двор, он сел за ней. Вася склонилась вперед, дыша быстрее, и они помчались со стуком копыт.

Вася радостно прижималась к коню.

— Еще, еще! — вопила она, когда Саша повернул коня к дому. — Поедем в Сарай, Сашка! — она оглянулась на него. — Или в Царьград, или к Буяну, где живет морской царь и дочь его, лебедь. Это недалеко. На восток от солнца, на запад от луны, — она прищурилась, словно искала направление.

— Далековато для ночной прогулки, — сказал Саша. — Будь смелой, лягушонок, и слушай Дуню. Я однажды вернусь.

— Это будет скоро, Саша? — прошептала Вася. — Скоро?

Саша не ответил, но и не нужно было. Они приехали в дом. Он взял мерина за поводья и спустил сестру в конюшне.

11

Домовой

После того, как Саша и Ольга уехали, Дуня заметила перемену в Васе. Она стала чаще пропадать. Она стала меньше говорить. Порой, когда она говорила, люди пугались. Она была уже большой для детского лепета, и все же...

— Дуня, — спросила Вася однажды после свадьбы Ольги, когда жар ладонью лежал на лесах и полях, — что живет в реке? — она пила живицу, сделала большой глоток, глядя на няню.

— Рыба, Васечка, и если ты будешь вести себя хорошо до завтра, мы попробуем свежую рыбу с травами и сметаной.

Вася любила рыбу, но покачала головой.

— Нет, Дуня, что еще живет в реке? Что — то с глазами лягушки и волосами как водоросли, и из его носа капает грязь.

Дуня резко посмотрела на девочку, но Вася была занята кусочками капусты на дне миски, так что не увидела.

— Ты слушала истории, Вася? — спросила Дуня. — Это водяной, речной царь, который всегда готов забрать девушек в свой замок под берегом реки.

Вася отвлеченно скребла дно миски.

— Не в замок, — сказала она, слизывая бульон с пальцев. — В береге дыра. Но я не знала, как его зовут.

— Вася... — начала Дуня, глядя в яркие глаза девочки.

— Ммм? — сказала Вася, опустив пустую миску и встав на ноги. Дуне хотелось предупредить насчет... чего? Не говорить о сказках? Дуня подавила желание и сунула Васе корзинку, накрытую тканью.

— Вот, — сказала Дуня. — Отнеси это отцу Семену, он захворал.

Вася кивнула. Комната священника была частью дома, но туда можно было войти из отдельной двери в южной стене. Она сунула в рот клецку, пока Дуня не возмутилась, и выбежала из кухни, напевая громко и мимо нот. Ее отец уже привык.

Дуня медленно, словно против воли, опустила руку в карман внутри юбки. Звезда вокруг

голубого камня сияла, идеальная, как снежинка, и камень был ледяным в ладони, хотя она все утро работала у печи.

— Еще рано, — прошептала она. — Она все еще девочка, еще рано, — камень сиял на ее морщинистой ладони. Дуня зло сунула его в карман и повернулась помешать суп мстительно, что было ей не свойственно, и прозрачный бульон выплеснулся за края и зашипел на горячих камнях.

* * *

Чуть позже Коля увидел сестру, выглядывающую из — за высокой травы. Он сжал губы. Никто из десяти деревень не смог бы так попасться под ноги, как Вася.

— Ты не должна быть на кухне, Вася? — спросил он напряженно. День был жарким, его потеющая жена злилась. Его новорожденный сын постоянно визжал, у него резались зубы. И Коля, стиснув зубы, схватил удочку и ведро и пошел к реке. Но теперь сестра мешала его спокойствию.

Вася выглянула сильнее, но не вышла из укрытия.

— Ничего не могу поделать, брат, — успокаивающе сказала она. — Анна Ивановна и Дуня кричали друг на друга, Ирина снова плакала, — Ирина была их новорожденной сестрой, что появилась чуть раньше сына Коли. — Я не могу шить рядом с Анной Ивановной. Я забываю, как.

Коля фыркнул.

Вася заерзала в укрытии.

— Я могу тебе помочь? — с надеждой спросила она.

— Нет.

— Я могу посмотреть?

Коля открыл рот, чтобы отказать, но передумал. Если она будет сидеть на берегу, не будет проблемой в другом месте.

— Ладно, — сказал он. — Если посидишь там. Тихо. И не бросай тень на воду, — Вася перебралась в указанное место. Коля не замечал ее больше, сосредоточился на воде и удочке в руках.

Час спустя Вася все еще сидела на месте, а у Коли было шесть хороших рыб в ведре. Может, жена простит его пропажу. Он посмотрел на сестру и задумался, как она могла сидеть неподвижно так долго. Она смотрела на воду, и от выражения ее лица ему стало не по себе. На что она так глазела? Вода шептала, как всегда, зелень покачивалась на берегах.

Его леску резко потянуло, и он забыл о Васе и впился в удочку. Но рыба не успела попасть на берег, деревянный крючок оторвался. Коля выругался. Он нетерпеливо притянул леску и заменил крючок. Он приготовился забросить снова, оглянулся. Его ведра уже не было. Он выругался громче и посмотрел на Васю. Но она сидела на камне в десяти шагах от него.

— Что случилось? — спросила она.

— Моя рыба пропала! Какой — то дурак из деревни, наверное, пришел и...

Но Вася не слушала. Она подбежала к краю реки.

— Это не твое! — кричала она. — Верни! — Коле показалось, что он услышал плеск воды, словно она отвечала. Вася топнула ногой. — Живо! Лови свою рыбу! — стон раздался из глубин, словно терлись друг о друга камни, и ведро вылетело из ниоткуда, ударило Васю в грудь, сбив ее. Она инстинктивно сжала ведро и улыбнулась брату. — Вот рыба! — сказала она. — Старый жадина просто хотел... — но она замолчала, увидев лицо брата. Она без слов отдала ведро.

Коля хотел бы уйти, оставив ведро и странную сестру позади. Но он был мужчиной и сыном боярина, так что подошел на негнущихся ногах, чтобы забрать улов. Он хотел бы заговорить, пошевелил губами, напомнив Васе рыбу, но развернулся и ушел без слов.

* * *

Осень опустила холодные пальцы на высушенную летом траву, свет из золотого стал серым, а тучи стали влажными и мягкими. Если Вася и плакала из — за брата и сестры, то не при всей семье, и она перестала спрашивать у отца каждый день, когда подрастет и поедет в Москву. Но она ела кашу с волчьим аппетитом, часто спрашивала у Дуни. подросла ли она. Она не шила, избегала мачехи. Анна топала и визжала, но Вася не слушала.

Тем летом она бродила по лесу, пока было светло и ночью. Саша не ловил ее, когда она убегала, и она часто пропадала, хоть Дуня и ругалась. Но дни шли, погода становилась хуже, и короткими ветренными вечерами Вася порой сидела дома на стуле. Там она ела хлеб и говорила с домовым.

Домовой был маленьким, пухлым и коричневым. У него была длинная борода и яркие глаза. Ночью он выбирался из печи и вытирал тарелки, сметал сажу. Он чинил одежду, когда люди оставляли ее, но Анна кричала, увидев брошенную рубаху, и слуги не рисковали навлекать ее гнев. До прибытия мачехи, они оставляли ему подношения: блюдце молока или кусочек хлеба. Но Анна кричала и тогда. Дуня и служанки стали прятать подношения там, где Анна редко ходила.

Вася говорила, жуя хлеб, раскачивая ногами между ножек стула. Домовой шил — она отдала ему свою работу. Его пальчики двигались быстро, как мошки в летний день. Их разговор, как всегда, был довольно односторонним.

— Откуда вы? — спросила Вася с полным ртом. Она задавала этот вопрос раньше, но порой его ответ менялся.

Домовой не поднял голову, не перестал работать.

— Отсюда, — сказал он.

— Вас больше? — спросила девушка, озираясь.

Эти слова смутили домового.

— Нет.

— Но если вы один, то откуда вы?

Философский разговор был не для домового. Он хмурился, его ладони мешкали.

— Я здесь, потому что дом здесь. Если дома тут не будет, и меня не будет.

Василиса не могла понять его ответ.

— И, — сказала она, — если дом сожгут татары, вы умрете?

Домовой, казалось, растерялся от таких слов.

— Нет.

— Но вы только что сказали.

Домовой затих и рьяно двигал руками, показывая, что больше не хочет говорить. Вася доела хлеб. Она растерянно слезла со стула, рассыпав крошки. Домовой хмуро посмотрел на нее. Она виновато стряхнула крошки, рассыпав их сильнее. Она сдалась и побежала, но споткнулась о доску и врезалась в Анну Ивановну, стоящую на пороге и глядящую на нее, приоткрыв рот.

Вася не хотела отталкивать мачеху к дверной раме, но была сильной и худой для своего возраста, быстро бегала. Вася посмотрела, чтобы извиниться, но замерла. Анна была белой, как соль, немного цвета было на щеках. Ее грудь вздымалась. Вася отпрянула на шаг.

— Вася, — начала Анна, звуча придушено. — С кем ты говорила?

Вася опешила и молчала.

— Отвечай, дитя! С кем ты говорила?

Вася решила выбрать безопасный ответ:

— Ни с кем.

Анна посмотрела на комнату за Васей. Она резко взмахнула рукой и ударила Васю по лицу. Вася прижала ладонь к щеке, побелев от гнева. Слезы выступили на ее глазах через миг. Ее

отец часто ее бил, но это было справедливо. Ее никогда еще не били из злости.

— Я не буду повторять, — сказала Анна.

— То был домовый, — прошептала Вася с большими глазами. — Просто домовый.

— Что же за чертовщина, — пронзительно осведомилась Анна, — этот домовый?

Вася, ошеломленная и борющаяся со слезами, молчала.

Анна снова подняла руку.

— Он помогает убирать дом, — спешно пролепетала Вася. — Он не вредит.

Анна посмотрела пылающими глазами на комнату, ее лицо покраснело.

— Уходи, ты! — завизжала она. Домовой поднял голову в смнении. Анна повернулась к Василисе. — Домовой? — прошипела Анна, наступая на падчерицу. — Домовой? Нет никаких домовых!

Вася, разъяренная, ошеломленная, открывала рот, чтобы возразить, но заметила выражение лица мачехи и сомкнула челюсти. Она не видела еще ни у кого такой страх.

— Прочь отсюда, — закричала Анна. — Убирайся! — она визжала, и Вася развернулась и побежала.

* * *

Жар зверей поднимался снизу и согревал сладко пахнувший сеновал. Вася зарылась в солому, продрогшая, побитая и потрясенная.

Не было домового? Конечно, был. Она видела его каждый день. Он был там.

Они его не видели? Вася не помнила, чтобы кто — то, кроме нее, говорил с домовым. Но, конечно, Анна Ивановна его видела. Она же обратилась к нему, да? Может... может, домового и не было. Может, она была безумна. Может, ей суждено было стать юродивой, бродить среди деревень. Но нет, их защищал Христос, они не будут такими испорченными, как она.

Голова Васи болела от мыслей. Если домового не было, то что остальные? Водяной в реке, человечек из прутьев в деревьях? Русалка, полевик, дворовой? Она их всех вообразила? Они сошла с ума? А Анна Ивановна? Она хотела бы спросить у Оли или Саша. Они знали бы, и никто из них не ударил бы ее. Но они были далеко.

Вася уткнулась головой в руки. Она не знала, как давно лежала там. Тени двигались по тусклой конюшне. Она подремала, как уставший ребенок, и когда проснулась, свет был серым, а она проголодалась.

Вася осторожно выпрямилась и открыла глаза... и увидела перед собой глаза странного маленького существа. Вася издала стон и сжалась снова, прижала кулаки к глазам.

Но, когда она посмотрела снова, глаза еще были там, большие, карие, спокойные и на широком лице с красным носом и белой бородой. Существо было маленьким, не больше самой Васи, он сидел на стоге сена, смотрел на нее с любопытной симпатией. В отличие от домового в аккуратной одежде, это существо было в лохмотьях, а ноги его были босыми.

Вася увидела это и снова зажмурилась. Но она не могла все время сидеть в сене, набралась смелости и еще раз открыла глаза. Она осторожно сказала:

— Вы черт?

Небольшая пауза.

— Не знаю. Возможно. А что это? — голос существа напоминал голос доброй лошади.

Вася задумалась.

— Большое черное существо и огненной бородой и раздвоенным хвостом, которое хочет захватить мою душу и утащить меня для пыток в котел на огне.

Она посмотрела на человечка.

Он не подходил под описание. Его борода была белой, густой, и он развернулся, проверяя, есть ли у него хвост.

— Нет, — ответил он. — Вряд ли я черт.

— Вы правда здесь? — спросила Вася.

— Иногда, — ответил человечек спокойно.

Вася не успокоилась, но после раздумий решила, что «иногда» — неплохой ответ.

— Ладно, — она повеселела. — Что вы такое?

— Я ухаживаю за лошадьми.

Вася мудро кивнула. Если было существо, ухаживающее за домом, то должно быть такое для конюшен. Но девочка была осторожна.

— В — все вас видят? Они знают, что вы здесь?

— Конюхи знают, по крайней мере, оставляют подношения в холодные ночи. Но никто меня не видит. Кроме тебя. И другой, но она не приходит, — он поклонился к ее сторону.

Вася смотрела на него с растущим ужасом.

— А домовой? Никто его тоже не видит, да?

— Я не знаю, что за домовой, — ответило маленькое существо. — Я из конюшен, из зверей, что живут здесь. Я не выхожу, если не тренирую лошадей.

Вася открыла рот, чтобы спросить, как он это делает. Он был не выше нее, а все лошади были намного выше нее. Но тут она услышала голос Дуни. Она вскочила на ноги.

— Я должна идти, — сказала она. — Я увижу вас снова?

— Если захочешь, — ответил он. — Я еще ни с кем не говорил.

— Меня зовут Василиса Петровна. А вас?

Существо задумалось на миг.

— У меня не было имени, — сказал он и задумался снова. — Я — вазила, дух лошадей, — сказал он. — Думаю, так меня можно звать.

Вася кивнула с уважением.

— Спасибо, — сказала она, а потом повернулась и спустилась с приставной лестницы. По пути она убирала солому из волос.

* * *

Летели дни и времена года. Вася росла, научилась осторожности. Она не говорила с существами, пока не оставалась одна. Она меньше кричала и бегала, меньше тревожила Дуню и избегала Анны Ивановны.

Ей удавалось, почти семь лет прошло в мире. Если Вася и слышала голова среди ветра или видела лица среди листьев, она их игнорировала. Почти все. Вазила стал исключением.

Он был простым существом. Как и все домашние существа, он появился, когда построили конюшню, и ничего до этого не помнил. Но у него была щедрая простота лошадей, и за шаловливостью у Василисы была устойчивость, хоть она не знала об этом, и это нравилось духу конюшни.

Вася уходила туда, когда удавалось. Она могла часами наблюдать за вазилой. Его движения были нечеловечески легкими и умелыми, он лазал по спинам лошадей, словно белка. Буран в это время стоял как камень. Со временем Вася принялась помогать ему, принося нож и гребень.

Первые уроки вазилы касались ухода, лечения и починки. Но Вася была нетерпеливой, и вскоре он начал учить ее странному.

Он научил ее говорить с лошадьми.

Это был язык взгляда и тела, звука и жеста. Вася была довольно юной, училась быстро. Вскоре она приходила в конюшню не только ради комфорта сена и тепла, но и для общения с лошадьми. Она сидела там час и слушала.

Конюхи прогнали бы ее, если бы поймали, но они редко замечали ее. Порой Вася переживала, что они найдут ее. Она прижималась к стене, обходила лошадь и убегала, а конюх не

успевал и голову поднять.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

12

Священник с золотыми волосами

В тот год, когда Василисе Петровне исполнилось четырнадцать, митрополит Алексей планировал коронацию князя Дмитрия Ивановича. Семь лет митрополит был регентом, он планировал, строил отношения и разрывал связи, вызывал людей для боя и отправлял их домой. Но когда Дмитрий повзрослел, Алексей, видя его смелость и уверенность, сказал:

— Хорошего жеребца нельзя оставлять на пастбище, — он начал планировать коронацию. Шились мантии, везли меха и камни, а мальчика отправили в Сарай просить поблажки у Хана.

И Алексей продолжал тихо выглядывать тех, кто будет против коронации князя. И тогда он узнал о священнике по имени отец Константин Никонович.

Константин был довольно юным, да, но, к счастью (или нет), был обладателем ужасной красоты: волос цвета золота и глаз цвета голубой воды. Его знали за его набожность, и, несмотря на юность, он побывал во многих местах — до Царьграда на юге и Эллады на западе. Он читал на греческом, знал теологию. У него был голос ангела, и люди плакали, когда слушали его, и поднимали взгляды к Богу.

А еще Константин Никонович рисовал иконы. Такие иконы люди еще не видели, они словно вышли из — под пальца Бога, чтобы благословить испорченный мир. Его иконы уже копировали в монастырях северной Руси, и шпионы Алексея рассказывали ему о мятежных толпах, о женщинах, что рыдали, целуя нарисованные лики.

Эти слухи тревожили митрополита.

— Я избавлю Москву от этого златовласого священника, — сказал он себе. — Если его так любят, его голос может настроить людей против князя.

Он думал, как с этим разобраться.

Пока он думал, прибыл гонец из дома Петра Владимировича.

Митрополит сразу вызвал его. Гонец прибыл, все еще в пыли и уставший, пораженный блеском вокруг. Но он встал прямо и сказал:

— Отец, благослови, — он лишь раз запнулся.

— Господь с тобой, — сказал Алексей, рисуя крест. — Скажи, что привело тебя так далеко, сын мой.

— Священник Лесной Земли скончался, — объяснил гонец, сглотнув. Он ожидал, что будет рассказывать о деле не такому важному человеку. — Славный отец Семен ушел к Господу, и мы остались на произвол судьбы, как сказала госпожа. Она просит прислать другого, чтобы мы не пали в дикость.

— Что ж, — тут же сказал митрополит, — ваше спасение уже близко.

Митрополит Алексей отпустил гонца и послал за Константином Никоновичем.

Юноша прибыл к нему, высокий, бледный и румяный. Его темная мантия оттеняла красоту волос и глаз.

— Отец Константин, — сказал Алексей, — вас призвал к заданию Господь.

Отец Константин промолчал.

— Женщина, — продолжал митрополит, — сестра Великого князя, прислала гонца с просьбой о помощи. Его деревня — стадо без пастуха.

Лицо юноши не изменилось.

— Вы отправитесь помочь ей и ее семье, — закончил Алексей, улыбаясь с милосердием.

— Батюшка, — сказал отец Константин. Его голос был таким низким, что это пугало. Слуга рядом с Алексеем охнул. Митрополит прищурился. — Это честь. Но у меня уже есть работа среди жителей Москвы. И здесь мои иконы, которые я нарисовал для величия Бога.

— В Москве нас много, — ответил митрополит. Голос юноши успокаивал и пугал одновременно, Алексей с опаской смотрел на него. — И никто не остался у душ в той глуши. Нет, это должны быть вы. Вы уезжаете через три недели.

«Петр Владимирович чувствителен», — подумал Алексей. Год на севере убьет этот мятеж или хотя бы притупит его. Лучше, чем убивать его, иначе люди растащат его плоть на реликвии и сделают его мучеником.

Отец Константин открыл рот. Но он заметил взгляд митрополита, твердый, как камень. Стражи стояли по бокам, за дверью их было еще больше, и у них были большие алые пики. Константин подавил ответ.

— Уверен, — тихо сказал Алексей, — что у вас много дел перед отъездом. Господь с тобой, сын мой.

Константин с белым лицом, кусая губу, склонил голову и развернулся. Его тяжелая мантия затрепетала и хлопнула за ним, он покинул зал.

— Вот и выход, — пробормотал Алексей, хоть ему было не по себе. Он налил квас в чашку и выпил залпом.

* * *

Летом дороги поросли травой и высохли. Солнце мягко светило на сладко пахнущую землю, после слабых дождей в лесу сверкали цветы. Но отец Константин не видел этого. Он ехал рядом с гонцом Анны, его губы белели от гнева. Его пальцы болели, желая кисти, оттенки и дерево в прохладе его комнаты. Он тосковал по людям, их любви, жажде и робкому рвению, к тому, как они тянули к нему руки. Митрополит темнил. И теперь его выгнали, потому что люди любили его.

Что ж. Он обучит деревенского мальчишку, назначит его на место и вернется в Москву. Может, отправится южнее в Киев или на запад в Новгород. Мир был большим, и Константин Никонович не собирался гнить на ферме в лесу.

Константин неделю кипел, а потом естественное любопытство взяло верх. Деревья становились все больше, пока они забирались глубже в глушь: огромные дубы, высокие, как купола церквей, сосны. Яркие луга становились все меньше, и по сторонам потянулся лес, свет был зеленым, серым и лиловым, тени были густыми, как бархат.

— Какая земля у Петра Владимировича? — спросил Константин одним утром. Гонец вздрогнул. Они ехали неделю, и красивый священник открывал рот только для еды.

— Очень красивая, батюшка, — ответил с уважением мужчина. — Деревья как соборы, ручьи со всех сторон. Цветы летом, фрукты осенью. Холодно зимой.

— А хозяева? — спросил Константин, невольно испытывая любопытство.

— Петр Владимирович — хороший человек, — сказал мужчина с теплом в голосе. — Порой строгий, но справедливый. Народ не страдает.

— А хозяйка?

— О, хорошая женщина. Не как прошлая госпожа, но все равно хорошая. Не вредит, — он посмотрел на Константина, пока говорил, и отец Константин задумался, что гонец не рассказал.

* * *

В день, когда прибыл священник, Вася сидела на дереве и говорила с русалкой. Когда — то Васе было не по себе от такого общения, но теперь она привыкла к зеленокожей нагоде женщины и стекающей постоянно воды с ее бледных волос. Она сидела на толстом суку с

кошачьей безмятежностью, расчесывала длинные пряди. Гребень был сокровищем русалки, если ее волосы высохнут, она умрет, а гребень призывал воду. Присмотревшись, Вася видела, как с зубцов гребня течет вода. Русалка любила плоть, она ловила оленят, что ходили пить к ее озеру на рассвете, и порой юношей, что ходили тут в середине лета. Но Василиса ей нравилась.

День был поздним, свет падал на них, и волосы Васи блестели, а русалка казалась зеленоватым призраком в облике женщины. Водный дух была старой, как само озеро, порой удивленно смотрела на Васю, наглое дитя нового мира.

Они стали друзьями при странных обстоятельствах. Русалка украла мальчика из деревни. Вася увидела, как юноша пропал, захлебываясь, и зеленые пальцы тянули его в озеро. Вася была ребенком, горела силой своей смертности и могла побороть русалку. Она вытащила мальчика из озера. Они выбрались на берег, мальчик был в синяках, сплевывал воду, смотрел на Васю с благодарностью и страхом. Он отцепился от нее и побежал в деревню, как только ощутил землю под ногами.

Вася пожала плечами и пошла за ним, выжимая воду из косы. Она хотела суп. Но в весенних сумерках, когда каждый листок и травинка выделялись черным в синеватом воздухе, Вася вернулась к озеру. Она села на краю, опустила ноги в воду.

— Ты хотела съесть его? — спросила она у воды. — Ты не можешь найти другое мясо?

Тишину заполнял шелест листьев. А потом...

— Нет, — сказал трепещущий голос. Вася вскочила на ноги, посмотрела на листья. Ей чудом удалось заметить изгибы обнаженной женщины. Русалка сидела на ветке, что — то сияющее белое было в ее руке. — Не мясо, — сказала существо, пожав плечами, волосы ниспадали водопадами на ее кожу. — Страх и желание... но ты этого не знаешь. Это обогащает воду, питает меня. Умирая, они знают истинную меня. Иначе я буду лишь озером, деревом и водорослями.

— Но ты их убиваешь! — сказала Вася.

— Все умирают.

— Я не дам тебе убивать мой народ.

— Тогда я пропаду, — сухо ответила русалка.

Вася задумалась на миг.

— Я знаю, что ты здесь. Вижу тебя. Я не умираю, не боюсь, но... вижу тебя. Я могу быть тебе другом. Этого хватит?

Русалка с любопытством посмотрела на нее.

— Возможно.

И Вася держала слово, приходила к русалке, и весной она бросала цветы в озеро. Русалка не умирала.

Русалка взамен научила Васю плавать так, как никто не мог, лазать по деревьям как кошка, и они развлекались, устроившись на ветви с видом на дорогу, когда Константин приблизился к Лесной Земле.

Русалка первой увидела священника. Ее глаза засияли.

— Вот его я бы с радостью съела.

Вася посмотрела на дорогу и увидела мужчину с золотыми пыльными волосами в темном одеянии священника.

— Почему?

— Он полон желаний. Желания и страха. Он не знает, чего хочет, не признает страх. Но ощущает это, и чувства сильны, — мужчина приближался. Лицо его было голодным. Высокие скулы выпирали и бросали тени на впавшие щеки, у него были глубоко посаженные голубые глаза и мягкие полные губы, но сжатые строго, чтобы скрыть мягкость. С ним ехал один из

людей ее отца, они были в пыли и уставшими.

Вася просияла.

— Я домой, — сказала она. — Если он из Москвы, у него могут быть новости о моих брате и сестре.

Русалка не смотрела на нее, она глядела на мужчину на дороге с голодным светом в глазах.

— Ты обещала, что не станешь, — резко сказала Вася.

Русалка улыбнулась, острые зубы сверкнули за зеленоватыми губами.

— Может, он желает смерти, — сказала она. — Тогда я ему помогу.

* * *

Двор перед домом кишел, как муравейник, озаренный золотом солнца. Мужчина снимал седла с уставших лошадей, но священника не было видно. Вася побежала к двери кухни. На пороге ее встретила Дуня, зашипела из — за прутиков в волосах и пятнах на платье.

— Вася, где...? — сказала она. — Не важно. Скорее, — она поторопила девочку, чтобы расчесать ее и сменить грязную одежду на блузку и расшитый сарафан.

Румяная, недовольная, но уже прилично выглядящая, Вася вышла из комнаты, которую делила с Ириной. Ее ждал Алена. Он улыбнулся ей.

— Может, они все — таки смогут тебя выдать замуж, Васечка.

— Анна Ивановна не даст, — спокойно ответила Вася. — Слишком высокая, тощая как ласка, ноги и лицо лягушки, — она хлопнула в ладоши и подняла голову. — Только принцы из сказок любят жен — лягушек. И они колдуют и становятся красивыми, когда хотят. Боюсь, такой принц мне не светит, Лешка.

Алешка фыркнул.

— Мне было бы жаль принца. Но не принимай слова Анны Ивановны близко к сердцу. Она не хочет, чтобы ты была красивой.

Вася промолчала, помрачнев.

— Прибыл новый священник, — добавил спешно Алеша. — Любопытно, сестренка?

Они выбрались наружу и обошли дом.

Ее взгляд был ясным, как у ребенка.

— А тебе нет? — сказала она. — Он из Москвы. Может, у него есть новости.

* * *

Петр и священник сидели на прохладной летней траве и пили квас. Петр повернулся, услышав детей, прищурился при виде второй дочери.

«Она почти женщина, — подумал он. — Я давно на нее не смотрел. Она и похожа на мать, и нет».

Вася еще казалась неуклюжей, но ее лицо уже менялось. Кости все еще казались слишком крупными, а рот — слишком широким и полным для ее тела. Но она была неотразима: настроение проносилось облаками над ясной зеленой водой ее взгляда, и порой что — то в ее движениях, поворот шеи, заплетенные волосы, привлекали взгляд и удерживали его. Когда свет падал на ее черные волосы, они сияли не бронзой, как у Марины, а темно — красным, как гранат в шелковых нитях.

Отец Константин смотрел на Васю, приподняв брови, чуть хмурясь. Петр не был удивлен. Было в ней что — то хищное, даже пока она была в платье и с заплетенными волосами. Она выглядела как пойманное дикое создание, которое лишь немного причесали.

— Мой сын, — спешно сказал Петр, — Алексей Петрович. А это моя дочь Василиса Петровна.

Алеша поклонился священнику и отцу. Вася смотрела на Константина с явным оживлением. Алеша ткнул ее локтем.

— О! — сказала Вася. — Добро пожаловать, батюшка, — и она быстро добавила. — Вы слышали о наших брате и сестре? Мой брат уехал семь лет назад, чтобы принять обет в Троицкой Лавре. А моя сестра — княгиня Серпухова. Скажите, что вы их видели!

«Ее матери нужно обуздать ее», — мрачно подумал Константин. Тихий голос и опущенная голова подошли бы, когда женщина обращалась к священнику. Эта девушка открыто смотрела на него волшебными зелеными глазами.

— Довольно, Вася, — строго сказал Петр. — У него был долгий путь.

Константин не ответил. Ноги зашуршали по летней траве. Анна Ивановна появилась в поле зрения в лучшем наряде. Ее дочь Ирина шла за ней, безупречная и красивая, как кукла. Анна поклонилась. Ирина сосала палец и смотрела на незнакомца большими глазами.

— Батюшка, — сказала Анна. — Рады приветствовать.

Священник кивнул. Эти женщины вели себя должным образом. Волосы матери скрывал шарф, девочка была аккуратной и сдержанной. Но Константин невольно посмотрел в сторону и поймал заинтересованный взгляд другой дочери.

* * *

— Краски? — Петр нахмурился.

— Краски, Петр Владимирович, — отец Константин старался не выдавать рвения.

Петру казалось, что он ослышался.

Ужин на летней кухне был шумным. Лес был добр в золотые месяца, сад был полон. Дуня превзошла себя с блюдами.

— А потом мы бежали как зайцы, — сказал Алеша у камина. Рядом с ним Вася покраснела и прикрыла лицо. По кухне звенел смех.

— Вы о красителях? — сказал Петр священнику, поняв. — Не бойтесь, женщины окрасят все, что нужно, — он улыбнулся, ощущая себя щедрым. Петр был доволен жизнью. Его посевы росли высокими и зелеными под ярким солнцем. Его жена меньше плакала и кричала, меньше пряталась после прибытия священника со светлыми волосами.

— Можем, — тихо вмешалась Анна. Она не ела рагу. — Что хотите. Вы еще голодны, батюшка?

— Краски, — сказал Константин. — Не для красителей. Я хочу рисовать.

Петр был оскорблен. Дом был алым и голубым. Но картины были яркими, ухоженными, и если этот человек решил вмешаться...

Константин указал на уголок с иконой напротив двери.

— Для рисования икон, — отстраненно сказал он. — Для величия Бога. Я знаю, что мне нужно. Но я не знаю, где это найти в вашем лесу.

Для икон. Петр посмотрел с Константином с обновленным уважением.

— Как наши? — сказал он, посмотрел на тусклую Деву в углу, перед ней стоял огарок свечи. Он привозил иконы из Москвы, но не видел тех, кто их рисует. Монахи рисовали иконы.

Константин открыл рот, закрыл его, взял себя в руки и сказал:

— Да, почти как они. Но мне нужны краски. Цвета. Я немного взял с собой, но...

Иконы были священными. Люди будут чтить его дом, когда узнают, что у него иконописец.

— Конечно, батюшка, — сказал Петр. — Иконы... их рисование... мы найдем вам краски, — Петр повысил голос. — Вася!

Алеша сказал что — то у камина и рассмеялся. Вася тоже смялась. Солнце падало на ее волосы и веснушки на переносице.

«Нескладная, — подумал Константин. — Неуклюжий подросток», — но половина дома смотрела, что она делает.

— Вася! — Петр позвал уже резче.

Она перестала шептаться и прошла к ним. Она была в зеленом платье. Ее волосы выбились у висков и чуть завивались над бровями под красно — желтым платком.

«Страшная», — подумал Константин, а потом задумался. Какая ему разница?

— Отец? — сказала Вася.

— Отец Константин хочет пойти в лес, — сказал Петр. — Он ищет краски. Ты пойдешь с ним. Ты покажешь ему, где растут красящие растения.

Ее взгляд, брошенный на священника, был не глупым или скромным, а ярким и любопытным, как солнце.

— Да, отец, — сказала она и обратилась к Константину. — Завтра на рассвете, батюшка. Лучше собирать травы до полного восхода.

Анна Ивановна воспользовалась моментом и добавила рагу в миску Константина.

— С вашего позволения, — сказала она.

Он не сводил взгляд с Васи. Почему ему не мог помочь с красками кто —нибудь из деревни? Почему зеленоглазая ведьма? Он резко понял, что пялится. Яркость пропала с лица девочки. Константин спохватился.

— Благодарю, девушка, — он начертил крест в воздухе между ними.

Вася вдруг улыбнулась.

— Тогда завтра, — сказала она.

— Беги, Вася, — высоким голосом сказала Анна. — Святому отцу ты уже не нужна.

* * *

Утром на земле был туман. Свет восходящего солнца превращал его в огонь и дым, добавляя тени деревьев. Девушка поприветствовала Константина с настороженным сияющим лицом. Она была как дух в тумане.

Лес здесь был не таким, как вокруг Москвы. Он был диким, жестоким, но и светлым. Большие деревья шептались над головой, и Константин отовсюду ощущал взгляды. Бред.

— Я знаю, где растет полевая мята, — сказала Вася, пока они шли по узкой тропе. Деревья образовывали соборную арку над их головами. Босые ноги девушки мягко шли по пыли. На ее спине висела кожаная сумка. — Если повезет, найдем бузину и чернику. Ольху для желтого. Но этого мало для лика святого. Вы нарисуете нам иконы, батюшка?

— У меня есть красная земля, порошок камней и черный металл. Даже есть лазурная пыль для вуали Девы. Но нет зеленого, желтого и фиолетового, — сказал Константин. Он поздно уловил рвение в голосе.

— Это мы можем найти, — сказала Вася, подпрыгнув, как ребенок. — Я еще не видела, как пишут иконы. И никто не видел. Мы будем приходить и просить у вас молитвы, чтобы посмотреть на вашу работу.

Он знал, что люди так делают. В Москве они толпились вокруг его икон...

— Вы все — таки человек, — Вася смотрела, как мысли проносятся на его лице. — А порой вы похожи на икону.

Он не знал, что она увидела на его лице, и злился на себя.

— Вы слишком много думаете, Василиса Петровна. Лучше тихо сидеть дома с младшей сестрой.

— Вы не первый мне это говорите, — сказала Вася без злобы. — Но кто тогда пошел бы с вами на рассвете искать травы? Вот...

Они остановились у березы, потом у дикой горчицы. Девушка умело обращалась с маленьким ножом. Солнце поднялось выше, сжигая туман.

— Я задала вчера вопрос, хотя не должна была, — сказала Вася, когда горчица перекочевала в ее сумку. — Но я повторю вопрос сегодня, простите настойчивость, батюшка. Я люблю брата и

сестру. Мы давно о них не слышали. Моего брата теперь зовут брат Александр.

Священник сжал губы.

— Я его знаю, — сказал он после короткой паузы. — Разразился скандал, когда он принял обет под своим именем.

Вася почти улыбнулась.

— Наша мама выбрала ему это имя, и брат всегда был упрямым.

Слухи о непримиримости брата Александра разошлись по Московии. Но Константин понимал, что обеты — не тема для девушек. Вася смотрела на него большими глазами. Константину становилось неудобно.

— Брат Александр прибыл в Москву на коронацию Дмитрия Ивановича. Говорили, он пользуется уважением у деревень, — сухо добавил священник.

— А моя сестра? — сказала Вася.

— Княгиню Серпухова чтят за ее набожность и сильных детей, — сказал Константин, желая закончить разговор.

Вася повернулась, радостно вскрикнув.

— Я переживаю за них, — сказала она. — Отец тоже, хоть это скрывает. Спасибо, батюшка, — она повернулась к нему с сияющим лицом, и это пугало и невольно восхищало Константина. Он похолодел. Повисла пауза. Тропа стала шире, и они пошли бок о бок.

— Отец сказал, вы бывали в разных концах света, — сказала Вася. — В Царьграде и дворце тысячи королей. В соборе святой Софии.

— Да, — сказал Константин.

— Расскажите об этом? — сказала она. — Отец говорит, в сумерках поют ангелы. И что царь правит всеми людьми божьими, словно он сам — Бог. И что у него комнаты драгоценных камней и тысячи слуг.

Ее вопрос поразил его.

— Не ангелы, — медленно сказал Константин. — Люди, но с голосами, что не постыдили бы ангелов. Ночью они зажигают тысячи свечей, и всюду золото и музыка...

Он резко остановился.

— Это, наверное, как рай, — сказала Вася.

— Да, — сказал Константин. От воспоминания сдавило горло: золото и серебро, музыка, ученые люди и свобода. Лес будто душил его. — Это не тема для девушек, — добавил он.

Вася вскинула брови. Они нашли куст ежевики. Вася сорвала горсть.

— Вы не хотели сюда ехать, да? — сказала она у ежевики. — У нас нет музыки, огней, мало людей. Вы не можете уехать?

— Я иду по велению Божьему, — сказал Константин холодно. — Если моя работа здесь, то я останусь здесь.

— И что у вас за работа, батюшка? — сказала Вася. Она перестала есть ежевику. На миг она посмотрела на деревья наверху.

Константин проследил за ее взглядом, но там ничего не было. Его охватило странное ощущение.

— Спасать души, — сказал он. Он мог сосчитать веснушки на ее носу. Эту девушку точно нужно было спасать. Ежевика испачкала ее рот и руки.

Вася слабо улыбнулась.

— Вы нас спасете?

— Если Господь даст силы, спасу

— Я лишь деревенская девушка, — сказала Вася. Она потянулась к ягодам, следя за шипами. — Я никогда не видела Царьград или ангелов, не слышала голос Бога. Но я думаю, что

вам нужно быть осторожнее, батюшка. Господь не говорит так, как вы хотите. Нам не требовалось спасение раньше.

Константин смотрел на нее. Она улыбнулась, ребенок, а не женщина, высокая и худая, испачканная соком ежевики.

— Скорее, — сказала она. — Скоро солнце взойдет.

* * *

Той ночью отец Константин лежал на узкой кровати и дрожал. Он не мог уснуть. На севере ветер кусал после заката даже летом.

Он правильно поставил иконы в углу напротив двери. Богоматерь висела в центре, Троица — ниже. Ночью хозяйка дома, робкая и вежливая, дала ему толстую свечу из пчелиного воска, чтобы поставить перед иконами. Константин зажег ее и наслаждался золотым светом. Но в свете луны свеча отбрасывала зловещую тень на лицо Девы, и странные фигуры будто плясали среди икон. Было что — то враждебное в доме ночью. Казалось, он дышит...

«Глупости», — подумал Константин. Он с раздражением встал, чтобы задуть свечу. Но, когда он пересек комнату, он услышал вдали щелчок закрывшейся двери. Он тут же повернулся к окну.

Женщина бежала перед домом, укутанная в тяжелую шаль. Из — за этого она казалась пухлой и бесформенной. Отец Константин не понимал, кто это. Фигура добралась до двери церкви и замерла. Она коснулась бронзового кольца и открыла дверь, а потом пропала внутри.

Константин смотрел на место, где она пропала. Ничто не мешало людям молиться ночью, но в доме были свои иконы. Можно было легко помолиться перед ними, а не ходить ночью на улицу. И манеры женщины были вороватыми, почти виновными.

Константин ощущал все больше любопытства, раздражения и бодрости. Он отвернулся от окна, накинул темную мантию. В его комнате была дверь наружу. Он бесшумно вышел, не обувшись, и пошел по траве к церкви.

* * *

Анна Ивановна сидела в темноте перед иконостасом и старалась ни о чем не думать. Пахло пылью и краской, пчелиным воском и старым деревом, и это окутывало ее бальзамом, пока пот от очередного кошмара высыхал на холоде. В этот раз она ходила по лесу в полночь, вокруг были черные тени. Странные голоса звучали вокруг нее.

— Госпожа, — кричали они. — Госпожа, просим. Увидь нас. Познай нас, чтобы очаг не был без защиты. Просим, госпожа, — но она не смотрела. Она ходила, голоса терзали ее. А потом, в отчаянии, она побежала, ранив ноги о камни и корни. Раздался громкий жалобный вопль. Вдруг ее путь оборвался. Она забежала в пустоту и вернулась в свою кожу, задыхаясь и истекая потом.

Только сон. Но ее лицо и ноги жалило, и, даже проснувшись, Анна слышала те голоса. Она бросилась в церковь и опустилась у иконостаса. Она могла остаться в церкви и вернуться с первым светом. Она так делала раньше. Ее муж был вежливым, хотя ее ночные пропажи было сложно объяснить.

Тихий скрип петель пробрался в ее уши. Анна дернулась и развернулась. Фигуру в темной мантии озарял свет луны. Он тихо прошел порог и приблизился к ней. Анна боялась пошевелиться. Она застыла, но тень приблизилась достаточно, чтобы она заметила блеск волос цвета старого золота.

— Анна Ивановна, — сказал Константин. — С вами все в порядке?

Она уставилась на священника. Всю жизнь люди задавали ей злые и возмущенные вопросы. Они спрашивали «Что вы делаете?» и «Что с вами такое?». Но никто еще не спрашивал так мягко. Лунный свет играл на впадинах его лица.

Анна залепетала:

— Я... конечно, батюшка. Я в порядке, просто... простите, я... — она всхлипнула. Дрожа, не глядя ему в глаза, она отвернулась, перекрестилась и опустилась перед иконостасом на колени. Отец Константин замер за ней на миг, ничего не говоря, а потом развернулся и, перекрестившись, опустился у другого конца иконостаса, перед безмятежным лицом Богоматери. Его голос, пока он молился, слабо доносился до ушей Анны: медленный шепот, хотя она не могла разобрать слова. Ее судорожное дыхание стало тише.

Она поцеловала икону Христа и взглянула на отца Константина. Он смотрел на тусклые изображения перед собой, сцепив ладони. Его голос был низким, тихим и неожиданным:

— Скажите, — обратился он, — что привело вас сюда в такой час.

— Вам не сказали, что я безумна? — с горечью ответила Анна, удивляя себя.

— Нет, — сказал священник. — Это так?

Она слабо кивнула.

— Почему?

Она посмотрела на него.

— Почему я безумна? — ее голос звучал хриплым шепотом.

— Нет, — терпеливо ответил Константин. — Почему вы верите, что это так?

— Я вижу... всякое. Демонов, чертей. Всюду. Все время, — она словно переступала через себя. Что — то завладело ее языком, звучали ответы. Она никому раньше не рассказывала. Она отказывалась порой сама признавать, даже когда бормотала в углах, и женщины шептались, прикрываясь ладонями. Даже добрый, пьяный и неуклюжий отец Семен, который молился с ней больше раз, чем она могла сосчитать, никогда не получал от нее это признание.

— Но почему это значит, что вы безумны? Церковь учит, что демоны ходят среди нас. Вы отрицаете учения церкви?

— Нет! Но... — Анне было жарко и холодно. Она хотела посмотреть в его лицо снова, но не осмелилась. Она посмотрела на пол и увидела слабую тень его ноги, босой под тяжелой мантией. Она выдавила шепот. — Но они не... не могут быть настоящими. Никто больше не видит... Я безумна, я это знаю, — она замолчала и медленно добавила. — Но порой я думаю... о падчерице Василисе. Но она лишь ребенок, который слушал слишком много сказок.

Отец Константин нахмурился.

— Она говорит об этом?

— Иногда. Но когда она была маленькой, порой... ее глаза...

— И вы ничего не сделали? — голос Константина был гибким, как змея, и податливым, как у певца. Анна робела от его потрясенного тона.

— Я была ее, когда могла, запрещала говорить об этом. Я думала, может, если поймаю это в раннем возрасте, безумие отступит.

— Об этом вы думали? Безумие? Вы не боялись за ее душу?

Анна открыла рот, закрыла его и ошеломленно посмотрела на священника. Он прошел к центру иконостаса, где сидел Христос, окруженный апостолами. Лунный свет делал его золотые волосы седыми, серебристыми. Его тень ползла по полу.

— Демонов можно изгнать, Анна Ивановна, — сказал он, не сводя взгляда с иконы.

— И — изгнать? — пролепетала она.

— Естественно.

— Как? — она ощущала, словно думала сквозь грязь. Всю жизнь она носила это проклятие. Она не могла осознать, что от этого можно было избавиться.

— Ритуалы церкви. И молитвы.

Повисла тишина.

— О, — выдохнула Анна. — О, прошу. Прогоните это. Прогоните их.

Он, должно быть, улыбнулся, но она толком не видела в свете луны.

— Я буду молиться и думать об этом. Идите спать, Анна Ивановна, — она смотрела на него большими потрясенными глазами, а потом развернулась и бросилась к двери, неловко ступая по дереву.

Отец Константин опустил перед иконостасом. Он не спал остаток ночи.

А потом было воскресенье. В сером свете рассвета Константин вернулся в свою комнату. С тяжелой головой он умыл холодной водой лицо и вымыл руки. Скоро ему на службу. Он был уставшим, но спокойным. За долгие часы бдения Бог дал ему ответ. Он знал, что за зло лежало на этой земле. Оно было в солнечных символах на фартуке няни, в ужасе глупой женщины, в хищных глазах дочери Петра. Место было заражено демонами, чертями старой религии. Эти глупые дикие люди поклонялись Богу днем и старым божествам в тайне. Они пытались идти обеими тропами сразу, делали себя низкими в глазах Отца. Конечно, зло забавлялось здесь.

Волнение кипело в его венах. Он думал, что будет тут гнить, в глуши. Но тут шел бой, бой за души людей, и с одной стороны было зло, а с другой — посланник Бога.

Люди собирались. Он почти ощущал их любопытство. Тут было не так, как в Москве, где люди голодно внимали его словам, любили его своими испуганными глазами. Пока что.

Но будет так.

* * *

Вася дернула плечом, ей хотелось снять головной убор. Они были в церкви, и Дуня добавила вуаль к строению из ткани и дерева с полудрагоценными камнями. Чесалось. Но это было ничего, по сравнению с Анной, которая нарядилась как на праздник — с крестом с камнями на шее, кольцами на каждом пальце. Дуня посмотрела на хозяйку, пробормотала о набожности и золотых волосах. Даже Петр вскинул брови при виде жены, но промолчал. Вася пошла за братьями в церковь, почесывая голову.

Женщины стояли слева, у Девы, а мужчины справа — перед Христом. Вася всегда хотела стоять рядом с Алешей, чтобы они толкались всю службу. Ирина была такой маленькой и милой, что радости от тыканья не было, и Анна всегда это замечала. Вася сцепила пальцы за спиной.

Двери в центре иконостаса открылись, вышел священник. Шепот деревни звучал в тишине, смешанный с хихиканьем девочки.

Церковь была маленькой, и отец Константин, казалось, заполнял ее. Его золотые волосы привлекали взгляд, как не могли даже камни Анны. Его голубые глаза пронзали толпу ножами, каждого человека. Он не сразу заговорил. Люди замолчали, и Вася старалась услышать их тихое дыхание.

— Благословенно царство, — заговорил Константин, его голос хлынул на них, — отца, сына и святого духа ныне и присно, и во веки веков.

Он не звучал как отец Семен, отметила Вася, хотя слова литургии были такими же. Его голос был громом, он расставлял ударения, как Дуня стежки. От его прикосновения слова оживали. Его голос был глубоким, как реки веской. Он говорил с ними о жизни и смерти, о Боге и грехе. Он говорил о том, чего они не знали, о чертях, страданиях и искушении. Он рассказывал это перед ними, чтобы они увидели себя поддавшимися суждению Бога, увидели себя обреченными и сдались.

Константин притягивал толпу к себе, и они повторяли его слова в дымке восторженного ужаса. Он манил их голосом, пока их голоса не утихли, пока они не слушали, как дети, боящиеся бури. Они были на грани паники — или восторга — и его голос стал мягче.

— Спаси, сохрани и помилуй раба твоего.

Повисла тяжелая тишина. В ней Константин поднял правую руку и благословил толпу.

Они уходили из церкви как сомнамбулы, держась друг за друга. Анна была в ужасе, который

Вася не понимала. Остальные были ошеломлены, даже измождены, в их глазах остались следы боязливого восторга.

— Лешка! — позвала Вася, побежав за братом. Но, когда он повернулся к ней, он был бледен, как остальные, он смотрел на нее будто издалека. Она шлепнула его, боясь пустоты в его глазах. Вдруг Алеша пришел в себя, толкнул ее, и она упала бы в пыль, но она была ловкой и в новом платье. Так что она отпрянула, удержалась на ногах, и они хмуро посмотрели друг на друга, сжимая кулаки, тяжело дыша.

Они пришли в себя и рассмеялись. Алеша сказал:

— Это правда, Вася? Демоны среди нас, и нас ждут страдания, если мы не избавимся от них? Но черти... он говорил о них? Женщины всегда оставляли хлеб домовому. Какое Богу дело до этого?

— Истории или нет, но почему мы должны отказываться от духов домашнего очага ради старого священника из Москвы? — рявкнула Вася. — Мы всегда оставляли им хлеб, соль и воду, и Бог не злился.

— Мы не голодали, — робко сказал Алеша. — И не было огней или болезней. Но, может, он ждет, когда мы умрем, чтобы наше наказание не прекращалось.

— Ради всего святого, Лешка, — начала Вася, но ее перебил голос Дуни. Анна попросила особый ужин, и Вася должна была катать клецки и мешать суп.

Они ужинали снаружи яйцами, кашей и весенней зеленью, хлебом, сыром и медом. Веселье притихло. Девушки стояли группами и шептались.

Константин спокойно жевал с довольным видом. Петр, хмурясь, поворачивал голову в стороны, словно бык, ощущающий опасность, но не видящий волков среди травы.

«Отец понимает диких зверей, — подумала Вася. — Но грех и осуждение не убрать».

Остальные смотрели на священника с ужасом и голодным восхищением. Анна Ивановна сияла с робкой радостью. Их реакция поднимала Константина и несла его, как лошадь галопом. Вася не знала, но в тишине, когда все ушли, священник обратил это чувство в экзорцизм, пока даже люди вдали не слышали, как кричат дьяволы, убегая из стен Петра прочь.

* * *

Тем летом Константин ходил среди людей и слушал их горести. Он благословлял умирающих и новорожденных. Он слушал, когда говорили, а когда звучал его гулкий голос, люди молчали и слушали.

— Покайтесь, — говорил он им, — или будете гореть. Огонь близко. Он ждет вас и ваших детей, когда вы ложитесь спать. Дарите плоды одному лишь Богу. Только это спасет вас.

Люди шептались, и их шепот был все больше наполнен страхом.

Константин каждый вечер ел за столом Петра. Его голос заставлял трепетать их медовуху, а ложки — греметь. Ирина оставляла ложку в чашке и хихикала, когда они звякали. Вася поощряла это, детские шалости радовали. Разговоры о наказании не пугали Ирину, она еще была маленькой.

Но Вася боялась.

Не священника, не дьяволов и не огня. Она видела их дьяволов. Она видела их каждый день. Некоторые были злыми, некоторые добрыми, некоторые шаловливыми. Они были похожи на людей, которых оберегали.

Нет, Вася боялась за свой народ. Они не шутили больше по пути в церковь, они слушали отца Константина в тяжелой и жадной тишине. И даже не в церкви люди часто ходили к нему.

Константин попросил у Петра пчелиный воск, и он растопил его, смешал с красками. Когда в его комнату проник свет солнца, он взялся за кисти, открыл флаконы с порошками. И он рисовал. Под его кистью появлялся святой Петр. Борода его была кудрявой, риза — желтой и

темно — коричневой. Его странная ладонь с длинными пальцами была поднята в благословении.

Лесная Земля только об этом и говорила.

Одним воскресеньем Вася отчаялась и принесла сверчков в церковь и разбросала среди людей. Их стрекот противостоял низкому голосу отца Константина. Но никто не смеялся, все кривились и шептали о злом предзнаменовании. Анна Ивановна не видела, но подозревала, кто за этим стоит. После службы она вызвала Васю к себе.

Вася с неохотой пришла в комнату мачехи. Прут из ивы уже был в руке Анны. Священник сидел у открытого окна, растирал в порошок голубой камень. Он не слушал, пока Анна допрашивала падчерицу, но Вася знала, что вопросы ради священника, чтобы показать, какая ее мачеха хорошая хозяйка дома.

Расспросы продолжались.

— Я бы сделала так снова, — сорвалась Вася, когда ей уже надоело. — Разве не Бог создал всех существ? Почему только мы можем молиться? Сверчки молятся песнями, как мы.

Константин взглянул на нее, но она не смогла прочесть его выражение.

— Наглость! — завопила Анна. — Кошунство!

Вася вскинула голову и молчала, а прут мачехи свистел. Константин мрачно наблюдал. Вася смотрела ему в глаза, отказывалась отводить взгляд.

Анна смотрела на их взгляды, и ее яростное лицо стало еще краснее. Она все силу вложила в удары. Вася не двигалась, прикусывала губу до крови. Но слезы выступали, несмотря на ее старания, и катились по ее щекам.

За Анной сидел Константин и наблюдал без слов.

Вася издала вопль только раз почти в конце, скорее от унижения, чем от боли. А потом все закончилось, и Алеша с белыми губами пошел искать их отца. Петр увидел кровь и белое лицо дочери и схватил Анну за руку.

Вася не сказала отцу или кому — то еще, она ушла, спотыкаясь, хотя брат пытался ее окликнуть, и спряталась в лесу, как раненый зверек. Если она и плакала, слышала только русалка.

— Это научит цене греха, — гордо сказала Анна, когда Петр возмутился из — за ее жестокости. — Лучше научится сейчас, чем сгорит позже, Петр Владимирович.

Константин молчал. Он не говорил того, о чем думал.

Ее раны зажили, и Вася ходила тише, старалась держать язык за зубами. Она все больше времени проводила с лошадьми, подумывала одеться как мальчик и убежать к Саше в монастырь или послать тайного гонца к Ольге.

Алеша, хоть и не сказал ей, начал отмечать, когда она уходит и приходит, чтобы она не оставалась наедине с мачехой.

Все это время Константин осуждал подношения людей — хлеб или медовуху — духам их домашних очагов.

— Отдавайте их Богу, — говорил он. — Забудьте своих демонов, а не то сгорите, — люди слушали. Даже Дуня почти поверила, она ворчала, качала старой головой и убирала символы солнца с фартуков и платков.

Вася не видела этого, она пряталась в лесу или в конюшне. Но домовый сильнее всего сожалел об ее отсутствии, потому что теперь ему оставались лишь крошки.

Осень пришла величавой вспышкой и быстро угасла, став серой. Тишина уходящего года лежала туманом над землями Петра Владимировича, пока отец Константин рисовал все больше икон. Мужчины в деревне сделали для них новый иконостас: святой Петр и святой Павел, Дева и Христос. Люди задерживались у комнаты Константина, смотрели на законченные иконы с восторгом, на их формы и сияющие лица. Константин делал иконостас по одной иконе за раз

— Вашим спасением вы обязаны Богу, — сказал Константин. — Смотрите на Его лицо, и будете спасены, — они никогда не видели таких больших глаз Христа, бледной кожи и тонких длинных рук. Они смотрели, падали на колени и порой плакали.

Они говорили: «Разве домовый не сказка для плохих детей? Простите, батюшка, мы каемся».

Почти никто не оставлял угощения, даже в осеннее равноденствие. Домовой исхудал, ослабел. Вазила стал тонким, потрепанным и диким, солома торчала из его спутанной бороды. Он воровал рожь и ячмень, припасенные для лошадей. Лошади начали топтать в загонах, пугаться ветра. В деревне все были раздражены.

* * *

— Это был не я, мальчишка, не лошадь, не кот и не призрак, — рычал Петр на конюха горьким утром. Еще больше ячменя пропало ночью, и Петр был в ярости.

— Я не видел! — кричал мальчик, всхлипывая. — Я бы никогда...

Воздух обжигал утром в ноябре, и земля словно звенела под ногами от холода. Петр стоял нос к носу с юношей и сжимал кулаки от его отрицаний. Раздался стук и вопль боли.

— Больше никогда не воруй у меня, — сказал Петр.

Вася, только прошедшая в дверь конюшни, нахмурилась. Ее отец никогда не срывался. Он даже не бил Анну Ивановну.

«Что с нами?» — Вася скрылась из виду и забралась в сено. Она быстро заметила вазилу, который сжимался, наполовину скрытый в соломе. Она поежилась от его взгляда.

— Зачем ты ешь ячмень? — спросила она, набравшись смелости.

— Потому что не было подношений, — глаза вазилы были жуткими и черными.

— Ты пугаешь лошадей?

— Их настроение — мое настроение.

— Ты очень злишься, да? — прошептала девочка. — Но мой народ не специально. Их запугали. Священник однажды уйдет. Так будет не всегда.

Глаза вазилы мрачно блестели, но Вася, казалось, увидела в них не только гнев, но и печаль.

— Я голоден, — сказал он.

Вася ощутила сочувствие. Она тоже часто была голодна.

— Я могу принести хлеба, — сказала она. — Я не боюсь.

Веки вазилы затрепетали.

— Мне нужно немного, — сказал он. — Хлеба. Яблок.

Вася старалась не думать о том, что отдает часть своей еды. Посреди зимы с едой всегда было плохо, и вскоре ей будет важна каждая крошка, но...

— Я принесу их. Клянусь, — сказала она, глядя в круглые карие глаза демона.

— Благодарю, — ответил вазила. — Храни клятву, и я оставлю зерно в покое.

Вася держала слово. Много не требовалось. Засохшее яблоко. Корочка. Капля медовухи на ее пальцах или во рту. Но вазила был рад, и когда он ел, лошади затихали. Дни темнели, становились короче, падал снег, запечатывая их белизной. Но вазила становился розовым и сытым, и конюшня была сонной и спокойной, как раньше.

Зима была долгой. В январе стало хуже, Дуня такого не помнила.

Безжалостные зимние сумерки загоняли людей в дома. Петр из — за этого долго созерцал хмурые лица семьи. Они жались у огня, жевали хлеб и полоски сухого мяса, по очереди добавляя хворост в огонь. Даже ночью они не давали ему догорать. Старшие шептались, что их хворост горел слишком быстро, что на поддержание огня уходило по три бревна, а раньше требовалось одно. Петр и Коля решили, что это бред. Но их запасы уменьшались.

Зима миновала середину, и дни стали удлиняться, но холод стал только хуже. Он убивал овец и кроликов, от него чернели пальцы. Им требовалось все больше хвороста, запасы таяли, и люди осмеливались ходить в тихий лес в свете зимнего солнца. Вася и Алеша на санях с пони и с короткими топорами заметили отпечатки лап на снегу.

— Нам стоило идти по следу, отец? — спросил Коля в ту ночь. — Убить, снять шкуры и привезти остальное? — он чинил косу, щурясь в свете печи. Его сын Сережа, тихий и напряженный, прижимался к матери.

Васе мрачно посмотрела на большую корзинку вещей для починки и взяла топор и точильный камень. Алеша удивленно посмотрел на нее поверх своего топора.

— Видите? — сказал отец Константин Анне. — Осмотритесь. Ваше избавление в руках Господа, — Анна смотрела на его лицо, вышивка лежала забытой на коленях.

Петр поражался своей жене. Она еще никогда не была такой бодрой, хоть эта зима и была самой худшей из всех, что он помнил.

— Думаю, нет, — ответил Петр сыну. Он разглядывал свои сапоги, зимой дыры могли стоять человеку ноги. Он опустил один у огня и взял другой. — Они больше волкодавов, эти волки с севера, они уже двадцать лет не подходили так близко, — Петр погладил голову пса, и тот вяло лизнул ему руку. — Они отчаялись, они будут охотиться на детей, убивать спящих под нашими носами. Люди могли бы пойти группой, но слишком холодно для луков. Подойдут копья, но не все вернутся. Нет, мы должны присматривать за детьми и скотом, а в лес ходить лишь днем.

— Можно поставить силки, — сказала Вася, двигая точильным камнем.

Анна мрачно посмотрела на нее.

— Нет, — сказал Петр. — Волки — не зайцы, они учуют тебя, и никто не пойдет рисковать в лес, если шанс на добычу низкий.

— Да, отец, — вяло сказала Вася.

Той ночью было ужасно холодно. Они жались друг к другу на печи, как соленая рыба, укрывшись всеми одеялами, что были в доме. Вася плохо спала: ее отец храпел, а острые коленки Ирины впивались в ее спину. Она ворочалась, стараясь не задеть Алешу, и около полуночи смогла хоть как — то уснуть. Ей снились воющие волки, зимние звезды и теплые облака, человек с рыжими волосами, женщина на лошади и бледный мужчина с тяжелой челюстью, выглядевший голодно, скалящийся и моргающий одним хорошим глазом. Она проснулась, охнув, перед рассветом и увидела фигуру в комнате, озаренную светом огня из печи.

«Это сон, кот с кухни», — подумала она. Но фигура замерла, словно ощутила ее взгляд. Она повернулась. Вася едва осмеливалась дышать, видела его бледное лицо в тусклом свете. Глаза были цвета зимнего льда. Она вдохнула — чтобы заговорить или закричать — но фигура пропала. Свет дня проникал в дверь кухни, из деревни раздался вопль.

— Это Тимофей, — Петр назвал деревенского мальчика. Петр встал до рассвета, чтобы проверить скот. Он вошел в дверь, топнул, стряхивая снег с сапог и лед с бороды. Его глаза были мрачными от холода и недосыпа. — Он умер ночью, — кухню наполнили вопли. Вася, почти проснувшаяся на печи, вспомнила фигуру в темноте. Дуня ничего не сказала, пекла, сжав губы. Она часто с тревогой поглядывала на Васю и Ирину. Зима была жестокой к детям.

В середине утра женщины собрались в купальне, чтобы укутать его мертвое тело. Вася

вошла следом за мачехой, заметила лицо Тимофея: стеклянные глаза и замерзшие щеки на худых щеках. Его мать прижимала окоченевшее тело к себе, никого не замечая. Она не слушала уговоры, не отпускала ребенка, и когда женщины силой отцепили ее от мальчика, она заголосила.

В комнате воцарился хаос. Мать отбивалась, кричала сыну. Многие женщины сами были с детьми и робели от ее взгляда. Мать слепо ударяла ногтями, борясь. Комната была тесной. Вася отодвинула Ирину от опасности и схватила руки. Она была сильной, но тонкой, а мать одичала от горя. Вася держалась и пыталась говорить.

— Отпусти меня, ведьма! — закричала женщина. — Пусти! — Вася растерялась и ослабила хватку, локоть попал ей по лицу. Она увидела звезды, ее руки опустились.

Тут на пороге появился отец Константин. Его нос был красным, а лицо обветренным, как у всех, но он тут же осмотрел сцену, сделал два шага по маленькой хижине и поймал пальцы матери. Женщина отчаянно дернулась и замерла, дрожа.

— Он ушел, Ясна, — сказал строго Константин.

— Нет, — прохрипела она. — Я держала его в руках, всю ночь держала, и огонь горел. Он не мог, он не уйдет, если я буду его держать. Отдайте его мне!

— Он принадлежит Богу, — сказал Константин. — Как и все мы.

— Он мой сын! Единственный. Мой...

— Тише, — сказал он. — Присядь. Это неприлично. Женщины устроят его у огня, подогреют воду для омовения, — его низкий голос был мягким и ровным. Ясна пошла за ним к печи и опустилась рядом с ней.

Все утро — и короткий зимний день — Константин говорил, и Ясна смотрела на него, как пловец на волнах, пока женщины раздевали Тимофея, омывали его тело и укутывали в холодный лен. Священник еще был там, когда Вася вернулась с очередных сложных поисков хвороста, она увидела, как он стоит перед дверью, вдыхая холодный воздух, как воду.

— Хотите медовухи, батюшка? — сказала она.

Константин вздрогнул. Вася не шумела, пока шла, и ее серый мех смешивался со сгущающейся тьмой. После паузы он сказал:

— Хочу, Василиса Петровна, — его красивый голос был слабым, гул пропал. Она мрачно вручила ему свою фляжку медовухи. Он отчаянно пил ее. Вытерев рот обратной стороной ладони, он вернул ей фляжку, а она разглядывала его, хмурясь.

— Вы будете тут и ночью? — спросила она.

— Это мое место, — ответил он с долей высокомерия, вопрос был неуместным.

Она увидела его раздражение и улыбнулась. Он нахмурился.

— Я уважаю вас за это, батюшка, — сказала она.

Вася повернулась к дому, едва заметному в тених. Константин провожал ее взглядом, сжав губы. Медовуха была тяжелой во рту.

Священник остался на ночь у тела. Его худое лицо было хмурым, губы двигались в молитве. Вася, вернувшись рано утром для своего дежурства, невольно восхитилась его уверенной позой, хотя воздух еще никогда не был так наполнен всхлипами и мольбами.

Было слишком холодно, чтобы задерживаться у могилки, с трудом выкопанной в замерзшей земле. Как только стало можно, люди разошлись по избам, оставив кроху одного в ледяной колыбели, отец Константин остался последним, почти унес горюющую мать.

Люди набивались в избы поменьше, семьи спали вместе на печи, чтобы приберечь хворост. Но дерево быстро кончалось, словно сгорало по плохой воле. И они ходили в лес, несмотря на свежие следы, женщины дрожали, помня мраморное лицо Тимофея и жуткий взгляд его матери. Кто — то легко мог не вернуться.

Сын Олега Данил был одними костями, когда они нашли его, рассыпанного по окровавленному утопанному снегу. Его отец принес кости Петру и без слов разложил перед ним.

Петр посмотрел на них и ничего не сказал.

— Петр Владимирович... — начал Олег, хрипя, но Петр покачал головой.

— Похорони своего сына, — сказал он, его взгляд задержался на своих детях. — Я созову людей завтра.

Алеша долгую ночь проверял древко копья и точил охотничий нож. На его щеках без щетины было мало цвета. Вася наблюдала за ним. Ей хотелось себе копье, бороться с опасностями в зимнему лесу. Но другая часть хотела ударить брата по голове за такое восхищение.

— Я принесу тебе шкуру волка, Вася, — сказал Алеша, отложив оружие.

— Себе забереешь, — парировала Вася, — главное, принеси свою шкуру, не отморозив пальцы ног.

Ее брат улыбнулся, глаза сияли.

— Переживаешь, сестренка?

Они сидели в стороне от остальных у печи, но Вася все равно понизила голос:

— Мне это не нравится. Думаешь, я хочу отрубить тебе пальцы ног? Или рук?

— Ничего не поделать, Васечка, — сказал Алеша, опустив сапог. — Нам нужен хворост. Лучше бороться, чем замерзнуть в домах насмерть.

Вася сжала губы, но не ответила. Она вдруг подумала о вазиле, черноглазом от гнева. Она подумала о корочках, что приносила ему, чтобы успокоить. Злился кто — то еще? Этот кто — то мог быть только в лесу, откуда дул ветер, и где были волки.

«Даже не думай, Вася», — сказал голос в ее голове. Но Вася посмотрела на свою семью. Она видела мрачное лицо отца, подавленное волнение братьев.

«Я могу попробовать. Если Алеша завтра пострадает, я возненавижу себя за то, что даже не пыталась», — не медля, Вася пошла за сапогами и зимним плащом.

Никто не спросил, куда она. Правды никто не знал.

Вася перелезла через забор, мешали варежки. Звезды были далекими и тусклыми, луна бросала свет на замерзший снег. Вася миновала край леса и попала во тьму. Она шла осторожно. Было очень холодно. Снег хрустел под ногами. Где — то завыл волк. Вася старалась не думать о желтых глазах. Ее зубы стучали, она дрожала.

Вдруг Вася остановилась. Показалось, она слышит голос. Замедлив дыхание, она прислушалась. Нет, лишь ветер.

Но что там? Выглядело как больше дерево, которое она смутно помнила, но память подло не открывалась. Нет, то была лишь тень от луны.

Ветер охлаждал кости и играл среди ветвей наверху.

Из шипения и стука Вася вдруг различила слова.

«Тепло ли тебе, дитя?» — сказал ветер, посмеиваясь.

Васе казалось, что кости треснут, как ветви от мороза, но она твердо ответила:

— Кто вы? Вы посылаете холод?

Долгая тишина. Вася подумала, что голос ей показался. А потом услышала насмешливое: «А почему нет? Я тоже злюсь», — голос разносился эхом, и вопил весь лес.

— Это не ответ, — парировала девушка. Она отметила, что стоит мягче иметь дело с голосами, что было едва слышно посреди ночи. Но холод сделал ее сонной, она боролась всеми силами, так что не могла быть мягкой.

«Я несусь холод», — сказал голос. И вдруг ледяные нежные пальцы коснулись ее лица и горла. Холодное прикосновение, как кончики пальцев, были под ее одеждой, на ее сердце.

— Ты прекратишь? — прошептала Вася, подавляя страх. Ее сердце словно билось в чужую ладонь. — Мой народ боится, они сожалеют. Скоро все будет как раньше: церкви и черти вместе, и никто не будет бояться говорить о демонах.

«Будет слишком поздно, — сказал ветер, и лес подхватил эхом: слишком поздно, поздно. А потом: — И тебе стоит бояться не моего мороза, девица. А огня. Ваш огонь горит слишком быстро?».

— Это из — за холода.

«Нет, грядет буря. Первый признак — страх. Второй — всегда огонь. Твой народ боится, огонь горит быстро».

— Молю, не пусти бурю, — сказала Вася. — У меня есть подарок, — она сунула руку в рукав. Там был кусочек сухаря, щепотка соли, но она протянула их, и ветер утих.

В тишине Вася услышала вой волка, уже очень близко, ему ответил хор. Но тут меж двух деревьев прошла белая кобылица, и Вася забыла о волках. Длинная грива кобылицы была как сосульки, ее дыхание оставляло облачка в ночи.

Вася перевела дыхание.

— О, ты прекрасна, — сказала она, замечая в голосе томление. — Ты несешь холод?

Был ли у кобылицы всадник? Вася не знала. Казалось, был, а потом кобылица встряхнулась, и тень на ее спине оказалась игрой света.

Белая лошадь направила ушки вперед, к хлебу и соли. Вася протянула руку. Она ощутила теплое дыхание лошади на лице, смотрела в темный глаз. Ей вдруг стало теплее. Даже ветер казался теплее, пока окутывал ее лицо.

«Я несу холод, — сказал голос. Вряд ли это была кобылица. — Это мой гнев и мое предупреждение. Но ты смелая, девица, я отступлю. Из — за подношения, — пауза. — Но страх не мой, как и огонь. Грядет буря, и мороз — пустяк, по сравнению с ней. Храбрость спасет тебя. Если твой народ боится, он проиграет».

— Что за буря? — прошептала Вася.

«Остерегайся смены времен года, — казалось, ветер вздохнул. — Остерегайся...» — и голос пропал. Но ветер остался. Он дул все сильнее, без слов гнал облака напротив луны. Ветер приятно пах снегом. Во время снегопада будет не так холодно.

Когда Вася вернулась в дом, снежинки на ее капюшоне и ресницах заткнули шум семьи. Алеша радостно смотрел на нее, Ирина, смеясь, выбежала наружу, чтобы поймать снежинки.

Той ночью холод отступил. Снег шел неделю. Когда снег прекратился, они три дня выкапывали дороги. Волки воспользовались потеплением, чтобы охотиться на зайцев, и ушли глубже в лес. Никто их больше не видел. Алеша был недоволен.

* * *

Дуня плохо спала зимними ночами, но не только из — за холода или боли в костях, как и не из — за тревоги из — за кашля Ирины и бледности Васи.

— Пора, — сказал демон холода.

В этот раз во сне Дуни не было саней, солнца или зимнего воздуха. Она стояла в мрачном лесу. Казалось, большая тень скрывается в темноте. Ждет. Бледное лицо демона было видно, глаза были лишены цвета.

— Пора, — сказал он. — Она женщина, сильнее, чем думает. Я могу отгонять зло от вас, но мне нужна эта девочка.

— Она ребенок, — возразила Дуня. Она считала его искусителем, лжецом. — Ребенок... она еще выпрашивает сладости, зная, что их нет, и она за зиму побледнела — кожа да кости. Как я могу ее отдать сейчас?

Лицо демона было холодным.

— Мой брат просыпается. С каждым днем его оковы все слабее. Этот ребенок, хоть и не знает, сделала все, что могла, чтобы защитить вас, крохами и смелостью, своим зрением. Но брата это смешит. Ей нужен камень.

Тьма подступала, шипя. Демон холода говорил резко, Дуня не знала эти слова. Ветер обрушился на поляну, и тени отступили. Вышла луна, и снег засиял.

— Прощу, король зимы, — робко сказала Дуня, сжав руки. — Еще год. Еще немного света. Она станет сильнее от дождей и солнца. Я не...могу отдать свою девочку Зиме сейчас.

Смех вдруг раздался из кустов, старый и медленный. Вдруг Дуне показалось, что свет луны проникает сквозь демона холода, будто он лишь игра света и тени.

А потом он стал мужчиной с весом и формой. Его голова была отвернута, он разглядывал кусты. Когда он повернулся к Дуне, он был мрачен.

— Ты лучше знаешь ее, — сказал он. — Я не могу взять ее не готовой, она умрет. Еще год. Но я этому не рад.

14

Мышь и дева

Анна Ивановна страдала с остальными той зимой. Ее ладони опухли и огрубели, зубы болели. Ей снился сыр, яйца и салат, а приходилось есть квашеную капусту, черный хлеб и копченую рыбу. Ирина не была сильной, она стала тенью себя, и Анна, боясь за ребенка, сплотилась с Дуней, вливая малышке в рот бульоны и мед, согревая ее.

Но она хотя бы не видела демонов. Маленькое бородатое существо не ходило по дому, попрошайка из прутьев не ползал по двору. Анна видела только мужчин и женщин, страдала только из — за толпы в доме плохой зимой. И отец Константин был там: мужчина похожий на ангела, она и не представляла таких людей, с его сияющим голосом, нежным ртом и священными иконами, что возникали из — под его сильных рук. Она видела его каждый день той зимой, когда они сидели в доме. Ей можно было даже не есть в его присутствии, ей этого хватало. Ее разум был спокоен, она даже улыбалась пасынкам и Василисе.

Но когда выпал снег, и холод пропал, мир Анны разбился.

Серым днем, когда со свинцового неба падали снежинки, Анна прибежала в комнату Константина.

— Демоны еще здесь, батюшка, — завопила она. — Они вернулись, до этого они лишь прятались. Они хитры, они — лжецы. Чем я нагрешила? Отец, что я должна делать? — она рыдала и дрожала. Утром домовой выбрался упрямо из печи и взялся за корзинку Дуни с вещами для починки.

Константин не сразу ответил. Его пальцы были бело — голубыми, сжимали кисть — он ушел в свою комнату, чтобы рисовать. Анна принесла ему суп. Он плескался в ее дрожащих руках. Константин с отвращением учуял капусту. Ему надоела капуста. Анна опустила миску рядом с ним, но не уходила.

— Терпение, Анна Ивановна, — ответил священник, когда стало ясно, что она ждет его слов. Он не оборачивался, не замедлил быстрые точечные мазки. Он рисовал неделями. — Это долгий процесс, многие еще уклоняются. Ждите, и я приведу их к Господу.

— Да, батюшка, — сказала Анна. — Но сегодня я видела...

Он зашипел между зубов.

— Анна Ивановна, вы никогда не избавитесь от дьяволов, если ходить и выглядывать их. Как ведут себя христианки? Вам лучше бояться Бога и коротать время в молитвах. Больше молитв, —

он посмотрел на дверь.

Но Анна не уходила.

— Вы уже сотворили чудеса. Я... не посчитайте меня неблагодарной, батюшка, — она шагнула к нему, дрожа. Ее рука опустилась на его плечо.

Константин нетерпеливо посмотрел на нее. Она отпрянула, словно обожглась, лицо тускло покраснело.

— Благодарите Бога, Анна Ивановна, — сказал Константин. — Оставьте меня работать.

Она замерла без слов и убежала.

Константин посмотрел на суп и сглотнул. Он вытер рот и попытался вернуть спокойствие, что требовалось для рисования. Но слова ее жалили. Демоны. Дьяволы. Чем я нагрешила? Константин задумался. Он наполнил людей страхом перед Богом, они были на пути к спасению. Они нуждались в нем — любили и боялись его в равной степени. Он был посланником Божьим. Они поклонялись иконам. Он мог лишь действовать словами и яростными взглядами, вызывать послушание и дух унижения, и он это сделал. Он ощущал эффект.

И все же.

Константин невольно подумал о второй дочери Петра. Он следил за ней зимой, за ее детской грацией, смехом, беспечностью и тайной печалью, что порой бывала на ее лице. Он помнил, как она приходила в сумерках, в холоде ночи. Он сам взял медовуху из ее рук, не подумав из — за благодарности, что этим пробуждает доверие.

Она не боялась. Она не боялась Бога, она ничего не боялась. Он видел это в ее тишине, ее странных глазах, в долгих часах, что она проводила в лесу. Ни у одной набожной девушки не было таких глаз, они не ходили с такой грацией в темноте.

Ради ее души и ради всех душ в этом глухом месте он вызовет в ней скромность. Она увидит, какая она, и испугается. Он спасет ее и спасет этим всех. Если не выйдет... Константин не следил за пальцами, рисовал, задумавшись над проблемой. А потом он очнулся и увидел, что изобразил.

На него смотрели дикие зеленые глаза, а он собирался сделать их нежными голубыми. Длинная вуаль могла легко быть на красно — черных волосах. Она словно смеялась над ним, застигнутая среди леса, вечно свободная. Константин закричал и отбросил доску. Она рухнула на пол, брызгая краской.

* * *

Весна была мокрой и холодной. Ирина, любившая цветы, плакала, ведь подснежники не расцвели. Поля тонули в потоках странного дождя, неделями ничто не высыхало ни внутри, ни снаружи. Вася в отчаянии пыталась совать носки в печь, где огонь скрывался в углу. Она доставала их теплыми, но не сухими. Половина деревни кашляла, и она хмурилась, глядя на брата, пока он одевался.

— Хуже уже некуда, — сказал Алеша, глядя на свои чуть обгоревшие носки. Его глаза были красными, а голос хриплым. Он скривился, натянув на ноги теплую влажную шерсть.

— Да, — Вася надевала свои носки. — Я могла бы побольше приготовить, — она снова посмотрела на него. — На ужин будет горячее. Не умри до конца дождей, братишка.

— Не обещаю, сестренка, — мрачно сказал Алеша, кашляя. Он поправил шапку и вышел наружу.

Из — за дождя и влажности отец Константин делал краски и кисти на зимней кухне. Там было темнее и суше, чем в его комнате, хоть и шумно, под ногами путались собаки, дети и слабые козлята. Вася жалела из — за перемены. Он не говорил ей, хотя хвалил Ирину и часто давал указания Анне Ивановне. Но Вася ощущала на себе его взгляд. Пока она с Дуней готовила бедный хлеб и пряла, Вася все время ощущала взгляд священника.

«Лучше скажите о моей вине мне в лицо, батюшка».

Она пряталась в конюшне, сколько могла. В людном доме ей приходилось все время работать, пока Анна визжала или молилась. А еще там было молчание священника и его мрачный вид.

Вася никогда не говорила, куда ходила в январскую ночь. Ей порой казалось, что это ей приснилось: голос ветра, белая лошадь. Она старалась не говорить с домовым при священнике. Но Константин все равно смотрел на нее. Это настораживало, ведь, стоит ей накликать беду, он набросится. Но дни сливались, а священник молчал.

Наступил апрель, и Вася ходила на пастбище к Мыши, старой лошади Саши, что теперь была племенной кобылицей и родила семерых жеребят. Хотя и не молодая, кобылица была еще сильной и здоровой, ее мудрые глаза ничего не упускали. Самые ценные лошади — среди них и Мышь — провели зиму в конюшне и вышли на пастбище с остальными, как только первая трава показалась из — под снега. Из — за этого возникали споры, и у Мыши была рана в форме копыта на боку. Вася зашивала ее рану лучше, чем делала это с тканью. Алый порез уверенно уменьшался. Лошадь стояла, лишь подрагивая порой.

— Лето, лето, лето, — пела Вася. Солнце снова сияло тепло, и дождь перестал идти, дав ячменю шанс взойти. Вася измерила свой рост по лошади и поняла, что за зиму подросла. Не все могли быть маленькими, как Ирина.

Крохотная Ирина уже была красавицей. Вася старалась не думать об этом.

Мышь отвлекла ее от мыслей.

«Мы бы хотели одарить тебя», — сказала она, склонив голову к свежей траве.

Руки Васи замерли.

— Одарить?

«Ты носила нам хлеб зимой. Мы в твоём долгу».

— Вам? Но вазила...

«Это все мы вместе, — ответила кобылица. — Немного больше, но это мы».

— О, — Вася растерялась. — Ну, спасибо.

«Не благодари за траву, пока не съела ее, — фыркнула кобылица. — Наш подарок таков: мы научим тебя кататься верхом».

В этот раз Вася застыла, кровь прилила к сердцу. Она умела кататься на толстом сером пони, которого делила с Ириной, но...

— По — настоящему?

«Да, — сказала кобылица, — хотя это может не обернуться добром. Такой подарок может отдалить тебя от людей»

— Мой народ, — тихо сказала Вася. Они плакали перед иконами, пока домовый голодал. Она не знала их. Они изменились, а она нет. Она вслух сказала. — Я не боюсь.

«Хорошо, — сказала кобылица. — Начнем, когда высохнет земля».

* * *

Вася почти забыла об обещании кобылицы за следующие недели. Весна означала недели труда, и каждый день Вася ела лепешки из прошлогоднего ячменя с мягким белым сыром и свежей зеленью, а потом спала на печи как ребенок.

Но вдруг наступил май, землю покрыла новая трава. Одуванчики сияли как звезды среди зелени. Лошади отбрасывали длинные тени, полумесяц виднелся на небе в день, когда Вася, потная, в царапинах и уставшая, остановилась на пастбище на обратном пути с поля ячменя.

«Подойди, — сказала Мышь. — Забирайся мне на спину».

Васе едва хватало сил ответить, она глупо посмотрела на лошадь и сказала:

— У меня нет седла.

Мышь фыркнула.

«И не нужно. Ты научишься кататься без него. Я понесу тебя, но я не твоя слуга».

Вася посмотрела в глаза кобылицы. В карих глубинах сияло тепло.

— Нога тебя не беспокоит? — спросила она робко, кивнув на отчасти заживший порез на боку кобылы.

«Нет, — ответила Мышь. — Забирайся».

Вася подумала о горячем ужине, о своем месте у печи. А потом стиснула зубы, разбежалась и запрыгнула животом на спину кобылицы. Немного усилий, и Вася неудобно села за жесткой холкой.

Уши кобылицы прижались от почесываний.

«Тебе нужны тренировки».

Вася не помнила, куда они пошли в тот день. Они ехали глубже в лес. Но ехать было больно, это Вася запомнила. Они бежали, пока спина и ноги Васи не задрожали.

«Сиди смирно, — говорила кобылица. — Словно тут три тебя, а не одна».

Вася пыталась, но соскальзывала. Наконец, Мышь резко остановилась. Вася съехала со спины кобылицы, приземлилась, моргая, на траву.

«Вставай, — сказала лошадь. — Будь осторожнее».

Когда они вернулись на пастбище, Вася была грязной, в ушибах, у нее не было сил идти. Она пропустила ужин, ее отругали. Но она сделала это следующим вечером. И потом тоже. Не всегда с Мышью, лошади учили ее по очереди. Она не могла ходить каждый день. Весной она все время работала — как и все они — в поле.

Но Вася приходила довольно часто, и со временем ее спина, бедра и живот стали болеть меньше. И настал день, когда они перестали болеть. Она училась держать равновесие, запрыгивать на спину лошади, управлять бегом, остановками и поворотами лошади, и вскоре она не могла понять, где заканчивалась лошадь и начиналась она.

Небо казалось больше середине лета, облака плыли по небу как лебеди. Ячмень зеленел на полях, хотя был чахлым, и Петр качал головой. Вася с корзинкой в руке уходила в лес каждый день. Дуня порой просила принести кору ивы или крушину для красок, прочие вещицы. Вася возвращалась сияющей от счастья, и Дуня только хмыкала и молчала.

Но становилось все жарче, пока жар не стал густым, как мед. И хотя люди молились, сухой лес загорался, ячмень рос медленно.

В жаркий день августа Вася шла к озеру, стараясь не хромать. Буран катал Васю. Серый жеребец теперь побелел, но оставался самым крупным из лошадей. Он был с жутким характером, и синяки Васи это доказывали.

Озеро сверкало на солнце. Вася приближалась и слышала шелест деревьев вокруг воды. Она подняла голову, но не увидела зеленую кожу. После пары минут тщетных поисков Вася сдалась, разделась и скользнула в озеро. Вода была из тающего снега, холодная даже летом. От этого Вася не сразу смогла вдохнуть, охнула. Она нырнула, ледяная вода оживила ее уставшие конечности. Она плавала у дна, озиралась. Русалки не было. Вася с тревогой вернулась на берег, постирала одежду, выбив ее о камни. Она повесила их сохнуть на суку, забралась на дерево и растянулась, как кошка, сохнуть на солнце.

Может, через час Вася пришла в себя, посмотрела на отчасти высохшую одежду. Солнце прошло зенит и клонилось к закату, значит, уже был вечер. Анна будет возмущаться, и даже Дуня посмотрит на нее, сжав губы, когда Вася вернется. Ирина точно была у душевной печи или колола пальцы иголкой. Вася виновато спустилась на нижнюю ветку... и застыла.

Отец Константин сидел на траве. Он мог быть красивым фермером, а не священником. Он сменил ризу на льняную рубаху и свободные штаны, усеянные кусочками стеблей ячменя, его

неприкрытые волосы сияли на солнце. Он смотрел на озеро. Что он здесь делал? Васю скрывала листва, она зацепилась коленями за ветку, опустилась и быстро, как белка, схватила одежду. Неловко устроившись на ветке выше, пытаясь не упасть и не сломать руку, она надела рубашку и узкие штаны, украденные у Алеши, пальцами пригладила волосы. Она перебросила косу за спину, схватилась за ветку и спрыгнула на землю. Может, если слезть тихо...

А потом Вася увидела русалку. Она стояла в воде. Ее волосы плавали вокруг нее, отчасти скрывали ее голую грудь. Она слабо улыбнулась отцу Константину. Священник в трансе встал и шагнул к ней. Не думая, Вася бросилась к нему и схватила за руку. Но он оттолкнул ее, не заметив. Он был сильнее, чем выглядел.

Вася повернулась к русалке.

— Оставь его в покое!

— Он убьет нас всех, — ответила русалка мягким голосом, не сводя взгляда с добычи. — Это уже началось. Если он продолжит, пропадут стражи глубокого леса, грядет буря, и земля будет не защищена. Ты не видела? Страх, потом огонь, потом голод. Он вызвал страх в твоих людях. А потом был огонь, а теперь обжигает солнце. В холода вы будете голодать. Король зимы слаб, его брат близко. Он придет, если падет стража. Лучше хоть что — то, но не это, — ее голос дрожал от эмоций. — Лучше я заберу его сейчас.

Отец Константин сделал еще шаг. Вода окружила его сапоги. Он был на краю озера.

Вася покачала головой, прочищая ее.

— Нельзя.

— Почему? Его жизнь стоит жизней остальных? Если он будет жить, многие умрет.

Вася долго мешкала. Она невольно вспомнила, как священник молился у окоченевшего тела Тимофея, произнося слова, хоть голос уже ослабел. Она помнила, как он держал мать мальчика, когда она чуть не упала с рыданиями в снег. Девушка сжала зубы и покачала головой.

Русалка откинула голову и завизжала. А потом пропала, остались только солнце на воде, водоросли и тени деревьев. Вася потянула священника от края. Он посмотрел на нее, и его взгляд стал осознанным.

* * *

Ноги Константина замерзли, он ощущал себя странно. Холод был от того, что он стоял в воде на краю озера, но откуда укол одиночества? Он никогда не ощущал одиночество. Он увидел лицо. Он не успел назвать его, человек схватил его за руку и оттащил на сушу. Свет мелькнул на красном в черной косе, и он вдруг узнал человека.

— Василиса Петровна.

Она отпустила его руку и посмотрела на него.

— Батюшка.

Он ощущал мокрые ноги, помнил женщину в озере, ощущал зачатки страха.

— Что вы делаете? — осведомился он.

— Спасая вас, — ответила она. — Озеро опасно для вас.

— Демоны...

Вася пожала плечами.

— Или стражница озера. Зовите ее, как хотите.

Он повернулся к воде, пока искал рукой крест.

Вася оторвала крестик от шнура на его шее.

— Оставьте озеро и ее, — яростно сказала девушка, убирая крест в сторону. — Вы достаточно навредили. Вы не можете их не трогать?

— Я хочу спасти вас, Василиса Петровна, — сказал он. — Я спасу всех вас. Это темные силы, которые вы не понимаете.

К его и ее удивлению, она рассмеялась. Веселье сгладило углы ее лица. Он потрясенно и восхищенно смотрел на нее.

— Похоже, батюшка, это вы не понимаете, что вас нужно спасать. Работайте в поле и не трогайте озеро, — она отвернулась, не проверяя, следует ли он за ней. Она шла по мху и хвое бесшумно. Константин пошел за ней. Она сжимала двумя пальцами его деревянный крест.

— Василиса Петровна, — попробовал он снова, ненавидя свою неуклюжесть. Он всегда знал, что сказать. Но девушка посмотрела на него, и его уверенность показалась глупой. — Вы должны оставить варварские взгляды. Вы должны в страхе обратиться к Богу. Вы — дочь хорошего христианина. Ваша мать будет буйствовать, если мы не изгоним демонов из ее камина. Василиса Петровна, одумайтесь. Покайтесь.

— Я хожу в церковь, отец, — ответила она. — Анна Ивановна — не моя мать, ее безумие — не мое дело. Как и моя душа — не ваше дело. Мы неплохо справлялись до вашего появления, мы меньше молились и меньше плакали.

Она шла ловко. Он видел ограду деревни за деревьями.

— Оставьте меня, батюшка, — сказала она. — Молитесь за мертвых, успокаивайте больных и мою мачеху. Но не трогайте меня, или один из них придет за вами, и я не стану им мешать, — она не дожидаясь ответа, сунула ему в руку крестик и пошла к деревне.

Он был теплым от ее ладони, и Константин с неохотой сжал крестик.

15

Они пришли лишь за лесной девой

Ослепительное солнце полудня стало медово — золотым, потом янтарным и ржавым. Слабый полумесяц был едва заметен над линией бледно — желтого неба. Жар дня пропал вместе со светом, и люди в поле дрожали от остывающего пота. Константин прижал косу к плечу. Кровавые волдыри появились на загрубевших ладонях. Он придерживал косу кончиками пальцев, избегал Петра Владимировича. Тоска сдавливала горло, гнев лишил его голоса. Это был демон. Воображение. Он не прогнал ее, его тянуло к ней.

Он хотел вернуться в Москву или Киев, а то и уехать подальше. Чтобы есть горячий хлеб, а не голодать полгода, чтобы в поле работали фермеры, а он говорил перед тысячами и не лежал в раздумьях.

Нет. Бог дал ему это задание. Он не мог бросить его на половине пути.

«О, если бы я мог закончить».

Он стиснул зубы. Он сможет. Он должен. Он будет жить там, где девушки не перечат ему, а демоны не ходят в христианском свете дня.

Константин прошел скошенный ячмень и обошел пастбище. Край леса бросал голодные тени. Он отвернулся, кони Петра щипали траву в сумерках. Вспышка мелькнула среди серой и каштановой шерсти. Константин прищурился. Боевой конь Петра стоял, замерев и подняв голову. У его плеча стояла фигурка, силуэт в свете заката. Константин узнал ее сразу. Жеребец повернул голову и теребил ее косу, и она смеялась как ребенок.

Константин никогда не видел Васю такой. В доме она была мрачно и настороженной, порой беспечной и очаровательно, глаза да кости, бесшумные ноги. Но одна под небом она была красивой, как жеребенок или юный сокол.

Константин вернул на лицо холод. Ее народ дал ему пчелиный воск и мед, просил о молитвах. Они целовали его руку, их лица сияли при виде него. Но эта девочка избегала его взгляда и шагов, а вот лошадь — глупый зверь — вызывала ее свет. Свет должен быть для него —

для Бога — а он его посланник. Она была такой, как ее назвала Анна Ивановна: с тяжелым сердцем, непослушная, не женственная. Она общалась с демонами и даже спасла ему жизнь.

Но его пальцы хотели дерево, воск и кисти, чтобы изобразить любовь и одиночество, гордость и еще не расцветшую женственность в теле девушки.

«Она спасла тебе жизнь, Константин Никонович».

Он хищно подавил мысли. Рисовал он лишь величие Бога, а не хрупких девушек. Она призывала дьявола, а его спас палец Божий. Но, когда он отвернулся, он еще видел сцену перед глазами.

* * *

Вечер был лиловым, когда Вася пришла на кухню, все еще румяная после солнца. Она взяла миску и ложку, наполнила тарелку едой и пошла к окну. В сумерках ее глаза были ярче. Она принялась за еду, порой поглядывая на летние сумерки. Константин осторожно подошел к ней. От ее волос пахло землей, солнцем и водой озера. Она не сводила взгляда с окна. Деревня сияла огнями, полумесяц сиял на облачном небе. Тишина затянулась, хоть на кухне и былолюдно. Священник заговорил:

— Я человек Бога, — тихо сказал Константин, — но я не хотел бы умереть.

Вася испуганно взглянула на него. Тень улыбки появилась в уголке ее рта.

— Я не верю, батюшка, — сказала она. — Разве я не помешала вам подняться на небеса?

— Я благодарен за свою жизнь, — скованно продолжил Константин. — Но над Богом не смеются, — его теплая ладонь оказалась на ее руке. Улыбка пропала на ее лице. — Помните, — сказал он и сунул предмет в ее пальцы. Его ладонь, загрубевшая от косы, скользнула по ее костяшкам. Он молчал. Вася вдруг поняла, почему все женщины просили его о молитвах, поняла, что его теплая рука и сильное лицо были оружием, что использовалось там, где не работала речь. Он так ее уговаривал, грубой ладонью и красивыми глазами.

«Я так глупа, как Анна Ивановна?» — Вася вскинула голову и отодвинулась. Он отпустил ее. Она не видела дрожь его руки. Его тень трепетала на стене, когда он уходил.

Анна шила на стуле у камина. Ткань соскользнула с ее колен, когда она встала, и упала незамечено на пол.

— Что он тебе дал? — зашипела она. — Что? — на ее лице выделились все морщины.

Вася не знала, показала предмет своей мачехе. Это был его деревянный крест из шелковистого дерева сосны. Вася удивленно смотрела на него. Что это, священник? Предупреждение? Извинение? Вызов?

— Крестик, — сказала она.

Но Анна схватила его.

— Он мой, — сказала она. — Это он дал для меня. Прочь!

Вася хотела кое — что сказать, но она выбрала безопасное:

— Уверена, так и было, — но она не ушла, а пошла с миской к камину, чтобы выпросить еще рагу у Дуни и взять хлеб у сестры. Через пару минут Вася вытирала корочкой миску, смеясь от удивления на лице Ирины.

Анна молчала, но не продолжила шить. Вася, хоть и смеялась, ощущала прожигающий взгляд мачехи.

* * *

Анна не спала в ту ночь, расхаживала от кровати к церкви. Когда ясный рассвет сменил светлую летнюю ночь, она прошла к мужу и разбудила его.

Никогда за девять лет Анна не приходила к Петру по своей воле. Петр схватил жену, чуть не задушив, а потом понял, кто это. Волосы Анны свисали вокруг ее лица, ее платок сбился, открыв серо — каштановые пряди. Ее глаза были камнями.

— Любимый, — сказала она, потирая горло.

— Что такое? — осведомился Петр. Он выбрался из теплой постели и поспешил одеться. — Ирина?

Анна пригладила волосы и поправила платок.

— Нет... нет.

Петр надел рубаху через голову и повязал пояс.

— Что тогда? — сказал он не радостным тоном. Она сильно испугала его.

Анна дрожала, опустила взгляд.

— Ты заметил, что твоя дочь Василиса подросла с прошлого лета?

Петр замер. Утро бросало бледно — золотые полосы на пол. Анна никогда не интересовала Васей.

— Да? — сказал он ошеломленно.

— И что она стала вполне миловидной?

Петр моргнул и нахмурился.

— Она ребенок.

— Женщина, — рявкнула Анна. Петр отпрянул. Она никогда еще не перечила ему. — Сорванец, глаза да кости. Но у нее будет хорошее приданое. Лучше выдать ее сейчас, муж. Если она потеряет вид, ее могут не забрать вообще.

— Она не станет хуже за год, — сказал кратко Петр. — И еще за год. Зачем было меня будить, жена? — он покинул комнату. Ореховый запах пекущегося хлеба наполнял дом, Петр был голоден.

— Твоя дочь Ольга вышла замуж в четырнадцать, — Анна следовала за ним. Ольга процветала в браке, она стала хозяйкой, полной матерью семейства с двумя детьми. Ее муж пользовался уважением у Великого князя.

Петр схватил свежую буханку и разломил.

— Я подумаю, — сказал он, чтобы она замолкла. Он вытащил мякиш и сунул в рот. Его зубы порой болели, и мягкость была приятной.

«Стареешь», — подумал Петр, закрыл глаза и заглушал голос жены чавканьем.

* * *

Люди отправились днем на поле. Все утро они срезали колосья взмахами кос, а потом разложили их сохнуть. Их движения сопровождало монотонное шипение. Солнце будто ожило и шлепало их горячими руками по шеем. Их жалкие тени скрылись у ног, лица сияли от пота и солнечных ожогов. Петр и его сыновья работали бок о бок с крестьянами, все старались во время урожая. Петр следил за зернами. Ячменя уродилось не так много, как должно было, колосья были низкими и бедными.

Алеша выпрямил затекшую спину, прикрыл глаза грязной рукой. Его лицо просияло. Всадник двигался от деревни на коричневой лошади галопом.

— Наконец, — сказал он, сунул два пальца в рот. Свист нарушил полуденную тишину. Люди побросали косы, вытерли лица и пошли к реке. Темно — зеленые берега и журчание воды радовали в жару.

Петр оперся о грабли и убрал мокрые волосы со лба. Он не покинул поле. Всадник приблизился, конь мчался аккуратным галопом. Петр прищурился. Он разглядел черную косу своей дочери, развевающейся за ней. Но она была не на своем тихом пони. Белые ноги Мыши вспыхивали в пыли. Вася увидела отца и помахала. Петр хмуро ждал, чтобы отругать дочь. Она так себе шею ломает.

Но как хорошо она сидела на лошади. Кобылица перемахнула через канаву и бросилась галопом, ее всадник не двигался, только коса развевалась. Они остановились на краю леса.

Корзинка была перед Васей. В свете солнца Петр не видел ее лица, но он понял, какой высокой она стала.

— Ты голоден, отец? — крикнула она. Ее кобылица замерла. Она была без седла, без уздечки, была лишь веревка. Вася ехала с ладонями на корзинке.

— Иду, Вася, — сказал он, почему — то мрачней. Он закинул грабли на плечо.

Солнце сияло на золотой голове. Константин Никонович остался на поле и смотрел на худую всадницу, пока деревья не скрыли ее.

«Дочь катается как мальчишка. Что о ней подумает наш добродетельный священник?».

Люди умывались холодной водой, пили пригоршнями. Когда Петр подошел к ручью, Вася слезла с лошади и была среди них, ходила с большой флягой кваса. Дуня испекла большой пирог с зерном, сыром и летними овощами. Люди собрались и отламывали куски. Жир смешивался с потом на их лицах.

Петр заметил, как стран Вася смотрелась среди больших мужчин с ее длинными костями и худобой, с большими широко посаженными глазами.

«Я хочу дочь, похожую на мою мать», — сказала Марина. Так и было, это была соколиха среди коров.

Люди не говорили с ней, они быстро ели пирог, опустив головы, и шли на жаркое поле. Алеша дернул сестру за косу и улыбнулся ей, проходя. Но Петр видел, как люди бросали на нее взгляды по пути.

— Ведьма, — прошептал один из них, хотя Петр не услышал. — Она зачаровала лошадь. Священник говорит...

Пирог закончился, и люди ушли, но Вася задержалась. Она отставила квас и опустила руки в ручей. Она шла как ребенок. Конечно. Она все еще была ребенком, его лягушонком. И в ней была дикая грация. Вася подошла к нему, забрав по пути корзинку. Петр потрясенно смотрел на ее лицо, потому и резко нахмурился. Ее улыбка увяла.

— Вот, отец, — она передала ему флягу с квасом.

«О, спаситель», — подумал он. Может, Анна Ивановна была права. Если она и не женщина, то скоро будет. Петр видел, как долго отец Константин смотрел на его дочь.

— Вася, — Петр сказал грубее, чем хотел. — Зачем было брать кобылицу и ехать на ней без седла и уздечки? Ты сломаешь руку или глупую шею.

Вася покраснела.

— Дуня дала корзинку и сказала спешить. Мышь была ближе всех, и путь близкий, так что я не думала о седле.

— И об узде, дочка? — сказал Петр сурово.

Вася покраснела сильнее.

— Я не пострадала, отец.

Петр тихо смотрел на нее. Если бы она была мальчишкой, он хлопал бы за такой навык езды верхом. Но она была девушкой, сорванцом на грани взросления. Петр снова вспомнил взгляд юного священника.

— Мы поговорим об этом позже, — сказал Петр. — Иди к Дуне. И не несись быстро.

— Да, отец, — робко сказала Вася. Но она гордо взобралась на спину лошади и гордо управляла ею, направляя кобылицу в сторону дома, куда она помчалась, выгнув шею.

* * *

День перешел в сумерки и ночь, но летом ночи напоминали утро.

— Дуня, — сказал Петр. — Давно Вася стала женщиной? — они сидели одни на летней кухне. Все вокруг спали. Но Петру было сложно спать в летнюю ночь, и вопрос о дочери не давал покоя. Кости Дуни болели, она не спешила ложиться на твердый матрас. Она медленно

крутила прялку, а Петр вдруг заметил, как она исхудала.

Дуня строго посмотрела на Петра.

— Полгода. Началось почти на Пасху.

— Она красивая, — сказал Петр, — хоть и дикая. Ей нужен муж, это ее остепенит, — но он представил дикую девушку на свадьбе и в постели, потеющую у печи. Он ощутил странное сожаление и отогнал его.

Дуня отложила прялку и медленно сказала:

— Она еще не думала о любви, Петр Владимирович.

— И? Подумает, когда скажут.

Дуня рассмеялась.

— Да? Вы забыли мать Васи?

Петр молчал.

— Я бы советовала вам ждать, — сказала Дуня. — Вот только...

Все лето Дуня смотрела, как Вася пропадала на рассвете и приходила в сумерках. Она смотрела, как в дочери Марины растет дикость и отдаленность, словно девочка жила в мире семьи с посевами, скотом и шитьем лишь наполовину. Дуня наблюдала и переживала, боролась с собой. А теперь приняла решение. Она сунула руку в карман. Она вытащила оттуда голубой камень, нелепо смотрящийся на морщинистой коже.

— Помните, Петр Владимирович?

— Это был подарок для Васи, — резко сказал Петр. — Это измена? Я приказывал отдать ей, — он смотрел на кулон, словно то была змея.

— Я хранила это для нее, — ответила Дуня. — Я попросила, и король зимы позволил. Это бремя было бы слишком тяжелым для ребенка.

— Король зимы? — зло сказал Петр. — Вы верите в эти сказки как ребенок? Нет короля зимы.

— В сказки? — гневно ответила Дуня. — Чтобы я сочинила такую ложь? Я тоже христианка, Петр Владимирович, но я верю в то, что вижу. Откуда этот камень, подходящий для хана? Откуда вы привезли его для дочери?

Петр молчал, стиснув зубы.

— Кто дал его вам? — продолжила Дуня. — Вы привезли его из Москвы, но я больше не спрашивала.

— Этот кулон, — сказал Петр, но гнев пропал из его голоса. Петр пытался забыть мужчину с бледными глазами, кровь на горле Коли, его люди, не видящие ничего. Это был король зимы? Он помнил, как быстро согласился передать безделушку от незнакомца своей дочери. Древняя магия, сказала бы Марина. Дочь из родословной моей матери. А потом тише: «Защищай ее, Петя. Я ее выбрала, она важна. Обещай мне».

— Не просто кулон, — резко сказала Дуня. — Это талисман, Господи прости. Я видела короля зимы. Это его кулон, и он придет за ней.

— Видели? — Петр вскочил на ноги.

Дуня кивнула.

— Где видели? Где?

— Во сне, — сказала Дуня. — Только во сне. Но он посылает сны, и они правдивы. Я должна дать ей кулон. Он придет за ней в середине зимы. Она уже не дитя. Но он хитер, как и весь их вид, — слова вылетали спешно. — Я люблю Васю как свою дочь. Она слишком смела. Я боюсь за нее.

Петр подошел к большому окну и повернулся к Дуне.

— Это все правда, Авдотья Михайловна? Не вздумайте врать.

— Я его видела, — сказала Дуня. — И вы, думаю, тоже его видели. У него черные волосы, вьющиеся. Бледные глаза, светлее неба зимой. У него нет бороды, и он весь в синем.

— Я не отдам дочь демону. Она христианка, — страх в голосе Петра был новым, рожденным от слов Константина.

— Тогда ей нужен муж, — просто сказала Дуня. — Чем скорее, тем лучше. Демоны холода не интересуются замужними смертными девушками. В сказках принц птиц и злой волшебник приходят только за дикими девицами.

* * *

— Вася? — сказал Алеша. — Замуж? Этот крольчонок? — он рассмеялся. Сухие колоски ячменя шуршали, он молот рядом с отцом. В его каштановых кудрях была солома. Он пел, чтобы не стояла тишина. — Она еще девочка, отец. Я стукнул крестьянина, что засмотрелся на нее, а она и не заметила. Даже когда он ходил за ней в синяках на лице, — он бил и тех, кто звал ее ведьмой, но это отцу не сказал.

— Она просто еще не встретила мужчину, что ее заинтересует, — сказал Петр. — Но это изменится, — Петр все продумал. — Кирилл Антонович — сын моего друга. У него хорошее наследство, его отец мертв. Вася юна и здорова, у нее хорошее приданое. Она уедет до снега, — Петр склонился над ячменем.

Алеша не присоединился к нему.

— Она не обрадуется, отец.

— Но она послушается, — сказал Петр.

Алеша фыркнул.

— Вася? — сказал он. — Я бы на это посмотрел.

* * *

— Тебя выдадут замуж, — сказала с завистью Ирина Васе. — И у тебя будет хорошее приданое, и ты будешь жить в большом доме с кучей детей, — она стояла у грубой ограды, но не прислонялась, чтобы не испачкать сарафан. Ее длинная каштановая коса была под ярким платком, ладошка изящно лежала на дереве. Вася чистила копыто Бурана, угрожая жеребцу, чтобы он не двигался. Он, казалось, думал, за что ее укусить. Ирина была даже напугана.

Вася опустила его копыто и посмотрела на сестру.

— Я не выйду замуж, — сказала она.

Ирина скривила губы в завистливом неодобрении, когда Вася перепрыгнула через ограду.

— Выйдешь, — сказала она. — Коля поехал за ним. Я слышала, как отец говорил это матушке.

Вася нахмурилась.

— Ну... может, однажды я и выйду замуж, — сказала она и улыбнулась сестре. — Но как я привлеку мужчину, когда рядом ты, пташка?

Ирина скромно улыбнулась. О ее красоте уже говорили в деревнях в землях отца. Но...

— Ты не уйдешь в лес, Вася? Уже почти ужин. Ты вся в грязи.

Русалка сидела над ними, зеленая тень на ветке дуба. Она манила, вода стекала с ее струящихся волос.

— Я побуду там, — сказала Вася.

— Но отец говорит...

Вася прыгнула на ветку, схватилась за ствол, а потом за сук выше сильными руками. Она зацепилась коленом и повисла вниз головой.

— Я не опоздаю на ужин, не переживай, Иринка, — и она пропала среди листвы.

* * *

Русалка была худой и дрожала.

— Что такое? — русалка задрожала еще сильнее. — Тебе холодно? — это вряд ли было возможно, земля нагрелась за день, и ветер был теплым.

— Нет, — сказала русалка, волосы скрывали ее лицо. — Девочки мерзнут, но не черти. Что говорило это дитя, Василиса Петровна? Ты оставишь лес?

Вася поняла, что русалка боялась, что было сложно определить, ведь ее голос был не таким, как у женщин.

Вася и не думала о таком.

— Однажды придется, — медленно сказала она. — Однажды. Мне придется выйти замуж и уехать в дом мужа. Но я не думала, что это будет так скоро.

Русалка побледнела. Листья было видно сквозь ее худое лицо.

— Ты не можешь, — сказала русалка. Ее зеленые зубы показались из — за губ. Рука дернулась на волосах, и вода потекла по ее носу и подбородку. — Мы не переживем зиму. Ты не дала мне убить голодного, твои подопечные не справляются. Ты всего дитя, крох хлеба и капель медовухи не хватает для духов дома. Не навсегда. Медведь проснулся.

— Какой медведь?

— Тень на стене, — сказала русалка, быстро дыша. — Голос в темноте, — ее лицо двигалось не как человеческое, но зрачки почернели. — Остерегайся мертвых. Слушай меня, Вася, я больше не приду. Я не буду собой. Он позовет, и я отвечу. Я буду верна ему и выступлю против вас. Я не могу иначе. Листья опадают. Не покидай лес.

— Что значит, остерегайся мертвых? Как ты выступишь против нас?

Но русалка протянула ладонь и с силой, что ее влажные пальцы ощущались как плоть, сжала руку Васи.

— Король зимы тебе поможет, — сказала она. — Он обещал. Все мы слышали. Он очень стар, он враг твоего врага. Но ты не должна доверять ему.

Вопросы толкались во рту Васи, лишив ее речи. Она посмотрела в глаза русалки. Блестящие волосы водного духа ниспадали по ее обнаженному телу.

— Я доверяю тебе, — выдавила Вася. — Ты мой друг.

— Береги доброе сердце, Василиса Петровна, — сказала русалка печально, а потом осталось лишь дерево с серебряными листьями. Словно ее тут и не было.

«Может, я все — таки безумна», — подумала Вася. Она схватилась за ветку под собой и прыгнула на землю. Она тихо побежала домой в прекрасных летних сумерках. Лес вокруг нее словно шептался. Тень на стене. Не доверяй ему. Остерегайся мертвых. Остерегайся мертвых.

* * *

— Замуж, отец? — зеленые ясные сумерки дышали прохладой над сухой землей, и огонь в печи был приятным, а не душным. Днем они ели только хлеб с творогом или солеными грибами, не было времени из — за полей. Но ночью было тушеное мясо и пирог, жареная курица и зелень в ценной соли.

— Если тебя захотят взять, — сказал Петр не мягко, отставив миску. Сапфиры и бледные глаза, угрозы и непонятные обещания бились неприятно в его голове. Вася пришла на кухню с мокрым лицом, она явно пыталась отчистить грязь под ногтями. Но вода лишь размазала грязь. Она была одета как крестьянка в тонкое платье из не выкрашенного льна, ее черные волосы не были прикрыты и вились. Ее глаза были огромными, дикими и встревоженными. Было бы проще выдать ее замуж, если бы она выглядела как женщина, а не крестьянский ребенок или дух леса.

Петр смотрел, как она пытается возразить, но затихает. Все девушки выходили замуж или становились монахинями. Она это прекрасно знала.

— Замуж, — она не могла говорить. — Сейчас?

Петр ощутил боль. Он увидел ее беременной, склонившейся у печи, сидящей перед ткацким

станком, без грации...

«Не глупи, Петр Владимирович, женщин много», — Петр помнил тепло Марины в своих объятиях, но помнил и то, как она убегала в лес, легкая, как призрак, с тем же диким взглядом.

— За кого, отец?

«Мой сын был прав», — подумал Петр. Вася злилась. Ее зрачки расширились, ее голова вскинулась, как у жеребенка, что не был рад. Он потер лицо. Девушки радовались браку. Ольга сияла, когда ее муж надел ей кольцо на палец и забрал ее. Может, Вася завидовала сестре. Но эта дочь не найдет мужа в Москве. Так можно было сокола отправить в голубятню.

— Кирилл Артамонович, — сказал Петр. — Мой друг Артамон был богатым, и его единственный сын все унаследовал. У них много лошадей.

Ее глаза заняли половину лица. Петр нахмурился. Это была хорошая пара, она не должна была так пугаться.

— Где? — прошептала она. — Когда?

— Неделя езды на восток на хорошей лошади, — сказал Петр. — Он прибудет после урожая. Вася замерла и отвернулась. Петр добавил мягче:

— Он приедет сюда сам. Я отправил Колю за ним. Он будет тебе хорошим мужем, и у вас будут дети.

— К чему такая спешка? — рявкнула Вася.

Горечь в ее голосе ранила его.

— Хватит, Вася, — холодно сказал он. — Ты женщина, а он — богатый мужчина. Если хотела князя, как Ольга, им нравятся женщины полнее и послушнее.

Он заметил боль, а потом она это скрыла.

— Оля бежала, что пришлет за мной, когда я вырасту, — сказала она. — Она сказала, что мы будем жить во дворце вместе.

— Тебе лучше выйти замуж сейчас, Вася, — сказал Петр. — Ты сможешь поехать к сестре, когда родишь первого сына.

Вася прикусила губу и ушла. Петр тревожно думал, что сделает с его дочерью Кирилл Артамонович.

— Он не стар, Вася, — сказала Дуня, когда Вася сжалась у камина. — Он хороший охотник. И он даст тебе сильных детей.

— Что отец не сказал мне? — парировала Вася. — Это слишком внезапно. Я могла подождать год. Оля обещала прислать за мной.

— Ерунда, Вася, — сказала натянуто Дуня. — Ты женщина, тебе лучше быть с мужем. Уверена, Кирилл Артамонович отпустит тебя навестить сестру.

Зеленые глаза прищурились.

— Ты знаешь причину. Откуда такая спешка?

— Я... не могу сказать, Вася, — сказала Дуня. Она вдруг показалась маленькой.

Вася молчала.

— Это к лучшему, — сказала няня. — Попробуй понять, — она опустилась на скамейку у печи, словно силы оставили ее, и Вася ощутила укол жалости.

— Да, — сказала она. — Прости, Дуняшка, — она опустила ладонь на руку няни. Но молчала. Проглотив кашу, она ускользнула, как призрак, в ночь.

* * *

Луна была чуть толще полумесяца, мерцала голубым. Вася бежала, она не понимала панику. Жизнь сделала ее сильной. Она бежала, прохладный ветер убирал из ее рта вкус страха. Но она не далеко ушла, огонь камина еще озарял ее спину, когда она услышала чей — то голос.

— Василиса Петровна.

Она чуть не убежала в ночь. Но куда идти? Она замерла. Священник стоял в тени церкви. Было темно, она не видела его лица. Но она не спутала бы голос. Она молчала. Она ощущала соль и поняла, что слезы высыхают на ее губах.

Константин только вышел из церкви. Он не видел, как Вася покинула дом, но не мог спутать ее летящую тень. Он крикнул раньше, чем понял, и выругался, когда она замерла. Но вид ее лица потряс ее.

— Что такое? — грубо спросил он. — Почему вы плачете?

Если его голос был бы холодным приказом, Вася не ответила бы. Но она вяло сказала:

— Меня выдадут замуж.

Константин нахмурился. Он сразу увидел то же, что и Петр, дикое создание взаперти, занятое и уставшее, как другие женщины. Как и Петр, он ощутил странную печаль и отогнал ее. Он шагнул ближе, не думая, чтобы прочесть ее лицо, и с потрясением увидел, что она напугана.

— И? — сказал он. — Он жестокий?

— Нет, — сказала Вася. — Я так не думаю.

Он чуть не сказал, что это к лучшему. Но он подумал о годах, о родах и усталости, дикость пропадет, сокол будет в цепях... Он сглотнул. Это у лучшему. Дикость греховна.

И хотя он знал ответ, он спросил:

— Почему вы боитесь, Василиса Петровна?

— Вы не знаете, батюшка? — сказала она. Ее смех был тихим и отчаянным. — Вы боялись, когда вас прислали сюда. Лес сжимался вокруг вас кулаком, я видела это по вашим глазам. Но вы можете уехать, если захотите. Весь мир открыт для Божьего человека, вы уже были в Царьграде, видели солнце на море. А я... — он видел панику в ней, подошел и взял ее за руку.

— Тише, — сказал он. — Это глупо, вы сами себя пугаете.

Она снова рассмеялась.

— Вы правы, — сказала она. — Я глупа. Я все же родилась для клетки: монастыря или дома, так что тут такого?

— Вы женщина, — сказал Константин. Он все еще держал ее за руку. Она отошла, и он отпустил ее. — Со временем вы смиритесь, — сказал он. — Вы будете счастливы, — она едва видела его лицо, но она не понимала тон его голоса. Он словно пытался убедить себя.

— Нет, — хрипло сказала Вася. — Молитесь за меня, если хотите, батюшка, но я должна... — и она побежала между домами. Константин подавил желание окликнуть ее. Его ладонь горела там, где он касался ее.

Это к лучшему. К лучшему.

16

Дьявол в свете свечи

Наступила осень с серыми небесами и желтыми листьями, внезапными дождями и неожиданными лучами солнца. Сын боярина приехал с Колей после уборки урожая в погреба и сараи. Коля отправил гонца вперед по грязной тропе, и в день прибытия боярина Вася и Ирина провели утро в бане. Банник, местный дух, был пузатым существом с глазами как две смородины. Он по — доброму скалился девочкам.

— Можете спрятаться под скамейку? — тихо сказала Вася, пока Ирина была в соседней комнатке. — Мачеха увидит вас и закричит.

Банник улыбнулся, пар вылетал между его зубов. Он был чуть выше ее колена.

— Как пожелаешь. Не забывай меня зимой, Василиса Петровна. С каждым временем года я

все меньше. Я не хочу пропасть. Старый пожиратель просыпается, это будет не лучшая зима для потери старого банника.

Вася замешкалась.

«Но меня выдадут замуж. Я уеду. Остерегайся мертвых».

Она сказала:

— Я не забуду.

Его улыбка стала шире. Пар окутал его тело, и его не было видно. Красный свет его глаз был цветом раскаленных камней.

— Пророчество, ведьма.

— Почему вы так меня называете? — прошептала она.

Банник взмыл к ней на скамейку. Его борода была извивающимся паром.

— Потому что у тебя глаза прабабки. Теперь слушай. До конца ты сорвешь подснежники в середине зимы, умрешь по своей воле и поплачешь о соловье.

Васе стало холодно среди пара.

— Почему я решу умереть?

— Умереть просто, — ответил банник. — Жить сложнее. Не забывай меня, Василиса Петровна, — и остался только пар.

«Мне уже хватало их безумных предупреждений», — подумала Вася.

Девушки сидели и потели, пока не стали румяными и сияющими, побили друг друга вениками и вылили холодную воду на горячие головы. Когда они стали чистыми, Дуня пришла с Анной, чтобы расчесать их длинные волосы и заплести косы.

— Жаль, что ты так похожа на мальчика, Вася, — сказала Анна, водя гребнем из ароматного дерева по длинным каштановым кудрям Ирины. — Надеюсь, твой муж не будет разочарован, — она посмотрела на падчерицу. Вася покраснела и прикусила язык.

— Но такие волосы, — возразила Дуня. — Самые красивые волосы на Руси, Васечка, — они были длиннее и гуще, чем у Ирины, черные с красным отблеском.

Вася выдавила улыбку няне. Ирине с детства говорили, что она мила как княгиня. Вася была страшным ребенком, об этом ей напоминали, когда нежная сестра была рядом. Но долгие часы верхом на коне — гдегодились ее длинные ноги — позволили Васе лучше понять себя, и она толком не могла рассмотреть себя. В доме было только бронзовое овальное зеркало у мачехи.

А теперь все женщины в доме, казалось, оценивали ее, словно козу на рынке. Вася задавалась вопросом, был ли в красоте прок.

Девушек нарядили. Голова Васи укутали девичьим головным убором, серебряные подвески обрамляли ее лицо. Анна не позволила бы Васе затмить ее дочь, даже если Васю выдавали замуж, так что головной убор и рукава Ирины были вышиты жемчугом, а бледно — голубой сарафан был с белой вышивкой. Вася была в зелено — синем сарафане, без жемчуга, лишь с намеками на вышивку. Простота была ее виной, она почти не шила дома. Но простота ей шла. Анна помрачнела, когда девочки были наряжены.

Две девочки вышли во двор. Там была грязь до лодыжек, морось была в воздухе. Ирина держалась ближе к матери. Петр уже ждал во дворе, напряженный, в хорошем мехе и расшитых сапогах. Жена Коли прибыла с детьми, племянник Васи Сережа бегал и вопил. На его льняной рубахе уже было пятно. Отец Константин стоял и молчал.

— Странное время для свадьбы, — тихо сказал Алеша Васе, встав рядом с ней. — Сухое лето и плохой урожай, — его каштановые волосы были чистыми, а короткая борода — смазана ароматным маслом. Его голубая расшитая рубаха сочеталась с поясом. — Ты хорошо выглядишь, Вася.

— Не смейся, — парировала его сестра и добавила уже серьезнее. — Да, и отец это

ощущает, — хотя Петр выглядел бодро, он явно хмурился. — Он выглядит как тот, кто обязан совершить неприятный долг. Он отчаялся, раз отсылает меня.

Она старалась отшутиться, но Алеша посмотрел на нее с пониманием.

— Он пытается уберечь тебя.

— Он любил нашу маму, а я убила ее.

Алеша притих на миг.

— Как скажешь. Но, Васечка, он пытается уберечь тебя. Лошади утеплились, а белки все еще наедаются, словно от этого зависит их жизнь. Зима будет тяжелой.

Всадник пронесся в калитку и помчался к дому. Грязь летела дугами из — под копыт лошади. Он остановился и выпрыгнул из седла, мужчина средних лет, не высокий, но широкий, обветренный и с каштановой бородой. В его губах было видно намеков на молодость. У него были все зубы, его улыбка сверкала, как у мальчика. Он поклонился Петру.

— Я не опоздал, надеюсь, Петр Владимирович? — спросил он, смеясь. Они пожали руки.

Конечно, он обогнал Колю. Кирилл Артамонович приехал на самой красивой юной лошади. Даже Буран, князь среди лошадей, выглядел грубым рядом с идеальным чалым жеребцом. Она хотела провести ладонями по ногам коня, ощутить кости и мышцы.

— Я говорил отцу, что это плохая идея, — сказал Алеша ей на ухо.

— Что? Почему? — Вася все еще разглядывала жеребца.

— Выдавать тебя так рано. Потому что краснеющие девы должны робко смотреть на бояр, что берут их за руку, а не на хороших лошадей.

Вася рассмеялась. Кирилл кланялся маленькой Ирине с нарочитой вежливостью.

— Удивительный самоцвет, Петр Владимирович, — сказал он. — Маленький подснежник, тебе стоит поехать на юг и цвести среди наших цветов, — он улыбнулся, Ирина покраснела. Анна смотрела на дочь с долей благодушия.

Кирилл повернулся к Васе, все еще улыбаясь. Но улыбка увяла при виде нее. Васе показалось, что он не рад ее внешности, она вскинула голову. Так лучше. Пусть ищет себе другую жену. Но Алеша хорошо понял потемнение его глаз. Вася смотрела ему в лицо, она была как воин — нечистокровка, а не домашняя девушка. Кирилл потрясенно смотрел на нее. Он поклонился, улыбка заиграла на губах, но не такая, как для Ирины.

— Василиса Петровна, — сказал он. — Ваш брат говорил, что вы прекрасны. Это не так, — она застыла, его улыбка стала шире. — Вы чудесны, — он окинул ее взглядом с головы до туфель.

Алеша сжал кулак.

— Ты злишься? — прошипела Вася. — Он имеет право. Мы помолвлены.

Алеша холодно смотрел на Кирилла.

— Это мой брат, — спешно сказала Вася. — Алексей Петрович.

— Рад знакомству, — удивленно сказал Кирилл. Он был лет на десять старше. Он лениво окинул Васю взглядом. Ее кожа покалывала под одеждой. Она слышала скрип зубов Алеши.

И тут раздалось фыркание, вскрик, плеск. Все обернулись. Сережа, племянник Васи, подобрался к жеребцу Кирилла и пытался забраться в седло. Вася понимала — она сама хотела прокатиться на этом коне — но неожиданный вес заставил юного жеребца встать на дыбы с дикими глазами. Кирилл бросился к уздечке коня. Петр забрал внука из грязи и стукнул его по уху. И тут Коля ворвался во двор, его прибытие подавило смятение. Мама Сережи увела его, завывающего. Дальше на дороге виднелась первая карета остальных людей, яркая среди серого осеннего леса. Женщины спешно ушли в дом подавать ужин.

— Конечно, он предпочел Ирину, Вася, — сказала Анна, пока они тащили большой котел с рагу. — Дворянке не быть равной с породистым псом. Но твоя мать мертва, так проще забыть

твоих жутких предков. Ты сильна как лошадь, это уже что — то.

Домовой выбрался из печи, дрожащий, но решительный. Вася пролила ему немного медовухи.

— Смотрите, мачеха, — сказала Вася. — Это кот?

Анна посмотрела, ее лицо стало цвета глины. Она пошатнулась. Домой хмуро смотрел на то, как она пялилась. Вася уклонилась и схватила горячий котел. Она спасла рагу, но не Анну Ивановну. Ее колени подогнулись, и она с треском упала на камни.

* * *

— Он тебе понравился, Вася? — спросила Ирина в кровати ночью.

Вася почти спала, они с Ириной встали засветло, чтобы подготовиться, и пир шел до поздней ночи. Кирилл Артамонович сидел рядом с Васей и пил из ее кубка. У ее суженого были толстые ладони, а от его смеха содрогались стены. Ей нравился его размер, но не наглость.

— Он неплох, — сказала Вася, но желала, чтобы он пропал.

— Он красивый, — согласилась Ирина. — И улыбка добрая.

Вася перевернулась, хмурясь. В Москве девушки не виделись с сужеными, но на севере нравы были свободнее.

— Его улыбка, может, и добрая, — сказала она, — но его конь боится его, — когда пир подходил к концу, она ускользнула в сарай. Жеребец Кирилла, Огонь, стоял в загоне, его не выпустили на пастбище.

Ирина рассмеялась.

— Откуда тебе знать, что думает лошадь?

— Я знаю, — сказала Вася. — И он стар, пташка. Дуня говорит, ему почти тридцать.

— Но он богат, у тебя будут драгоценности и мясо каждый день.

— Так выходи за него, — сказала Вася, ткнув сестру в живот. — Будешь толстой, как белка, и шить весь день на печи.

Ирина рассмеялась.

— Может, мы будем видеться, когда выйдем замуж. Если наши мужья будут жить близко.

— Уверена, не будут, — сказала Вася. — Припаси для меня мясо, когда я приду с нищим мужем просить у тебя и великого боярина.

Ирина снова рассмеялась.

— Но это ты выходишь за богача, Вася.

Вася не ответила, она молчала. Наконец, Ирина сдалась, свернулась рядом с сестрой и уснула. Но Вася долго не спала.

«Он очаровал мою семью, но его конь боялся его руки. Остерегайся мертвых. Зима будет тяжелой. Нельзя покидать лес», — мысли носились, как вода, Васю подхватил поток. Но она устала, так что тоже уснула.

* * *

Шли дни за играми и трапезами. Кирилл Артамонович наполнял миску Васи за ужином, дразнил ее на кухне. Его тело источало звериный жар. Вася злилась из — за того, что краснела от его взгляда. Она не спала ночами, думая, как этот жар будет ощущаться ладонями. Но смех не отражался в его глазах. И порой страх сдавливал ее горло.

Дни шли, и Вася не понимала себя. Женщины ругались, что ей нужно выйти замуж, как всем. Он не был старым, был богатым. Почему она боялась? Но она боялась, избегала суженого, когда могла, расхаживала, как птица в уменьшающейся клетке.

— Почему, отец? — сказал Алеша Петру не в первый раз в начале богатого ужина. Длинная тусклая комната пропахла мехами и медовухой, жареным мясом, картофелем и потными людьми. Каша ходила по кругу в большой миске, медовуху наливали и выпивали. Соседи

набились в комнату. Дом был переполнен, гости ходили и в избы крестьян.

— Три дня до свадьбы, мы должны чтить гостя, — сказал Петр.

— Почему ее выдают сейчас? — парировал его сын. — Она не может подождать год? Почему после тяжелой зимы, трудного лета мы тратим еду и напитки на это? — он указал на комнату, где гости жадно поглощали фрукты, собранные летом.

— Потому что так надо, — рявкнул Петр. — Если хочешь быть полезным, скажи своей безумной сестре не кастрировать мужа в брачную ночь.

— Этот Кирилл — бык, — сказал Алеша. — У него пятеро детей от крестьянок, и он не против поиграть с женами фермеров, пока гостит у вас. Если сестра захочет так поступить с мужем, отец, то на то есть причина, и я не буду ее отговаривать.

Словно по зову, они посмотрели на пару, которую обсуждали. Кирилл говорил с Васей, широко размахивая руками. Вася смотрела на него, и от ее выражения лица Петр и Алеша нервничали. Кирилл не замечал.

— Я был там один, — говорил он Васе, пополняя их чашки, чуть расплескивая. Его губы оставили жирный след на крае. — Спина прижалась к камню, кабан бежал ко мне. Мои люди разбежались, кроме мертвого с красной дырой в нем.

Он не впервые описывал подвиги Кирилла Артамоновича. Вася думала о другом. Где священник? Отец Константин не пришел на ужин, и это было не в его характере.

— Кабан бежал ко мне, — сказал Кирилл. — Копыта сотрясали землю. Я уже прощался с жизнью...

«И умер с кровью на губах, — с отвращением подумала Вася. — И мне бы повезло».

Она коснулась его руки и посмотрела на него, надеясь, что выглядит жалобно.

— Не нужно... я больше не выдержу.

Кирилл растерянно посмотрел на нее. Вася содрогнулась.

— Я не могу слушать дальше. Боюсь, я упаду в обморок, Кирилл Артамонович.

Кирилл не понимал.

— Дуня крепче меня, — сказала Вася. — Думаю, стоит рассказать конец ей, — Дуня все слышала (да и Вася не была пугливой), и старушка закатила глаза к небу, а потом послала Васе предупреждающий взгляд. Но Вася решила, и ее не отговорил бы даже взгляд отца. — А теперь, — Вася встала с наигранной грацией и схватила буханку со стола, — если простите, мне нужно исполнить религиозный долг.

Кирилл хотел возразить, но Вася спешно присела в реверансе, сунула буханку в рукав и убежала. Вне зала дом был прохладным и тихим. Она долго стояла во дворе и дышала.

А потом поскреблась в дверь священника.

— Входите, — сказал Константин после холодной паузы. Казалось, комната дрожала от света свечи. Он рисовал в таком свете. Крыса грызла корочку, что лежала рядом с ним нетронутой. Священник не обернулся, когда Вася открыла дверь.

— Отец, здравствуйте, — сказала она. — Я принесла вам хлеба.

Константин напрягся.

— Василиса Петровна, — он опустил кисть и начертил крест. — Благословит тебя Господь.

— Вы заболели, раз не празднуете с нами? — спросила Вася.

— У меня пост.

— Лучше поесть. Всю зиму не будет такой еды.

Константин промолчал. Вася заменила обглоданную корочку свежей буханкой. Тишина затянулась, но она не уходила.

— Зачем вы дали мне крестик? — резко спросила Вася. — После встречи у озера?

Он стиснул зубы, но не сразу ответил. Он сам не понимал. Она его тронула. Он надеялся,

что символ достигнет ее, когда он не сможет. Он хотел коснуться ее руки, заглянуть ей в глаза, разговорить ее, увидеть, может, как она смущается, как другие девушки. Забыть его жуткий восторг.

Ведь он не мог смотреть на свой крестик, не видя ее руки вокруг него.

— Святой крест направит тебя на путь истинный, — сказал Константин.

— Да?

Священник молчал. Ночью ему снилась женщина из озера. Он не видел ее лица. Но во снах ее волосы были черными, струились по ее обнаженному телу. Константин, проснувшись, долго молился, прогоняя картинку из головы. Но не мог, он видел Васю и сразу вспоминал женщину из сна с такими же глазами. Он стыдился. Она искушала его. Но через три дня она уедет.

— Зачем вы здесь, Василиса Петровна? — его голос звучал громко и хрипло, он злился на себя.

Буря грядет. Остерегайся мертвых. Сначала страх, потом огонь, потом голод. Твоя вина. Мы верили в Бога до вас, верили и в духов дома, и все было хорошо.

Если священник уедет, все снова будут в безопасности.

— Почему вы остались здесь? — сказала Вася. — Вы ненавидите поля, лес и тишину. Вы ненавидите нашу грубую голую церковь. Но вы еще здесь. Никто не обвинит вас, если вы уедете.

Скулы Константина слабо покраснели. Его рука нащупала краски.

— У меня есть задание, Василиса Петровна. Я должен спасти вас от самих себя. Бог наказывает тех, кто отбился.

— Задние вы придумали сами, — сказала Вася, — ради вашей гордости. Почему вы говорите, чего хочет Бог? Люди так вас не чтили бы, если бы вы не вызвали страх.

— Вы — несведущая дева, что вы знаете? — рявкнул Константин.

— Я верю в то, что вижу, — сказала Вася. — Я видела, как вы говорите. Я видела страх моего народа. И вы знаете, что я говорю правду, вы дрожите, — он схватил миску не смешанной краски. Теплый воск трепетал. Константин тут же опустил миску.

Она подошла ближе. Свет свечи выделил золотые искры в ее глазах. Он посмотрел на ее губы. Изыди, демон. Но у нее был голос девушки с тихой мольбой:

— Почему не вернетесь? В Москву, Владимир или Суздаль? Зачем быть здесь? Мир велик, а наш уголок очень мал.

— Бог дал мне задание, — процедил он, почти плюясь.

— Мы — мужчины и женщины, — возразила она. — Мы не задание. Вернитесь в Москву и спасайте людей там.

Она стояла слишком близко. Он взмахнул рукой и ударил ее по лицу. Она отпрянула, держась за щеку. Он сделал два быстрых шага вперед, смотрел на нее свысока, но она не отступала. Его ладонь взмыла снова, но он вдохнул и совладал с собой. Он не должен был бить ее. Он хотел схватить ее, поцеловать, ранить, сделать еще что —нибудь. Демон.

— Уходите, Василиса Петровна, — процедил он. — Не учите меня. И больше сюда не приходите.

Она отошла к двери. Но обернулась, держась за ручку. Ее коса лежала рядом с горлом. Алый след руки ярко виднелся на ее щеке.

— Как пожелаете, — сказала она. — Задние жестокое, вы пугаете людей во имя Бога. Я оставляю это вам, — она замешкалась и очень тихо добавило. — Но я, батюшка, не боюсь.

* * *

Она ушла, и Константин расхаживал. Его тень прыгала перед ним, рука, что ударила ее, горела. Ярость сдавливала его горло. Она уедет до снега. Уедет его позор и поражение. Это лучше, чем терпеть ее здесь.

Свеча дымила, стоя перед иконами, огонь отбрасывал резкие тени.

Она уедет. Должна уехать.

Голос зазвучал из земли, из свечи, из его груди. Он был тихим, четким, светлым.

— Успокойся, — сказал он. — Хотя я вижу, ты переживаешь.

Константин застыл.

— Кто это?

— Хочешь, невзирая на свои устои, ненавидишь любовь, — голос вздохнул. — О, ты прекрасен.

— Кто говорит? — рявкнул Константин. — Это шутка?

— Я не шучу, — последовал ответ. — Я друг. Хозяин. Спаситель, — голос был исполнен сострадания.

Священник кружил, озираясь.

— Выходите, — сказал он, замерев. — Покажитесь.

— Что это? — голос был с нотой гнева. — Сомнения, мой слуга? Ты не знаешь, кто я?

Комната была почти пустой, только кровать да иконы, в углах собрались тени. Константин смотрел туда до боли в глазах. Это было оно? Тень не двигалась от света огня. Нет, то была его тень от свечи. Никого не было снаружи, за дверью. Тогда кто...?

Константин посмотрел на иконы. Он посмотрел в их серьезные лица. Его лицо переменилось.

— Отец, — прошептал он. — Господь. Ангелы. После тишины ты говоришь со мной? — он дрожал всем телом. Он взял себя в руки, молил голос заговорить снова.

— Ты сомневаешься, дитя мое? — сказал нежно голос. — Ты всегда был моим верным слугой.

Священник заплакал с открытыми глазами и беззвучно. Он рухнул на колени.

— Я долго за тобой следил, Константин Никонович, — продолжил голос. — Ты храбро трудился от моего имени. Но теперь тебя искушает эта девушка.

Константин хлопнул в ладоши.

— Я виноват, — сказал он пылко. — Я не могу спасти ее один. Она одержима, она — дьяволица. Я молюсь, чтобы ваша мудрость показала ей свет.

— Она многому научится, — ответил голос. — Многому. Не бойся. Я с тобой, ты больше не будешь один. Мир падет к твоим ногам, узнает мои чудеса твоими губами, потому что ты был верен.

Казалось, играют трубы, пока говорит голос. Константин поежился, слезы все еще текли.

— Только не оставляй меня, — сказал он. — Я всегда был верен, — он сжал кулаки так крепко, что ногти оставили следы.

— Будь верным, — сказал голос, — и я тебя никогда не брошу.

17

Конь по имени Огонь

Кирилл Артамонович больше всего любил охотиться на северных кабанов с длинными бивнями. В день до свадьбы он позвал на охоту:

— Скоротаем время, — сказал он Петру, подмигнув Васе, а та промолчала. Но Петр не возражал. Кирилл Артамонович был известным охотником, а мясо кабана на зиму было бы хорошей идеей. Они могли даже подать кабана на свадебный пир, чтобы его бледная дочь зарумянилась.

Все хозяйство встало до рассвета. Копья уже лежали сияющей кучей. Собаки услышали, как точат лезвие, и расхаживали в будках, скуля.

Вася встала раньше остальных. Она не ела, а пошла в конюшню, где лошади тревожно переминались от шума собак снаружи. Юный чалый жеребец Кирилла дрожал от звуков. Вася прошла к нему, нашла вазилу на спине коня. Она улыбнулась маленькому существу. Жеребец фыркнул и прижал уши.

— У тебя плохие манеры, — сказала ему Вася. — Наверное, Кирилл Артамонович таскает тебя за рот.

Жеребец направил уши вперед.

«Ты не похожа на лошадь».

Вася улыбнулась.

— Это хорошо. Ты не хочешь на охоту?

Конь задумался.

«Я люблю бегать. Но кабан гадко пахнет, человек бьет меня, если я боюсь. Я лучше буду пастись в поле», — Вася погладила шею коня. Кирилл портил отличного жеребца, что был чуть старше жеребенка. Конь ткнулся носом в ее грудь. Вода и зеленоватая слизь попала на ее платье.

— Теперь я страшнее обычного, — отметила Вася в пустоту. — Анна Ивановна будет рада. Кабан тебя не ранит, если будешь быстрым, — добавила она Огню. — А ты самый быстрый в мире, красавец. Не нужно бояться.

Жеребец молчал, но его голова была в ее руках. Вася гладила шелковистые уши, вздыхая. Она хотела бы прокатиться по осеннему лесу на длинноногом Огне, который, казалось, мог обогнать зайца в чистом поле. Вместо этого ей придется на кухню печь хлеб и слушать сплетни женщин. Ирина порой красовалась, а Вася старалась ничего не сжечь.

— Обычно я ругаю девицу, что глупо подходит к моему коню, — сказал голос за ней. Огонь вскинул голову. — Но вы ладите с животными, Василиса Петровна, — Кирилл Артамонович пришел к ним с улыбкой. Он поймал жеребца за веревку.

— Тихо, безумец, — сказал он. Конь закатил глаза, но стоял, дрожа.

— Вы рано встали, — Вася пришла в себя.

— Как и вы, Василиса Петровна, — от их дыхания появлялись облачка, в конюшне было холодно.

— Есть много дел, — сказала Вася. — Женщины поедут к вам после добычи, если день будет хорошим. А ночью будет пир.

Он улыбнулся.

— Не нужно извиняться, девушка. Думаю, рано вставать для девушки хорошо, и ей стоит интересоваться хозяйством мужа, — на его щеке была ямочка. — Я не скажу твоему отцу, что видел тебя здесь.

Вася взяла себя в руки.

— Говорите, если хотите, — сказала она.

Он улыбнулся.

— Мне нравится твой дух.

Она пожала плечами.

— Твоя сестра милее тебя, — отметил он. — Она будет легкой женой через пару лет: маленький цветочек. Никаких тревог ночью. Но ты... — Кирилл притянул ее к себе, провел ладонью по ее спине, оценивая. — Слишком много костей, — сказал он, — но сильные девушки мне нравятся. Ты не умрешь при родах, — он держал ее уверенно, словно ожидал послушания. — Ты родишь мне сыновей? — он поцеловал ее раньше, чем она ответила, она была ошеломлена силой его рук. Его поцелуй, как и прикосновение, был крепким, он наслаждался. Вася толкнула

его, но без толку. Он задрал ее голову, впился пальцами в нежное место под ее челюстью. Ее голова кружилась. От него пахло мускусом, медовухой и лошадьми. Его ладонь была большой, прижималась к ее спине, а другая скользила от ее плеча к груди и бедру.

То, что он нашел, порадовало его. Когда он отпустил, его грудь вздымалась, ноздри раздувались как у жеребца. Вася не шевелилась, боролась с тошнотой. Она посмотрела в его лицо.

«Я для него кобылица», — вдруг ясно подумала она. И если кобылица не слушается, он ломает ее.

Улыбка Кирилла чуть увяла. Она не знала, как он видел ее гордость. Его глаза смотрели на ее рот, на ее фигуру, и она знала, что он видел и ее страх. Тревога пропала с его лица. Он потянулся к ней снова, но Вася была быстрее. Она отбила его руку и выбежала из конюшни, не оглядываясь. На кухне она была такой бледной, что Дуня усадила ее у огня и заставила пить горячее вино, пока ее лицу не вернулось немного цвета.

* * *

Весь тот день от земли поднимался холодный туман, обвивал деревья. Охота привела к добыче к полудню. Вася с мрачным видом несла разделочную доску, слышала слабо вопль умирающего зверя. Это соответствовало ее настроению.

Женщины покинули дом серым днем, мужчины вели лошадей. Константин поехал с ними, его лицо было бледным и возвышенным в осеннем свете. Люди смотрели на него с восхищением. Вася избегала его, оставалась с Ириной в конце толпы, заставив свою кобылицу идти в такт с пони Ирины.

Туман растекался над землей. Женщины жаловались на холод, кутались в плащи.

Вдруг Мышь встала на дыбы. Даже робкий зверь Ирины робел, и девочка подавила вопль, схватившись за поводья. Вася спешно опустила кобылицу и поймала уздечку пони. Она проследила за ушами Мыши. Белокожее существо стояло меж двух стволов берез. Оно напоминало человека со светлыми глазами. Его волосы были запутанными листьями. Он не отбрасывал тень.

— Все хорошо, — сказала Вася Мыши. — Он не ест лошадей. Только глупых путников.

Кобылица дергала ушами, но с неохотой пошла снова.

— Леший, лесовик, — прошептала Вася, они проезжали мимо. Она поклонилась. Он был стражем леса, он редко выходил к людям.

— Я поговорю с тобой, Василиса Петровна, — голос лешего был шепотом ветвей на рассвете.

— Сейчас, — сказала она, подавляя удивление.

Ирина рядом с ней запищала:

— С кем ты говоришь, Вася?

— Ни с кем, — сказала Вася. — С собой.

Ирина притихла. Вася мысленно вздохнула — Ирина расскажет своей матери.

Они нашли охотников чуть глубже в лесу под большим деревом. Они уже повесили кабана за ноги на большой сук. Из перерезанного горла в ведро стекала кровь. Лес звенел от смеха и хвастовства.

Сережа считал себя взрослым, его с трудом убедили ехать с женщинами. Он спрыгнул с пони и побежал с круглыми глазами к кабану. Вася слезла с Мыши и отдала ее уздечку слуге.

— Хорошего зверя мы поймали, да, Василиса Петровна? — голос раздался у ее локтя. Она обернулась. Кровь была на ладонях Кирилла, но он сверкал юношеской улыбкой.

— Мясо — это хорошо, — сказала Вася.

— Я припасу для вас печень, — он взглянул на нее. — Вам нужно поправиться.

— Вы так щедры, — Вася опустила голову и ускользнула, как девушка, что боялась говорить. Женщины вытаскивали холодное мясо из тюков. Вася осторожно отходила к березовой роще, а потом пропала за деревьями.

Она не видела, что Кирилл улыбнулся и пошел за ней.

* * *

Лешие были опасными. По желанию они могли водить путников кругами, пока те не падали. Порой путникам хватало ума повесить вещи на спину для защиты, но чаще всего они умирали.

Вася нашла его в центре чащи берез. Леший окинул ее взглядом блестящих глаз.

— Какие новости? — сказала Вася.

Леший издал недовольный шорох.

— Твой народ пришел пугать мой лес, убивать моих существ. Они могли бы просто меня прогнать.

— Нам жаль, — быстро сказала Вася. У них хватало проблем без гнева лесного стража. Она развязала расшитый платок и вложила в его ладонь. Он покрутил его в длинных пальцах — прутиках. — Простите нас, — сказала Вася. — И... не забывайте меня.

— Прошу того же, — сказал мягче страж леса. — Мы таем, Василиса Петровна. Даже я, видевший, как эти деревья выросли из саженцев. Твой народ колеблется, черти слабеют. Если Медведь придет сейчас, ты без защиты. Будет расплата. Остерегайся мертвых.

— Что это значит?

Леший склонил растрепанную голову.

— Три знака, мертвые — четвертый, — сказал он, а потом пропал, и она слышала только пение птиц в шорохе леса.

— Хватит этого, — пробормотала Вася, не ожидая ответа. — Почему вы не можете говорить просто? Чего вы боитесь?

Кирилл Артамонович вышел из — за деревьев.

Вася напряглась.

— Вы заблудились?

Он фыркнул.

— Не больше вас, Василиса Петровна. Я никогда не видел, чтобы девушка ходила так легко по лесу. Но вам не стоит ходить без защиты.

Она молчала.

— Идите со мной, — сказал он.

Она не могла отказать. Они шли бок о бок в густой чаще, листья сыпались на них.

— Вас понравится мои земли, Василиса Петровна, — сказал Кирилл. — Лошади бегают по полям, которые не окинешь взглядом. Торговцы привозят нам камни из Владимира, города Богоматери.

Вася увидела не хорошую лошадь боярина, но себя на лошади, бегущей галопом по земле без леса. Она замерла на миг, мыслями далеко. Кирилл поднял и гладил ее косу, лежащую поверх ее груди. Она пришла в себя от испуга и выдернула косу из его хватки. Он поймал ее волосы в кулак с улыбкой и притянул ее ближе.

— Не нужно, — она попятилась, но он шел за ней, наматывая ее косу на руку. — Я научу тебя хотеть меня, — его губы нашли ее.

Пронзительный вопль пронзил полуденную тишину.

Кирилл отпустил ее. Между деревьями вспыхнуло нечто коричневое, Вася бежала, проклиная юбки. Но она все равно была легче мужчины за собой. Она обогнула падуб, застыла в ужасе. Сережа цеплялся за шею Мыши, и коричневая кобылица кружилась, как годовалый

жеребец. Кольцо белого было в ее испуганном глазе.

Вася не понимала. Мальчик уже катался на кобылице, и Мышь была чувствительной. Но теперь она прыгала, словно на ее спине сидело три дьявола. Ирина прижималась к дереву на краю поляны, зажав руками рот.

— Я говорила ему! — выла она. — Я говорила, что это плохо, но он сказал, что вырос, что может вести себя, как хочет. Он хотел мчаться на лошади. Он не слушал.

Поляна была полна теней, слишком больших для света полудня. Одна будто дернулась вперед. На миг Васе показалась там безумная улыбка и один мигающий глаз.

— Мышь, смирно, — сказала она лошади. Кобылица застыла, насторожив уши. На миг все было тихо. — Сережа, — сказала Вася. — А теперь...

Кирилл вырвался из — за кустов. Тени тут же бросились из трех мест сразу. Кобылица снова занервничала, развернулась и побежала. Ее длинные ноги впились в лесную тропу, она чуть не оцарапала всадника, пока неслась среди деревьев. Сережа закричал, но все еще был в седле, держался за шею лошади.

Где — то кто — то смеялся.

Вася побежала к остальным лошадям, вытащив из — за пояса нож. Кирилл был за ней, но она была быстрее. Она пронеслась мимо потрясенного отца и добралась до Огня.

— Что ты творишь? — кричал Кирилл. Вася не ответила. Жеребец был привязан, но удар порвал веревку, она прыжком забралась на его голую спину, впилась в его рыжую гриву.

Конь побежал. Кирилл остался с раскрытым ртом. Вася склонилась, уловила ритм жеребца, сжимая ногами его бока. Жаль, она не успела распутать юбки. Они бурей мчались по лесу. Вася низко пригибалась на шее лошади. Впереди маячило павшее бревно. Вася глубоко вдохнула. Огонь перепрыгнул препятствие, уверенный, как олень.

Они вырвались из леса на грязное поле, почти догнав беглянку. Сережа чудом еще держался за шею Мыши. У него не было выбора, падение на скорости убило бы его, в поле было полно скрытых пеньков. Огонь догонял их, он был быстрее, и кобылица бежала зигзагами от паники, пыталась сбросить ребенка со спины. Вася кричала Мыши остановиться, но кобылица не слышала или не слушалась. Вася кричала Сереже держаться, но ветер уносил слова. Она и Огонь медленно сокращали разрыв. Пена текла из ртов лошадей. В дальнем конце поля была канава, чтобы осушать дождевую воду у поля с ячменем. Даже если Мышь прыгнет, Сережа не удержится. Вася закричала Огню. Они сильными прыжками поравнялись с беглянкой. Канава быстро приближалась. Вася протянула руку к племяннику.

— Отпускай! — закричала она, схватив его за рубашу. Сережа успел взглянуть в панике, а потом Вася стащила его и забросила на спину Огня. Мальчик сжимал черную шерсть в кулаках. Вася подвинула вес, чтобы жеребец повернулся раньше канавы. Конь как — то смог, собрался и бросился параллельно канаве. Он, скользя, остановился, дрожа всем телом. Мыши повезло меньше, в панике она рухнула в канаву и лежала на дне, барахтаясь.

Вася слезла со спины Огня, пошатнулась, пока ноги пытались удержать ее. Она опустила рыдающего племянника и быстро осмотрела его. Его нос и губа были в крови от твердого плеча жеребца.

— Сережа, — сказала она. — Сергей Николаевич. Все хорошо. Тише, — племянник всхлипывал, дрожал и хихикал одновременно. Вася шлепнула его по окровавленному лицу. Он поежился и притих, она крепко обняла его. За ними стало слышно вопль лошади. — Огонь, — сказала Вася. Жеребец был за ней с пеной у рта. — Стой здесь.

Он дернул ухом. Вася пустила племянника, и он съехал ко дну канавы. Мышь лежала в воде, но Вася не обратила внимания. Она опустилась у головы лошади в пене. Чудом она не сломала себе ноги.

— Все хорошо, — шептала Вася. — Все хорошо, — она дышала вместе с лошастью. Вдруг Мышь затихла под ее пылающей рукой. Вася встала и отпрянула.

Кобылица поднялась неуклюже, как жеребенок, выпрямила ноги. Вася дрожала, обвила руками шею лошади.

— Глупая, — прошептала она. — Что на тебя нашло?

«Я увидела тень, — сказала кобылица. — Тень с зубами. Времени не было», — у канавы стало слышно голоса. Камешки скатились и сообщили о прибытии Кирилла Артамоновича. Мышь притихла. Кирилл смотрел.

Вася покраснела.

— Кобылица испугалась, — спешно сказала девушка, взявшись за уздечку Мыши. — От вас пахнет кровью, Кирилл Артамонович, лучше стойте там.

Кирилл и не собирался спускаться в воду и грязь, но слова Васи не смягчили его.

— Ты украла моего коня.

Вася изобразила стыд.

— Кто научил тебя так ездить?

Вася сглотнула, оценивая его испуганный вид.

— Отец научил, — сказала она.

Ее суженый был поражен.

Она выбралась из канавы. Кобылица следовала за ней как котенок. Девушка замерла на вершине. Кирилл смерил ее каменным взглядом.

— Может, я смогу кататься на ваших лошадях после свадьбы, — невинно сказала Вася.

Кирилл не ответил.

Вася пожала плечами, только тогда поняла, как устала. Ее ноги были слабыми, как камыши, а левое плечо — рука, которой она забросила Сережу на спину Огня — болело.

Всадники бежали по неровному полю. Петр вел их на уверенном Буране. Братья Васи ехали за ним. Коля первым слез с коня, побежал к своему сыну, который еще плакал.

— Сережа, ты в порядке? — осведомился он. — Сынок, что случилось? Сережа! — мальчик не отвечал. Коля повернулся к Васе. — Что случилось?

Вася не знала, что сказать. Она что — то пролепетала. Ее отец и Алеша спешили следом за Колей. Петр тревожно посмотрел на нее, на Сережу, на Огня и Мышь.

— Ты в порядке, Вася? — сказал он.

— Да, — выдавила Вася. Она покраснела. Их соседи — мужчины — неслись за ними. Они смотрели. Вася вдруг поняла, что ее голова непокрыта, а юбки изорваны, что ее лицо грязное. Ее отец тихо шепнул что — то Коле, который сжимал рыдающего сына.

Вася упустила плащ в дикой гонке, и теперь Алеша слез с лошади и отдал ей свой.

— Давай, глупая, — сказал он, пока она благодарно куталась в его плащ. — Лучше скрыть тебя от взглядов.

Вася вспомнила о гордости и упрямо вскинула голову.

— Мне не стыдно. Лучше было что — то сделать, чем смотреть, как Сережа умирает с разбитым черепом.

Петр услышал ее.

— Иди с братом, — прорычал он, вдруг повернувшись к ней. — Живо, Вася.

Вася смотрела на отца, а потом без слов поддалась Алеше, усадившем ее в седло. Соседи бормотали. Они озирались. Вася сжала кулаки и не отводила взгляд.

Но их соседи не смогли долго глазеть. Алеша сел за ней и побежал на коне.

— Тебе стыдно, Лешка? — Вася хмурилась. — Ты теперь запрешь меня в подвале? Лучше племяннику умереть, чем позор семье из — за меня?

— Не глупи, — сказал Алеша. — Все утихнет быстрее, если они не будут смотреть на твое изорванное платье.

Вася молчала.

Ее брат добавил мягче:

— Я отвезу тебя к Дуне. Ты выглядела так, что вот — вот рухнешь.

— Отрицать не буду, — ее голос смягчился.

Алеша замешкался.

— Васечка, что ты сделала? Я знал, что ты умеешь ездить, но... так? И на том безумном жеребце?

— Лошади научили меня, — сказала Вася после паузы. — Я водила их на пастбище.

Она не уточняла. Ее брат долго молчал.

— Мы бы вернули племянника мертвым или изломанным, если бы ты его не спасла, — медленно сказал он. — Я это знаю, и я благодарен. Отец, уверен, тоже.

— Спасибо, — прошептала Вася.

— Но, — добавил он с легкой иронией, — боюсь, тебе придется жить в лесу, если не хочешь выходить за фермера или надевать вуаль. Ты поразила соседей своим боевым поведением. Кирилл был унижен, когда ты взяла его коня.

Вася рассмеялась, но с тяжелой нотой.

— Я рада, — сказала она. — Не придется убегать перед свадьбой. Я лучше выйду за крестьянина, чем за Кирилла Артамоновича. Но отец зол.

Дом стало видно, и Петр догнал их. Он выглядел благодарно, возмущенно и даже мрачно. Явно переживал. Он кашлянул.

— Ты не ранена, Васечка?

Вася не слышала, чтобы он так звал ее, с тех пор, как была маленькой.

— Нет, — сказала она. — Но мне жаль, что я опозорила тебя, отец.

Петр покачал головой, но молчал. Пауза была долгой.

— Спасибо, — сказал потом Петр. — За внука.

Вася улыбнулась.

— Нужно благодарить Огня, — сказала она, взбодрившись. — И что Сережа умно держался из-за всех сил.

Они ехали домой в тишине. Вася быстро убежала в купальню, чтобы попарить болящее тело.

Но Кирилл пришел за ужином в тот вечер к Петру.

— Я думал, что получу воспитанную деву, а не дикое создание.

— Вася хорошая, — сказал Петр. — Упрямая, но это может...

Кирилл фыркнул.

— Черная магия держала девчонку на спине моей лошади, а не искусство смертных.

— Только сила и дикость, — сказал Петр отчаянно. — Она даст сильных сыновей.

— Какой ценой? — мрачно сказал Кирилл Артамонович. — Я хочу женщину в доме, а не ведьму или духа леса. И она опозорила меня при всех.

Хотя Петр пытался уговорить его, он был непоколебим.

Петр редко бил детей. Но когда Кирилл разорвал помолвку, он побил Васю, в основном, чтобы утихомирить свой страх за нее. Она не могла хоть раз в жизни сделать, как ей сказали?

Она была дикой.

Вася терпела с сухими глазами, посмотрела на него с упреком и скованно ушла. Он не видел, как она плакала потом, сжавшись между ног Мыши.

Свадьбы не было. На рассвете Кирилл Артамонович уехал.

Когда Кирилл уехал, Анна Ивановна снова пошла к мужу. Осенние ночи уже стали дольше, дом просыпался в темноте и ужинал в свете огня. Той ночью Петр сидел без сна у печи. Его дети уже спали, а он не мог уснуть. Угли в печи делали комнату красной. Петр смотрел на мерцающий свет, думал о дочери.

Анна была с вещами для починки, но не шила. Петр не поднимал голову, так что не видел тяжелое и бескровное выражение лица жены.

— Значит, Василиса не выйдет замуж, — сказала она.

Петр вздрогнул. Его жена говорила властно, она впервые напомнила ему ее отца. И ее слова повторяли его мысли.

— Ее не захочет себе хороший мужчина, — продолжила она. — Ты отдашь ее крестьянину?

Петр молчал. Он обдумывал этот вопрос. Идея отдать дочь фермеру шла вразрез с его гордостью. Но он слышал предупреждение Дуни: «Лучше так, чем демон холода».

«Марина, — подумал Петр. — Ты оставила мне безумицу, и я люблю ее. Она смелее моих сыновей, дикая. Но что проку в этом для женщины? Я клялся, что уберегу ее, но как мне спасти ее от себя?».

— Она должна пойти в монастырь, — сказала Анна. — Чем раньше, тем лучше. Разве есть выбор? Ее не возьмет мужчина из хорошего рода. Она одержима. Она ворует лошадей, сводит их с ума, рискует жизнью племянника забавы ради.

Петр смотрел потрясенно на жену, и ее решимость была почти красивой.

— Монастырь? — сказал Петр. — Вася? — он задумался, почему так удивлен. Девушки без пары каждый день уходили в монастырь. Но он не видел, чтобы Вася стала бы монашкой.

Анна сжала кулаки. Она смотрела на него.

— Жизнь среди святых сестер спасет ее бессмертную душу.

Петр снова вспомнил лицо незнакомца в Москве. Талисман или нет, но демон холода не сможет прийти за девушкой, обещанной Богу.

Но он все мешкал. Вася не пойдет по своей воле.

Отец Константин сидел в тених рядом с Анной. Он был мрачен, таким был и взгляд.

— Что скажете, батюшка? — сказал Петр. — Моя дочь напугала людей. Мне отослать ее в монастырь?

— Выбора мало, Петр Владимирович, — сказал Константин. Его голос был медленным и хриплым. — Она не боится Бога, не слушает голос разума. Есть монастырь для благородных девиц в стенах Кремля. Сестры примут ее.

Анна сжала губы. Она давно мечтала попасть туда.

Петр замешкался.

— Стены Кремля сильные, — добавил Константин. — Она будет в безопасности и не голодна.

— Я подумаю об этом, — Петр разрывался. Она могла уехать на санях, когда он отправит весть. Но кого послать с вестью? Его дочь нельзя было доставлять, как нежелательную посылку, а время было позднее для гонцов.

Он мог отправить ее к Оле, и та все устроит. Но нет... Васю нужно было выдать замуж или закрыть в монастыре до середины зимы. А там он придет за ней.

Вася... в монастырь? Скрыть ее черные волосы, быть девой до смерти?

Но ее душа... была важнее всего. Она будет в спокойствии. Будет молиться за семью. И будет спасена от демонов.

Но она не пойдет по своей воле. Будет горевать.

Константин смотрел на терзания Петра и молчал. Он знал, что Бог на его стороне. Петр будет убежден. И священник был прав.

Три ночи спустя Вася притащила домой мокрого простывшего монаха, которого нашла заблудившимся в лесу.

* * *

Она притащила его чуть раньше заката, посреди ливня. Дуня рассказывала сказу:

— И князя Алексей и Дмитрий отправились искать жар — птицу с яркими крыльями. Они ехали долго, они три раза побывали в девяти царствах, Пока не добрались до развилки, где стоял камень с вырезанными словами.

Дверь распахнулась, и Вася прошла в комнату, держа за рукав большого молодого монаха.

— Это брат Родион, — сказала она. — Он заблудился в лесу. Он из Москвы, Саша прислал его к нам.

И дом тут же оживился. Монаха нужно было высушить и накормить, найти новую одежду, дать медовуху. Дуня в спешке успела заставить Васю сменить мокрую одежду и высушить волосы у огня. Все это время монаха осыпали вопросами: о погоде в Москве, об украшениях придворных дам, о лошадях татарских военачальников. Больше всего спрашивали о княгине Серпухова и брате Александре. Вопросов было так много, что монах едва мог ответить.

И Петр вмешался, отодвинул детей.

— Потише, — сказал он. — Пусть он поест.

В кухне медленно воцарилась тишина. Дуня взяла прялку, Ирина иголку. Брат Родион задумчиво ел. Вася взяла ступку и пестик и толкла сухие травы. Дуня продолжала историю:

— У дороги был камень с вырезанными словами.

Вперед пойдешь, найдешь голод и холод.

Направо пойдешь, коня потеряешь.

Налево пойдешь, коня сбережешь.

Это им не понравилось, и братья свернули, устроили палатки в лесу, забыв, зачем приехали.

«Князь Иван поехал направо», — подумала Вася. Она слышала историю тысячу раз. Серый волк убил его коня. Он плакал. Но в истории не говорилось, что было бы, если бы он пошел прямо. Или налево.

Петр общался с братом Родионом на другой стороне кухни. Вася хотела бы их слышать, но дождь стучал по крыше.

Она ходила за травами с первым светом. Она была готова мокнуть, но дышать свежим воздухом пару часов. Дом давил на нее. Анна Ивановна, Константин и ее отец смотрели на нее странными взглядами. Жители шептались за ее спиной. Никто не забыл случай с конем Кирилла.

Она увидела, как юный монах ездит по кругу на сильном белом муле.

Странно, что она нашла его живым. Она порой видела кости по пути, но не живых людей. Лес был опасным для путников. Леший водил их кругами, пока они не падали, водяной смотрел холодными рыбьими глазами, затягивал в реку. Но этот монах заблудился, но выжил.

Вася вспомнила предупреждение русалки. Чего боялись черти?

* * *

— Вам повезло, что моя безрассудная дочь пошла собирать травы в такую погоду и нашла вас, — сказал Петр.

Брат Родион, поев, рискнул взглянуть на камин. Дочь толкла травы, огонь очерчивал ее тонкое тело золотым светом. Сперва он посчитал ее страшной, и даже теперь ее нельзя было

назвать красивой. Но, чем больше он смотрел, тем сложнее было отвести взгляд.

— Я рад этому, Петр Владимирович, — спешно сказал Родион, увидев, как Петр вскинул бровь. — У меня весть от брата Александра.

— Саша? — резко спросил Петр. — Какие новости?

— Брат Александр — советник Великого князя, — ответил важно новичок. — Он заслужил это за хорошие дела и защиту слабых. Он известен за свою мудрость в суждениях.

— Будто мне нужно было слышать доказательство, что Саша отлично управлял бы своей землей, — сказал Петр. Но Родион слышал гордость в его голосе. — К теме. Это не привело бы вас сюда так поздно.

Родион посмотрел в глаза Петру.

— Вы уже отправили дань Хану, Петр Владимирович?

— Со снегом, — прорычал Петр. Урожай был плохим, мяса запасли мало. Петр хмурился при трате любого зернышка. Им придется убивать всех овец, его сыновья истощали себя на охоте. Женщины ходили в лес за ягодами и грибами в любую погоду.

— Петр Владимирович, а если бы вам не нужно было платить дань? — спросил Родион.

Петру не нравились такие вопросы, он так и сказал.

— Ладно, — сказал юноша. — Князь и его советники задались вопросом, почему мы должны платить дань, склонять голову перед язычником. Последнего Хана убили, его наследников тоже быстро убьют. Они в смятении. Почему они должны влиять на христиан? Брат Александр побывал в Сарае, посмотрел на них и послал меня попросить у вас помощи, если Великий князь решит сражаться.

Вася видела, как меняется лицо отца, но не знала, что сказал юный монах.

— Война, — сказал Петр.

— Свобода, — ответил Родион.

— Мы тут, на севере почти не вооружены, — сказал Петр.

— И все же вооружены.

— Лучше ярмо, чем кулак Золотой орды, — сказал Петр. — Им не нужно встречать нас в открытом бою, они отправят людей ночью. Десять огненных стрел сожгут Москву дотла, и мой дом тоже из дерева.

— Петр Владимирович, брат Александр просил сказать...

— Простите, — Петр резко встал, — но я услышал достаточно. Надеюсь, вы меня простите.

Родион заставил себя кивнуть и переключил внимание на медовуху.

* * *

— Почему мы не будем сражаться, отец? — осведомился Коля. Два мертвых зайца висели за уши, сжатые в его кулаке. Отец с сыном воспользовались перерывом в дожде, чтобы проверить силки.

— Потому что в этом мало добра и много вреда, — ответил Петр не в первый раз. Его сыновья не давали ему покоя, монах вскружил им головы словами их брата. — Ваша сестра живет в Москве, вы хотите, чтобы она была в городе под осадой? Татары не оставят в городе выживших.

Коля отмахнулся, зайцы закачались в его руке.

— Конечно, нам нужно сразиться с ними далеко от Москвы.

Петр склонился к следующей ловушке, но она была пустой.

— Подумай, отец, — продолжил Коля, не унимаясь. — Мы могли бы отправлять товары на юг, а не дань. Князь никому не покорится. И твои правнуки могли бы сами быть Великими князьями.

— Лучше пусть мои сыновья будут живы, а дочери целы, чем шанс величия не рожденных

потомков, — рот сына открылся для возражения, и Петр добавил мягче. — Сынок, ты знаешь, что Саша уехал против моей воли. Я не буду привязывать сына к столбу. Если хочешь сражаться, иди, но я не буду благословлять войну дурака, не дам ни серебра, ни коня. Сашу знают, да, но он все еще просит хлеб и растит травы в своем саду.

Ответ Коли подавил радостный вопль, еще один заяц обнаружился в ловушку, его осенняя шерсть была в грязи. Пока его сын доставал его, Петр поднял голову и застыл. Воздух пах новой смертью. Волкодав Петра прижался к ноге хозяина, скуля как щенок.

— Коля, — сказал Петр. Что — то в тоне отца заставило юношу встать, черные глаза вспыхнули.

— Я чувствую это, — сказал он после паузы. — Что тревожит собаку? — пес скулил и дрожал, явно хотел вернуться в деревню. Петр покачал головой, поворачиваясь, словно сам был собакой.

Он молчал, но указал на лужу крови в листве вокруг их ног, и она была не от зайцев. Петр махнул псу, волкодав заскулил и пошел вперед. Коля двигался левее, тихий, как и его отец. Они осторожно обошли деревья и вышли на полянку, мрачную от увядающих листьев.

Там был олень. Кусок лежал почти у ног Петра в крови и внутренностях. Основная часть туши была в стороне, и все растекалось, воняя даже на холоде.

Мужчины не замерли от крови, хотя рогатая голова была у их ног с вывалившимся языком. Но они переглянулись, ведь ничто в лесу не могло так поиздеваться над существом. И что за зверь убил бы оленя, но оставил мясо?

Петр шел по грязи, разглядывая землю.

— Олень бежал, охотник преследовал. Олень бежал сильно, хромал на переднюю ногу. Он пробрался на полянку здесь, — Петр двигался, пока говорил, пригнувшись. — Прыжок, другой, и удар в бок повалил его, — Петр замер. Пес прижимался животом к краю полянки, не сводя взгляда с хозяина. — Но кто ударил? — прошептал он.

Коля думал о том же.

— Следов нет, — сказал он. Его длинный нож зашипел, покидая ножны. — Нет. Даже нет признаков, что их замели.

— Посмотри на собаку, — сказал Петр. Пес выпрямился и посмотрел на брешь среди деревьев. Шерсть на его спине стояла дыбом, он рычал, скалясь. Мужчины тут же повернулись. Нож Петра быстро оказался в его руке. Он, казалось, заметил движение, темную тень в полумраке, но потом это пропало. Пес издал резкий и высокий лай, боялся, но прогонял.

Петр щелкнул пальцами. Коля повернулся с ним. Они пересекли поляну в крови и поспешили в деревню без слов.

* * *

День спустя, когда Родион постучал в дверь Константина, священник рассматривал краски в свете свечи. Края заплесневели от сырости. Снаружи был день, но окна священника были маленькими, дождь скрывал солнце. Комната была бы тусклой без свечей.

«Слишком много свечей, — подумал Родион. — Ужасная трата».

— Батюшка, — сказал Родион.

— Господь с тобой, — сказал Константин. Комната была холодной, плечи священника окутывало одеяло. Он не предложил этого Родиону.

— Петр Владимирович и его сыновья ходили охотиться, — сказал Родион. — Но они не говорят о добыче. Вы ничего не слышали?

— Не слышал, — ответил Константин.

Дождь лился и дальше.

Родион нахмурился.

— Не могу представить, зачем они пошли с копьями, но оставили собак. И погода ужасна для поездки.

Константин молчал.

— Пусть Бог дарует им успех, каким бы он ни был, — продолжил Родион. — Мне нужно уехать через пару дней, и мне не нужно знать, что вызвало такой взгляд у Петра Владимировича.

— Я буду молиться за вашу безопасность в пути, — сказал Константин.

— Благодарю, — ответил Родион, не замечая, что его выгоняют. — Знаю, вы не любите, когда вам мешают. Но я хочу попросить совета, брат.

— Спрашивайте, — сказал Константин.

— Петр Владимирович хочет, чтобы его дочь приняла обет, — сказал Родион. — Он дает мне слова и деньги, чтобы я подготовил монастырь к ее прибытию. Он говорит, что с ней прибудет дань, как только будет снег для саней.

— Это долг, брат, — сказал Константин, но оторвал взгляд от красок. — О чем вопрос?

— Она не подходит для монастыря, — сказал Родион. — Это увидит и слепой.

Константин стиснул зубы, Родион с удивлением увидел гнев в его глазах.

— Она не может выйти замуж, — сказал Константин. — В этом мире ее ждет только грех, лучше ей уйти. Она будет молиться за душу отца. Петр Владимирович стар, он будет рад ее молитвам, когда отправится к Богу.

Это все было хорошо. И все же Родион ощущал угрызения совести. Дочь Петра напоминала ему брата Александра. Хотя Саша был монахом, он не оставался долго в Лавре. Он ездил по Руси на боевом коне, очаровывал и боролся. На его спине был меч, он был советником князей. Но такая жизнь была невозможна для монашки.

— Я это сделаю, — с неохотой сказал Родион. — Петр Владимирович принял меня, я не могу отплатить иначе. Но, брат, передумайте. Кто — то точно решит жениться на Василисе Петровне. Она не протянет долго в монастыре. Дикие птицы умирают в клетках.

— И? — рявкнул Константин. — Благословенны те, кто мало проводят в этом зле, а сразу отправляются к Богу. Я могу лишь надеяться, что ее душа будет готова к встрече. А теперь, брат, я хотел бы помолиться.

Родион без слов перекрестился и вышел, моргая в тусклом свете дня. Ему было жаль девушку.

«В той комнате так много теней», — подумалось ему.

* * *

Петр и Коля не раз ходили на охоту со своими людьми до снега. Дождь не прекращался, хотя становился холоднее, и их сила угасала в мокрые дни. Но они старались. Они не нашли следов того, что разорвало оленя на куски. Люди ворчали, начали возмущаться. Усталость мешала верности, и никто не сожалел, когда холод остановил охоту.

Но тогда пропала первая собака.

Она была высокой, бесстрашно бегала на кабана, но ее нашли у частокола без головы и в крови в снегу. Вокруг нее из следов были только отпечатки ее же лап.

Люди ходили в лес парами с топорами за поясом.

Но тогда пропал пони, хоть был привязан к саням для хвороста. Сын его хозяина вернулся с охапкой бревен, увидел пустые следы и красную лужу на грязи. Он выронил бревна и топор и побежал в деревню.

Страх охватил деревню, страх звучал в шепоте, опутывал всех паутиной.

Ноябрь ревел черными листьями и серым снегом. Таким утром отец Константин стоял у окна, обводил кистью тонкую ногу белого коня святого Георгия. Работа поглотила его, все было тихим. Но тишина будто слушала. Константин сам прислушивался. Заговорит ли с ним голос?

Когда кто — то поскребся в дверь, рука Константина дрогнула и чуть не размазала краску.

— Войдите, — прорычал он, отложив кисть. Это точно была Анна Ивановна с горячим молоком и восхищенными глазами.

Но это была не Анна Ивановна.

— Отец, благослови, — сказала Агафья, служанка.

Константин начертил крест.

— Бог с тобой, — но он злился.

— Не посчитайте оскорблением, батюшка, — прошептала девушка, заламывая натруженные руки. Она замерла на пороге. — Мне бы минутку.

Священник сжал губы. Перед ним на дубовой панели ехал святой Георгий. У его коня было только три ноги. А четвертая, что еще не была нарисована, будет изящно поднята, чтобы ударить по голове змея.

— Что вы хотите мне сказать? — Константин попытался смягчить голос. Получилось не полностью, она побледнела и отпрянула. Но не ушла.

— Мы были христианами, батюшка, — прошептала она. — Мы дали обет, мы поклоняемся иконам. Но так тяжело еще не было. Наши сады затопили летние дожди, мы будем голодать зимой.

Она замолчала, облизнула губы.

— И я подумала — само пришло в голову — а если мы оскорбили старых? Например, Чернобога, любящего кровь? Бабушка всегда говорила, что будет катастрофа, если он обернется против нас. И я теперь боюсь за сына, — она посмотрела на него.

— Лучше бояться, — прорычал Константин. Его пальцы хотели взять кисть, он взывал к терпению. — Это показывает ваше покаяние. Это время испытаний, Бог проверяет, верны ли вы ему. Держитесь, и вы увидите такое царство, что вы его и не представляли. Вы говорите об иллюзиях, что искушают несведущих. Придерживайтесь истины, все будет хорошо.

Он отвернулся к краскам. Но ее голос зазвучал снова:

— Мне не нужно царство, батюшка, только достаточно еды для сына на зиму. Марина Ивановна придерживалась старых традиций, и наши дети не страдали.

Лицо Константина стало таким, как у святого с копьем перед ним. Агафья отпрянула к двери.

— И теперь Бог наказывает вас, — прошипел он. Его голос был черной водой, подернутой льдом. — Думали, что раз наказания не было два года или десять лет, то вам это простят? Процесс медленный.

Агафья дрожала, как птица в сетях.

— Прошу, — прошептала она, поцеловав его пальцы. — Вы попросите нас простить? Не ради меня, а ради моего сына.

— Я постараюсь, — сказал он мягче, опустив ладонь на ее склоненную голову. — Но вам нужно сперва попросить самим.

— Да... да, батюшка, — она посмотрела с благодарным видом.

Когда она вышла в серый день и закрыла за собой дверь, тени на стене потянулись, как коты.

— Отлично, — голос дрожал в костях Константина. Священник застыл, его нервы пылали. — Они должны бояться меня, чтобы быть спасенными.

Константин отбросил кисть и опустил на колени.

— Я хочу лишь радовать вас.

— Я рад, — сказал голос.

— Я пытался наставить этих людей на путь истины, — сказал Константин. — Я лишь хочу спросить... я хотел спросить...

Голос был нежным.

— Что ты хотел спросить?

— Прощу, — сказал Константин, — позвольте увидеть задание здесь завершенным. Я понесу ваше слово к краям земли, если попросите. Но лес так мал.

Он склонил голову и ждал.

Голос весело рассмеялся, и Константину показалось, что его душа от радости вылетит из тела.

— Конечно, тебе стоит идти, — сказал он. — Еще одна зима. Жертва и верность. А потом ты покажешь мое величие миру, и я буду с тобой навеки.

— Только скажите, что делать, — сказал Константин. — Я буду верен.

— Я хочу, чтобы ты взывал ко мне, когда говоришь, — сказал голос. Другой услышал бы в нем рвение. — И когда молишься. Зови меня каждый вдохом, зови по имени. Я — вестник бурь. Я буду среди вас и дам тебе благодать.

— Будет сделано, — пылко сказал Константин. — Будет сделано, как вы скажете. Только не оставляйте меня.

Свечи затрепетали от довольного протяжного вздоха.

— Слушайся меня всегда, — ответил голос, — и я тебя не оставлю.

* * *

На следующий день солнце пряталось за тучами, бросало призрачный свет на мир, лишенный цвета. Днем пошел снег. Все из хозяйства Петра, дрожа, пошли в церквушку, столпились внутри. Там горели лишь свечи. Вася почти слышала снег снаружи, погребаящий их до весны. Он закрывал свет, но свечи озаряли священника. Кости его лица отбрасывали изящные тени. Он был схож со своими иконами, он никогда не был таким красивым.

Иконостас был завершен. Последняя икона с Христом была над дверью. Он сидел над бурей, и Вася не понимала выражение его лица.

— Я взываю к Троице, — сказал тихо и ясно Константин. — Бог позвал меня стать его слугой. Голос из тьмы, любитель бурь. Прибудь к нам.

И он громче начал службу:

— Благословен будь Господь, — сказал Константин. Его глаза были большими темными впадинами, но голос трепетал с огнем. Служба длилась. Он говорил, и люди забыли о холоде, влаге, о грядущем голоде. Казалось, Христос над дверьми давал благословение рукой. — Внемлите, — сказал Константин. Его голос стал тише, и они прислушались. — Среди нас зло, — собравшиеся переглядывались. — Оно пробирается в наши души по ночам в тишине. Ждет несведущих, — Ирина прижалась к Васе, и та обвила ее рукой. — Только вера, — продолжал Константин, — только молитва, только Бог спасут вас, — его голос становился все громче. — Бойтесь и кайтесь. Это ваше спасение. Иначе вы будете гореть. Гореть!

Анна закричала. Ее визг отражался эхом по церквушке, глаза выпучились под посиневшими веками.

— Нет! — закричала она. — Не здесь! Не здесь!

Ее голос будто раскалывал стены, усиливался, будто кричала сотня женщин.

За миг до того, как воцарился хаос, Вася проследила за пальцем мачехи. Христос над дверью улыбался, хотя раньше был серьезным. Его два зуба, как у пса, задевали нижнюю губу.

Вместо двух глаз у него был один. Другая сторона лица была в голубых шрамах, глаз был грубо зашит.

Вася подумала, что где — то уже видела это лицо, пока боролась со страхом.

Но она не успела подумать. Люди по сторонам от нее зажали уши, падали или толкались к безопасности. Анна стояла одна. Она смеялась и плакала, царапала воздух. Никто ее не трогал. Ее крики отражались от стен. Константин пробился к ней и ударил ее по лицу. Она притихла, всхлипывая, но шум продолжался, словно кричали иконы.

Вася схватила Ирину в начале хаоса, чтобы ее не сбили с ног. Через миг Алеша появился и обвил сильными руками Дуню, маленькую, как ребенок, хрупкую, как листья в ноябре. Они цеплялись друг за друга. Люди бегали и кричали.

— Мне нужно к маме, — извивалась Ирина.

— погоди, птишка, — сказала Вася. — Тебя затопчут.

— Матерь божья, — сказал Алеша. — Если кто — то узнает, что у Ирины такая мать, никто никогда не женится на ней.

— Никто не узнает, — рывкнула Вася. Ее сестра побледнела. Она хмуро посмотрела на брата, толпа толкала их к стене. Они с Алешей закрывали Дуню и Ирину телами.

Вася посмотрела на иконостас. Он был прежним. Христос сидел на троне над миром, подняв руку для благословения. Ей показалось другое лицо? Но почему тогда Анна кричала?

— Тихо!

Голос Константина прозвенел как дюжина колоколов. Все застыли. Он стоял перед иконостасом, подняв руку, как на иконе над его головой.

— Дураки! — прогремел он. — Вы — дети, раз испугались женского крика? Встаньте. Тихо. Бог защитит нас.

Они сбились, как отруганные дети. Голос священника делал то, чего не могли вопли Петра. Они покачивались. Анна содрогалась, рыдала, пепельная, как небо на рассвете. Бледнее был только сам священник. Свет свечей был наполнен странными тенями. И на иконостас падала не тень человека.

Вася размышляла, пока служба продолжилась. Бог здесь? Черти не могли войти в церковь, они были существами этого мира, а церковь — следующего.

Но она видела тень.

* * *

Петр привел жену домой, как только смог. Ее дочь раздела ее и уложила в кровать. Но Анна плакала, ее тошнило, это не прекращалось.

Ирина в отчаянии побежала в церковь. Она нашла отца Константина на коленях перед иконостасом. После службы люди целовали его руку и просили спасти их. Он выглядел спокойно. Даже торжествующе. Но теперь он казался Ирине самым одиноким в мире.

— Вы придете к моей матери? — прошептала она.

Константин дрогнул и обернулся.

— Она рыдает, — сказала Ирина, — без остановки.

Константин не говорил, он прислушивался. Когда все покинули церковь, Бог пришел к нему в дыме погашенных свечей.

— Прекрасно, — шепот посылал дым извиваться у пола. — Они были так напуганы, — голос звучал почти злорадно. Константин молчал. На миг он подумал, вдруг он безумец, и это голос его сердца. Но нет. Конечно, нет. Это были лишь его сомнения.

— Я рад, что вы были среди нас, — прошептал тихо Константин. — Чтобы вести людей к истине.

Но голос не ответил, церковь затихла.

Константин громче сказал Ирине:

— Да, я приду.

* * *

— Здесь отец Константин, — сказала Ирина, впуская священника в комнату матери. — Он успокоит тебя. Я принесу ужин, Вася уже греет молоко, — она убежала.

— Церковь, батюшка? — рыдала Анна Ивановна, они остались вдвоем. Она желала на кровати, укутанная в меха. — В церкви никогда...

— Вы говорите глупости, — сказал Константин. — Церковь защищена Богом. Только он там является, а еще его святые и ангелы.

— Но я видела...

— Вы ничего не видели! — Константин прижал ладонь к ее щеке. Она дрожала. Его голос стал ниже, очаровывал. Он коснулся ее губ указательным пальцем. — Вы ничего не видели, Анна Ивановна.

Она подняла дрожащую ладонь и коснулась его руки.

— Я ничего не увижу, если вы мне так скажете, батюшка, — она покраснела как девочка. Ее волосы потемнели от пота.

— Так ничего не видите, — сказал Константин и убрал руку.

— Я вижу вас, — это было едва слышно. — Порой я вижу лишь вас. В этом ужасном мире с холодом, чудищами и голодом. Вы — свет для меня, — она поймала его руку, приподнялась на локте. Ее глаза были в слезах. — Прощу, батюшка, — сказала она. — Я хочу быть ближе.

— Вы безумны, — он оттолкнул ее руки и ушел. Она была мягкой и старой, изъеденной страхом и погибшими надеждами. — Вы замужем. Я отдал себя Богу.

— Не так! — в отчаянии закричала она. — Не так. Я хочу, чтобы вы видели меня, — она лепетала, сглотнув. — Видели меня. Вы видите мою падчерицу. Следите за ней. Как я слежу за вами. Почему не я? Почему? — она заголосила.

— Тише, — он прижал ладонь к двери. — Я вас вижу. Но, Анна Ивановна, видеть тут мало. Дверь был тяжелой. Из — за нее и дальше слышались рыдания.

* * *

В тот день люди оставались у печей, пока падал снег. Но Вася выбежала к лошадям.

«Он идет», — Мышь закатила дикий глаз.

Вася пошла к отцу.

— Нам нужно увести лошадей за частокол, — сказала она. — До сумерек.

— Зачем лишние дела, Вася? — рявкнул Петр. Снег густо падал, оставаясь на их шапках и плечах. — Тебе нужно уйти. В безопасность. Но ты напугала кавалера, и теперь ты здесь зимой.

Вася не ответила. Она не могла, ведь ясно видела, что отец боится. Она еще не видела его страх. Она хотела спрятаться в печи, как ребенок.

— Прости, отец, — сказала она, совладав с собой. — Эта зима пройдет, как и другие. Но я думаю, что этой ночью лошадей нужно завести во двор.

Петр глубоко вдохнул.

— Ты права, дочь, — сказал он. — Права. Идем, я тебе помогу.

Лошади чуть успокоились, когда калитку закрыли. Вася лично увела Мышь и Бурана в загон, остальные лошади ходили по двору. Маленький вазила вложил ладонь в ее руку.

— Не оставляй нас, Вася.

— Меня ждет суп, — сказала Вася. — Дуня зовет. Но я вернусь.

Она ела суп в узком стойле Мыши, кормила лошадь хлебом. Потом Вася укуталась в попону и считала тени на стене конюшни. Вазила сел рядом с ней.

— Не уходи, Вася, — сказал он. — Когда ты тут, я вспоминаю о своей силе, вспоминаю, что

не боюсь.

И Вася осталась, дрожала в сене и попоне. Ночь была очень холодной. Она думала, что не уснет.

Но уснула, ведь проснулась, замерзнув, когда взошла луна. Было темно. Даже Вася с ее кошачьим зрением, едва могла разглядеть Мышь над собой. Мгновение было тихо. А потом послышался тихий смех. Мышь фыркнула и попятилась, вскидывая голову. Белизна показалась вокруг ее глаза.

Вася встала в тишине, попона упала. Холодный воздух погружал клыки в ее плоть. Она пробралась к двери конюшни. Луны не было, тучи закрывали звезды. Снег еще падал.

По снегу пробирался тихий, как снежинки, мужчина. Он двигался от тени к тени. Он выдохнул и рассмеялся. Вася приблизилась. Она не видела лица, только лохмотья и жесткие волосы.

Мужчина подошел к дому, коснулся двери. Вася крикнула, а мужчина вошел на кухню. Не было звука плоти или дерева, он прошел сквозь дверь как дым.

Вася бросилась по двору, блестящему девственным снегом. Мужчина не оставил следов. Снег был густым и мягким. Тело Васи казалось тяжелым, но она бежала, крича, пока не добралась до дома. Мужчина выпрыгнул во двор, словно зверь упав на четвереньки. Он смеялся.

— О, — сказал он, — как давно это было. Как милы дома людей. О, как она кричала...

Он заметил Васю, девочка замерла. Она знала шрамы, один серый глаз. Это было лицо на иконе, лицо... спящего в лесу годы назад. Как такое возможно?

— Что тут? — сказал мужчина. Он замер. Она увидела, что он вспомнил. — Я помню девочку с твоими глазами. Но теперь ты женщина, — он посмотрел на нее, словно хотел вырвать из ее души секрет. — Ты — маленькая ведьма, искушающая моего слугу. Но я не видел... — он приближался.

Вася пыталась убежать, но ноги не слушались. Его дыхание воняло горячей кровью, летело волнами к ее лицу. Она собрала смелость.

— Я никто, — сказала она. — Уходите. Оставьте нас.

Его теплые пальцы подняли ее подбородок.

— Кто ты, девочка? — а потом ниже. — Смотри на меня, — в его глазе крылось безумие. Она знала, что не должна смотреть, но его пальцы крепко держали, и она вот — вот...

Ледяная ладонь схватила ее и оттащила. Она ощутила запах холодной воды и раздавленной хвои. Голос над ее головой сказал:

— Еще нет, брат. Уйди.

Вася не видела говорившего, только изгиб черного плаща, но она видела одноглазого мужчину. Он улыбался, кривясь от смеха.

— Еще нет? Но все сделано, брат, — сказал он. — Готово, — он подмигнул Васе здоровым глазом и пропал. Черный плащ вокруг Васи стал целым миром. Она мерзла, лошади нервничали, вдали кто — то кричал.

А потом Вася проснулась, заоченевшая, дрожащая, на полу конюшни. Мышь прижала теплый нос к щеке девочки. И хотя Вася проснулась, крик еще было слышно. Он не утихал. Вася вскочила на ноги, отогнав кошмар. Лошади ржали, били стены конюшни. Лошади во дворе паниковали. Одноглазой фигуры не было. Это был сон, так решила Вася. Она побежала среди лошадей, огибая тяжелые тела.

Кухня была ульем злых ос. Ее братья прибывали, сонные и вооруженные, Ирина и Анна Ивановна стояли на пороге с другой стороны. Слуги бегали туда — сюда, крестились, молились и держались друг за друга.

А потом пришел ее отец, большой и уверенный, с мечом в руке.

— Тихо, — сказал он суевающимся людям. Отец Константин ворвался за ним.

Кричала маленькая служанка Агафья. Она сидела на матрасе. Ее побелевшие ладони сжимали шерстяное покрывало. Она прокусила нижнюю губу так, что кровь текла по подбородку, в глазах виднелись белки, она не моргала. Крики пронзали воздух, как сосульки, падающие с крыш.

Вася пробилась к ней через испуганную толпу. Она схватила девушку за плечи.

— Агафья, слушай, — сказала она. — Все хорошо. Ты в безопасности. Тише. Тишу, — она крепко обняла девушку, Агафья застонала и притихла. Ее большие глаза посмотрели на Васю. Она сглотнула и попыталась заговорить. Вася склонилась к ней:

— Он пришел за моими грехами, — выдавила она. — Он... — она вдохнула.

Мальчик пробирался через толпу.

— Мама, — закричал он. — Мама! — он бросился к ней, она не реагировала.

Ирина вдруг оказалась там с мрачным лицом.

— Она потеряла сознание, — сказала она серьезно. — Ей нужен воздух и вода.

— Это лишь кошмар, — сказал отец Константин Петру. — Лучше оставить ее женщинам.

Петр мог ответить, но никто не слушал, Вася закричала в шоке и ярости. Вся комната содрогнулась от нового страха.

Вася смотрела в окно. А потом...

— Нет, — сказала она, взяв себя в руки. — Простите, я... ничего. Ничего, — Петр нахмурился, слуги смотрели на нее с подозрением и шептались.

Дуня подвинулась к Васе, ее дыхание хрипело в груди.

— Девушки всегда видят кошмары к перемене погоды, — прохрипела Дуня, чтобы в комнате слышали. — Дитя, принеси воду и медовуху, — она строго посмотрела на Васю.

Вася молчала. Она посмотрела на окно. Ей показалось на миг, что она увидела лицо. Но этого не могло быть, это лицо было из ее сна, с одним глазом и голубыми шрамами. Он улыбался и подмигивал ей за слоем инея.

* * *

Как только стало светлее, Вася пошла искать домового. Она искала, пока солнце не поднялось высоко, искала и днем, избегая работы. Солнце склонилось в закате, когда она смогла вытащить существо из печи. Его борода обгорела по краям. Он был худым, горбился, его одежда была грязной, а вел он себя сломлено.

— Прошлой ночью, — сказала Вася без отступлений, глядя обожженную руку. — Я увидела лицо во сне, а потом в окне. Один глаз и улыбка. Кто это?

— Безумие, — ворчал домовый. — Аппетит. Спит, ест. Я не мог отогнать.

— Ты должен стараться, — рявкнула Вася.

Но домовый блуждал взглядом, приоткрыв рот.

— Я слаб, — лепетал он. — И страж леса слаб. Наш враг ослабил цепи. Скоро он будет свободен. Я не могу отогнать его.

— Кто враг?

— Аппетит, — сказал домовый. — Безумие. Ужас. Он хочет съесть мир.

— Как я могу одолеть его? — спросила Вася. — Как можно защитить дом?

— Подношения, — пробормотал домовый. — Хлеб и молоко усилят меня. И, может, кровь. Но ты — одна девушка, я не могу взять твою жизнь. Я угасну. Пожиратель придет снова.

Вася встряхнула домового, и его челюсти щелкнули. Его тусклые глаза стали яснее, он выглядел потрясенно.

— Ты не угаснешь, — рявкнула Вася. — Ты можешь взять мою жизнь. И возьмешь. Чтобы одноглазый не вошел снова. Нельзя его впускать.

Молока не было, но Вася украла хлеб и сунула в руку домового. Она делала это каждую ночь после этого, лишая себя части еды. Она порезала руку, испачкала своей кровью подоконники и у печи. Она прижала окровавленную ладонь ко рту домового. Ее ребра стало видно из — под кожи, ее глаза стали впавшими, кошмары не давали спать. Но ночи — одна, две, дюжина — быстро проносились, больше никто не кричал, что что — то не так. Домовой держался, пока влиwała в него силу.

Но маленькая Агафья больше не заговорила разумно. Порой она молила то, что никто не видел: святых и ангелов, одноглазого медведя. Потом она говорила о мужчине на белой лошади. Одной ночью она выбежала из дома, рухнула в снег с синими губами и умерла.

Женщины готовили тело спешно. Отец Константин стоял рядом с ней, губы были белыми, лицо нельзя было прочесть. Он часами сидел рядом с ней, не молился вслух. Слова будто застревали в его горле.

Они похоронили Агафью в свете зимнего дня, пока лес стонал вокруг них. В сумерках они поспешили к печам. Малыш Агафьи звал маму, его вой туманом висел над тихой деревней.

* * *

Ночью после похорон сон впился в Дуню как челюсти зверя, как болезнь. Она стояла в мертвом лесу с обрубками почерневших деревьев. Дым скрывал звезды, огонь трепетал у снега. Лицо демона холода было маской, его кожа была сильно натянута. Его тихий голос пугал Дуню сильнее крика.

— Почему ты медлишь?

Дуня собралась с силами.

— Я люблю ее, — сказала она. — Она мне как дочь. Ты — зима, Морозко. Ты смерть, ты — холод. Ты не можешь ее получить. Она отдаст жизнь Богу.

Демон холода с горечью рассмеялся.

— Она умрет в темноте. Каждый день сила моего брата прибывает. Она увидела его, когда не следовало. Теперь он знает, какая она. Он убьет ее, если сможет, заберет ее себе. И вы будете обречены, — голос Морозко немного смягчился. — Я могу спасти ее, — сказал он. — Я могу всех вас спасти. Но она должна получить кристалл. Иначе...

Дуня увидела, что огонь трепетал от ее горящей деревни. Лес наполнили жуткие создания, чьи лица она знала. Среди них выделялся улыбающийся одноглазый мужчина, а рядом с ним стояла высокая худая тень, бледная как труп, с тусклыми волосами.

— Ты дала мне умереть, — сказал призрак голосом Васи. Ее зубы сверкали между кровавых губ.

Дуня сжала кулон и вытянула руку. Он сверкал в мире без формы и из тьмы.

— Я не знала, — пролепетала Дуня. Она потянулась к мертвой девушке, кулон свисал с ее кулака. — Вася, возьми его. Вася! — но одноглазый смеялся, девушка не шевелилась.

А потом демон холода встал между ней и ужасом, схватил ее за плечи ледяными руками.

— Времени нет, Авдотья Михайловна, — сказал он. — Когда вы увидите меня в следующий раз, я поманю, и вы пойдете, — его голос был голосом леса, отдавался эхом в ее костях, дрожал в ее горле. Дуня сжалась от страха и уверенности. — Но ты можешь ее спасти до этого, — продолжил он. — Ты должна ее спасти. Отдай ей кулон. Спаси всех.

— Да, — прошептала Дуня. — Будет по — твоему. Клянусь. Клянусь...

И ее голос разбудил ее.

Но холод горящего леса и прикосновения демона холода остался. Кости Дуни дрожали, пока не стало казаться, что они вываливаются из кожи. Она видела демона холода, отчаявшегося и напряженного, смеющегося лицо его брата с одним глазом. Два лица слились в одно. Голубой камень в ее кармане, казалось, пылал ледяным пламенем. Ее кожа почернела и потрескалась,

когда ее ладонь сомкнулась на нем.

20

Подарок незнакомца

Вася ходила к лошадям каждое утро с первым светом в те короткие серые дни сразу после отца. Они боялись за животных. По ночам лошадей запирали во дворе, в безопасности забора, в конюшню заводили столько, сколько умещалось. Но днем они сами бродили по серым пастбищам и рыли траву в снегу.

Ярким горьким утром почти в середине зимы Вася побежала с лошадьми в поле верхом на голой спине Мыши. Но как только лошади остановились, девушка слезла и посмотрела на кобылицу, хмурясь. Было видно ребра за коричневой шкурой.

«Он снова придет, — сказала кобылица. — Чуешь это?».

У Васи не было носа лошади, но она повернулась к ветру. На миг она ощутила гнилые листья, горло сдавило.

— Да, — мрачно сказала она, кашляя. — Псы тоже чуяли. Они скулили, когда их выпускали, бежали в будки. Но я не дам ему навредить тебе.

Она пошла от лошади к лошади с яблочными обрезками и добрыми словами. Мышь следовала за ней как собака. У края стаи Буран рыл землю копытом, бросая вызов ждущему лесу.

— Тише, — сказала Вася. Она встала рядом с жеребцом и коснулась ладонью его горячей спины.

Он злился, словно видел соперника среди своих кобылиц, и он чуть не ударил ее, а потом совладал с собой.

«Пусть идет! — он встал на дыбы, ударяя передними ногами. — В этот раз я убью его».

Вася уклонилась от копыт, прижалась телом к его.

— погоди, — сказала она ему на ухо.

Он повернулся, щелкнул зубами, но Вася прижалась ближе, и он не смог достать ее. Она говорила тихо:

— Прибереги силы.

«Жеребцы слушаются кобылиц», — Буран опустил голову.

— Когда наступит час, ты должен быть сильным и спокойным, — сказала Вася.

«Твой брат», — сказала Мышь. Вася повернулась и увидела Алешу без шапки, бегущего к ней от калитки.

Вася тут же забралась на спину Мыши. Кобылица побежала по полю, разбрасывая замерзшую землю. Приближалась ограда пастбища, но Мышь перемахнула через нее и бежала.

Вася встретила Алешу у частокола.

— Это Дуня, — сказал Алеша. — Она не просыпается. Она зовет тебя.

— Идем, — сказала Вася, и Алеша побежал перед ней.

* * *

На кухне было жарко, печь ревела, раскрыв пасть. Дуня лежала на печи с открытыми глазами, но не видела, заламывала руки. Она бормотала себе под нос. Ее кожа натянулась на костях так, что Вася почти могли видеть ток крови. Она быстро забралась на печь.

— Дуня, — сказала она. — Дуня, проснись. Это я. Это Вася.

Открытые глаза моргнули, и все. Вася ощутила панику, но подавила ее. Ирина и Анна сидели в углу с иконами и молились. Слезы катились по лицу Ирины, и она не была красивой, когда плакала.

— Горячая вода, — рывкнула Вася, обернувшись. — Ирина, ради Бога, молитвы не согреют ее. Свари суп, — Анна едко посмотрела на нее, но Ирина удивительно быстро вскочила на ноги и схватила котелок.

Весь день Вася сидела рядом с Дуней на печи. Она укутала хрупкое тело няни в одеяла, попыталась влить бульон в ее горло. Но жидкость вытекала из ее рта, и она не просыпалась. Весь день проносились тучи, и свет дня темнел.

Днем Дуня вдохнула, словно пыталась сглотнуть, и схватила руки Васи. Вася удивленно отпрянула. Сила в хватке няни поразила ее.

— Дуня, — сказала она.

Глаза старушки блуждали.

— Я не знала, — прошептала она. — Я не видела.

— Ты будешь в порядке, — сказала Вася.

— У него один глаз. Нет, у него голубые глаза. Они схожи. Они братья. Вася, помни... — ее рука упала, она замерла, бормоча под нос.

Вася влиwała горячее в рот Дуни. Ирина поддерживала огонь. Но пульс старушки угасал вместе со светом дня. Она перестала шептать и лежала с открытыми глазами.

— Еще нет, — сказала она пустому углу, порой она кричала. — Прощу, — говорила она. — Пожалуйста.

День темнел, дом и деревня притихли. Алеша ушел за хворостом, Ирина — к матери.

Когда голос Константина нарушил тишину, Вася чуть не выпрыгнула из кожи.

— Она жива? — сказал он. Тени падали на него как плетеная накидка.

— Да, — сказала Вася.

— Я буду молиться за нее, — сказал он.

— Нет, — рывкнула Вася, слишком уставшая и напуганная для вежливости. — Она не умрет.

Константин подошел ближе.

— Я могу ослабить ее боль.

— Нет, — повторила Вася. Она почти плакала. — Она не умрет. Прощу, уйдите.

— Она умирает, Василиса Петровна. Это мое место.

— Нет! — голос Васи вырвался с болью из горла. — Она не умрет. Я ее спасу.

— Она умрет к утру.

— Вы хотите, чтобы мой народ любил вас, так что вызвали в них страх, — Вася побелела от ярости. — Я не хочу страха для Дуни. Прочь.

Константин открыл рот, а потом закрыл. Он резко развернулся и ушел из кухни.

Вася тут же забыла про него. Дуня не просыпалась. Она лежала со слабым пульсом, ее дыхание едва ощущалось на дрожащей ладони Васи.

Наступила ночь. Алеша и Ирина вернулись, на кухне пошумели, готовя ужин. Вася не ела. Время шло, кухня опустела, и остались лишь четверо — Дуня и Вася, Ирина и Алеша. Последние спали на печи. Вася кивала, задремав.

— Вася, — сказала Дуня.

Вася проснулась с всхлипом. Голос Дуни был слабым, но различимым.

— Ты в порядке, Дуняшка. Я знала.

Дуня беззубо улыбнулась.

— Да, — сказала она. — Он ждет.

— Кто ждет?

Дуня не ответила. Она с трудом дышала.

— Васечка, — сказала она, — твой отец дал мне кое — что для тебя на хранение. Я должна это тебе отдать.

— Позже, Дуняшка, — сказала Вася. — Ты должна отдохнуть.

Но Дуня уже искала в кармане юбки напряженной рукой. Вася открыла карман за нее и вытащила что — то твердое, укутанное в мягкую ткань.

— Открой, — прошептала Дуня. Вася послушалась. Кулон был из бледного сияющего металла, ярче серебра, в форме снежинки или звездой с множеством лучей. Серебристо — синий камень горел в центре. У Анны не было таких камней, Вася такие еще не видела.

— Но что это? — ошеломленно спросила она.

— Талисман, — Дуня тяжело дышала. — В нем сила. Прячь его. Не говори о нем. Если отец спросит, ты ничего не знаешь.

Безумие. Вася нахмурилась, но надела цепочку через голову. Кулон повис между ее грудей, невидимый под одеждой. Дуня вдруг напряглась, ее сухие пальцы скользнули по руке Васи.

— Его брат, — прошипела она. — Он злится, что камень у тебя. Вася. Вася, ты должна... — она затихла с кашляньем.

Снаружи раздался хищный смех.

Вася застыла с колотящимся сердцем. Снова? В прошлый раз ей снилось. А потом шаркнули ноги. Еще и еще. Вася сглотнула и бесшумно слезла с печи. Домой сидел в печи, хрупкий и напряженный.

— Он не войдет, — сказал яростно домовый. — Я его не впущу. Не впущу.

Вася погладила его по голове и прошла к двери. Зимой ничего не пахло гнилью, но у порога она уловил запах, от которого замутило желудок. При этом холодом вспыхнул кулон на ее груди. Она тихо выдохнула с болью. Будить Алешу? Будить дом? Но что это было? Домовой сказал, что не пустит его.

«Я посмотрю, — подумала Вася. — Я не боюсь», — она ушла за дверь кухни.

— Нет, — выдохнула Дуня с печи. — Вася, нет, — она чуть повернула голову. — Спаси ее, — прошептала она в пустоту. — Спаси ее, а меня пусть забирает твой брат.

* * *

Запах от этого был ужасным: смерть, мор и горячий металл. Вася пошла по следам. Быстрое движение в тени дома. Она заметила нечто, похожее на женщину, пригибающееся и в белой накидке, что тянулась по снегу. Двигалось существо как краб, словно у него было слишком много суставов.

Вася набралась смелости и подобралась ближе. Существо ходило от окна к окну, замирало там, порой протягивало дрожащую руку, но не трогало. Но у последнего окна — священника — оно напряглось, глаза засияли красным.

Вася побежала. Домовой сказал, что оно не пройдет. Но взмах бескровного кулака сорвал иней с рамы окна. Вася заметила серую кожу в свете луны. Белая накидка была простыней, существо под ней было голым.

«Мертвое, — подумала Вася. — Оно мертвое».

Серые руки схватились за высокий подоконник окна Константина, и она — Вася увидела длинные волосы — забралась в комнату. Вася замерла за окном, а потом последовала за существом. Она забралась с силой. Внутри было темно. Существо согнулось, рыча, над метавшейся фигурой на кровати.

Тени на стене, казалось, раздулись, словно могли сорваться с дерева. Вася, казалось, слышала голос: «Девчонка! Оставь его, он уже мой. Возьми девчонку, возьми ее...».

Боль в груди пронзила ее, кулон пылал холодом. Не думая, Вася подняла ладонь и закричала. Существо на кровати развернулось, лицо почернело от крови.

«Взять ее!» — прорычал теневой голос. Белые зубы мертвой блеснули в свете луны, она собиралась прыгнуть.

И тут Вася поняла, что рядом с ней есть кто — то еще — не мертвая, не голос из тени, а мужчина в темном плаще. Она не видела его лица в темноте. Он схватил ее за руку, пальцы впились в ее ладонь. Вася подавила крик.

«Ты мертво, — сказал новоприбывший существу. — Я все еще хозяин. Иди», — его голос был снегом в полночь.

Мертвая сжалась на кровати и взвыла. Тени на стене яростно вскинулись, рыча: «Нет, не слушай его. Он — ничто, я хозяин. Возьми ее...».

Вася ощутила, как распороли кожу на ее ладони, кровь капала на пол. Она ощутила дикое ликование.

— Уходи, — сказала она мертвой, словно уже знала слова. — Моя кровь не пустит тебя в это место, — она сжала ладонь на той, что держала ее за руку, пачкая кровью. На миг та ладонь была настоящей, холодной и твердой. Вася поежилась и посмотрела на незнакомца, но там уже никого не было.

Тени на стене, казалось, вдруг затрепетали, крича, мертвая оскалила тонкие зубы. Она закричала на Васю, повернулась и бросилась к окну. Она забралась на подоконник, прыгнула в снег и побежала в лес быстрее бегущей лошади, спутанные грязные волосы струились за ней.

Вася не провожала ее взглядом. Она уже была у кровати, убрала грязные покрывала, чтобы осмотреть рану на горле священника.

* * *

Голос Бога в тот вечер не заговорил с Константином Никоновичем. Он молился один час за часом, но мысли возвращались к другим словам.

«Василиса ошиблась, — думал Константин. — Что такое капля страха, если это спасает их души?».

Он уже хотел идти на кухню, чтобы сказать ей это. Но он устал и остался в комнате, молился, пока в темноте не перестала различаться облетающая с иконы позолота.

Он лег спать до восхода луны.

Во сне дева с нежными глазами сошла с деревянной панели. Неземной свет озарял ее лицо. Она улыбнулась. Он больше всего хотел ощутить ее ладонь на своем лице, получить ее благословение. Она склонилась над ним, но он ощутил не ладонь. Ее рот задел его лоб, глаза. Она прижала палец под его подбородком, ее рот нашел его губы. Она целовала его снова и снова. Даже во сне стыд боролся с желанием, он слабо пытался оттолкнуть ее. Но голубое одеяние ее было тяжелым, ее тело было углем рядом с его. И он сдался, повернул лицо к ней с отчаянным стоном. Она улыбнулась в его губы, словно его боль радовала ее. Ее рот спустился к его горлу со скоростью охотящегося сокола.

А потом она закричала, и Константин проснулся, прижатый дрожащим весом.

Священник вдохнул и закашлялся. Женщина зашипела и слезла с него. Он заметил грязные волосы и глаза — рубины. Существо бросилось к окну. Он увидел еще две фигуры в комнате, одна казалась синей, а другая темной. Синяя потянулась к нему.

Константин вяло попытался найти крест на шее. Но синим лицом оказалась Василиса Петровна, сама как икона, сплошные углы и большие глаза. Их взгляды на миг пересеклись, его глаза были огромным, а потом она коснулась руками его горла, и он потерял сознание.

* * *

Он не был ранен, его горло, рука и грудь не пострадали. Вася ощупывала в его, но тут в дверь постучали. Вася бросилась к окну и почти выпала во двор. Луна сияла над снежным двором. Она рухнула на землю и сжалась в тени дома, дрожа от холода после ужаса.

Она слышала, как люди ворвались в комнату и замерли. Вася схватилась руками, ей хватило роста, чтобы заглянуть внутрь. В комнате пахло разложением. Священник сел, держась за шею.

Отец Васи стоял над ним с фонарем.

— Вы в порядке, батюшка? — сказал Петр. — Мы слышали крик.

— Да, — ответил Константин, запинаясь, с большими глазами. — Да, простите. Наверное, кричал во сне, — мужчины на пороге переглянулись. — Лед появился, — сказал Константин. Он выбрался из кровати и пошатнулся на ногах. — От холода снятся кошмары.

Вася пригнулась, они посмотрели в сторону ее укрытия. Она пряталась в тени дома под окном и старалась не дышать.

Она услышала, как отец выдохнул и прошел к месту, где отвалился кусок льда. Тень его головы и плеч упала на нее, он выглядывал во двор. К счастью, он не посмотрел вниз. Во дворе ничто не двигалось. Петр закрыл ставни и запер их.

Но Вася не слышала этого. Как только ставни закрылись, она тихо побежала к зимней кухне.

* * *

Там было тепло и темно, как в утробе. Вася тихо прошла в дверь. Болело все тело.

— Вася? — сказал Алеша.

Вася забралась на печь. Алеша опустился рядом с ней.

— Все хорошо, Дуня, — сказала Вася, взяв няню за руки. — Ты будешь в порядке. Мы в безопасности.

Дуня открыла глаза. Она слабо улыбнулась.

— Марина будет гордиться, Васечка, — сказала он. — Я расскажу ей, когда увижу.

— Ничего подобного, — сказала Вася и попыталась улыбнуться, хотя в глазах были слезы. — Ты поправишься.

Старушка подняла холодную ладонь и с удивительной твердостью отодвинула Васю.

— Нет, — сказала она с тенью ее старой резкости. — Я увидела, как все мои малыши выросли, и я хочу просто умереть с тремя последними детьми рядом, — Ирина тоже проснулась, и Дуня нашла ее ладонь.

Алеша опустил ладонь поверх их рук. Он заговорил, пока Вася не возразила:

— Вася, все хорошо, — сказал он. — Ты должна ее отпустить. Зима будет жестокой, а она устала.

Вася покачала головой, но ее ладонь дрожала.

— Прощу, милая, — прошептала старушка. — Я так устала.

Вася замешкалась на миг, а потом слабо кивнула.

Старушка высвободила руку и схватила руку Васи обеими ладонями.

— Твоя мама благословила тебя перед смертью, я сделаю так же. Живи в мире, — она замолчала, словно слушала. — Помни старые истории. Сделай посох из рябины. Вася, будь осторожной. Будь смелой.

Ее ладонь упала, она притихла. Ирина, Алеша и Вася взяли ее за холодные руки, слушали ее дыхание. Дуня заговорила снова так тихо, что они склонились, чтобы услышать.

— Лешка, — прошептала она. — Споешь для меня?

— Конечно, — прошептал Алеша. Он замешкался, а потом глубоко вдохнул:

— *Еще совсем не так давно*

Цветы цвели весь год

И были тогда долгие дни,

Мы звезды видели в ночи,

Без страха жили мы.

Дуня улыбнулась. Ее глаза сияли, как у ребенка, в ее улыбке Вася увидела тень девушки, какой она была.

— *Но время шло, менялось все*

*И ветер подул с юга
Пришел огонь, копье и буря,
Печаль и темнота.*

Ветер поднялся снаружи, холодный ветер вздымал снег. Но они не ощущали это на печи. Дуня слушала, открыв глаза, глядя куда — то, но Вася ничего там не видела.

*— Но там, вдали местечко есть,
Луг с желтыми цветами,
Там солнце при своем восходе
Сверкает над берегами
И подгоняет пену
Туда, где все кончается,
И все...*

Алеша замолчал. Ветер распахнул дверь кухни, с визгом ворвался в комнату. Ирина издала вопль. С ветром вошла фигура в черном плаще, которую видела только Вася. Девушка задержала дыхание. Она видела его раньше. Фигура взглянула на нее и прижала холодные пальцы к горлу Дни.

Старушка улыбнулась.

— Я больше не боюсь, — сказала она.

А потом пришла тень. Она упала между фигурой в черном плаще и Дуней как топор на дерево.

— О, брат, — сказал голос тени. — Так беспечно? — тень улыбнулась черной большой улыбкой, казалось, схватила Дуню большими руками. Спокойствие на лице Дуни сменилось ужасом. Ее глаза выпучились, лицо покраснело. Вася казалась на коленях, ошеломленная, испуганная, содрогающаяся от всхлипов.

— Что вы делаете? — закричала она. — Отпустите ее! — ветер взревел в комнате, сначала ветер зимы, а потом хохочущий ветер летней бури.

Но ветер быстро утих, забрав с собой и тень, и мужчину в черном плаще.

— Вася, — сказал Алеша в тишине. — Вася, — Петр и Константин вбежали, мужчины — за ними. Петр покраснелся от холода, он не спал после случая в комнате священника, он с мужчинами патрулировал спящую деревню. Все слышали крики Васи.

Вася смотрела на Дуню. Дуня была мертва. Кровь была на ее лице, пена виднелась в уголках рта. Ее глаза выпучились, тьма в прудах красного.

— Она умерла в страхе, — тихо сказала Вася, дрожа. — Она умерла в страхе.

— Ну — ну, Васечка, — сказал Алеша. — Спускайся, — он попытался закрыть глаза Дуни, но они были слишком выпучены. Вася успела увидеть ужас на мертвом лице Дуни, пока спускалась с печи.

21

Бессердечное дитя

Они уложили Дуню в бане, а на рассвете пришли женщины, шумя, как кудахчущие куры. Они искупали дряхлое тело Дуни, укутали ее в лен и сидели рядом с ней. Ирина рыдала, сидя на коленях, прижав голову к коленям матери. Отец Константин тоже сидел на коленях, но не было видно, чтобы он молился. Его лицо было белым, как простыня. Он снова и снова дрожащей рукой касался не пострадавшего горла.

Васи там не было. Женщины не смогли найти ее.

— Она всегда была сорванцом, — шептались они. — Но я не думала, что она такая плохая.

Ее подруга мрачно кивнула, сжав губы. Дуня была для Василисы как мать после смерти Марины Ивановны.

— Это в крови, — сказала она. — Это видно по ее лицу. У нее глаза ведьмы.

* * *

С первым светом Вася выбралась наружу с лопатой на плече. Ее лицо было решительным. Она подготовилась и пошла искать брата. Алеша рубил дрова. Его топор свистел так сильно, что бревна разлетались в снег вокруг него.

— Лешка, — сказала Вася, — мне нужна твоя помощь.

Алеша моргнул, взглянув на сестру. Он плакал, кристаллы льда блестели на его каштановой бороде. Было очень холодно.

— Что, Вася?

— Дуня дала нам задание.

Юноша стиснул зубы.

— Не вовремя, — сказал он. — Зачем ты здесь? Женщины с ней, и ты должна быть там.

— Прошлой ночью, — спешно сказала Вася. — Там была мертвая. В доме. Упырь, как из сказок Дуни. Пришла, пока она умирала.

Алеша замолк. Вася смотрела ему в глаза. Его костяшки побелели, он снова опустил топор.

— Ты прогнала монстра? — сказал он с сарказмом между взмахами. — Моя сестренка? Сама?

— Дуня мне сказала, — ответила Вася. — Помнить истории. Сделать кол из дерева. Помнишь? Прошу, братец.

Алеша замер.

— Что ты предлагаешь?

— Мы должны избавиться от нее, — Вася глубоко вдохнула. — Нам нужно поискать побеспокоенные могилы.

Алеша нахмурилась. Губы Васи были белыми, а глаза — темными дырами.

— Посмотрим, — сказал Алеша с долей иронии. — Покопаем на кладбище. Отец ведь давно меня не бил.

Он сложил поленья и поднял топор.

Перед рассветом шел снег. На кладбище не было видно ничего, кроме смутных холмиков под сияющим снегом. Алеша посмотрел на сестру.

— Что теперь?

Вася невольно скривила губы.

— Дуня говорила, что нежить лучше всего находят девственники. Ходят кругами и утыкаются в правильную могилу. Поведешь, брат?

— Тебе не повезло, Васечка, — сказал Алеша с долей резкости, — ты не успела. Нам нужно похитить мальчика — крестьянина?

Вася изобразила праведное выражение лица.

— Где не справляется большая добродетель, стараться приходится меньшей, — сообщила она и пошла среди сияющих могил.

Она сомневалась, что тут дело в добродетели. Запах висел над кладбищем, как злой дождь, и вскоре Вася остановилась, кашляя, в знакомом углу. Они с Алешей переглянулись, и ее брат начал копать. Земля должна была не поддаваться из — за холода, но она была рыхлой, недавно вскопанной. Алеша убрал снег, и запах ударил так, что он отвернулся, кашляя. Сжав губы, он вонзил лопату в землю. Они удивительно быстро выкопали фигуру в простыне. Вася вытащила ножик и срезала ткань.

— Матерь божья, — сказал Алеша и отвернулся.

Вася молчала. Кожа Агафьи была серо — белой, как у трупа, но губы были вишневыми, полными и нежными, как не было при жизни. Ее ресницы отбрасывали кружевные тени на ее впавшие щеки. Она будто спала в земле.

— Что нам делать? — спросил Алеша, бледный и едва дышащий.

— Кол в рот, — сказала Вася. — Я сделала кол утром.

Алеша поежился, но опустил на колени. Вася села рядом с ним, руки дрожали. Кол был грубым, но острым, и она подняла большой камень, чтобы забить кол.

— Братец, — сказала Вася, — поддержишь голову или вобьешь кол?

Он был белее снега, но сказал:

— Я сильнее тебя.

— Это верно, — сказала Вася. Она отдала кол и камень и открыла пасть существа. Острые, как у кота, зубы сияли, будто костяные иглы.

При их виде Алеша пришел в себя. Стиснув зубы, он сунул кол меж красных губ и ударил камнем. Кровь полилась изо рта по серому подбородку. Глаза открылись, больше и жуткие, хотя тело не шевелилось. Рука Алеши дрогнула, он промазал, и Вася вовремя отдернула руку. С хрустом камень разбил правую скулу. Существо вскрикнуло, но не двигалось.

Васе казалось, что из леса донесся яростный рев.

— Скорее, — сказала она. — Скорее, скорее.

Алеша прикусил язык и перехватил удобнее. Камень сделал из ее лица месиво. Он ударял по колу снова и снова, яростный удар пробил череп. Свет погас в глазах трупа, и камень выпал из белых пальцев Алеши. Он отпрянул, задыхаясь. Ладони Васи были в крови и не только, но она почти рассеянно отпустила Агафью. Она смотрела в лес.

— Вася, что там? — спросил Алеша.

— Думаю, что — то увидела, — прошептала Вася. — Смотри туда, — она была на ногах. Белая лошадь и темный всадник почти сразу попали в тени деревьев. За ними, казалось, была другая тень, будто большая тень, и она смотрела.

— Здесь только мы, Вася, — сказал Алеша. — Помоги закопать ее и пригладить снег. Скорее. Женщины будут тебя искать.

Вася кивнула и схватила лопату. Она все еще хмурилась.

— Я уже видела лошадь, — сказала она. — И всадника в черном плаще. У него голубые глаза.

* * *

Вася не вернулась домой после того, как упырь был погребен. Она смыла землю и кровь с ладоней, прошла в конюшню. Там она устроилась в загоне Мыши. Мышь понюхала ее макушку. Вазила сел рядом с ней.

Вася долго лежала там и пыталась плакать. Из — за лица Дуни, когда она умерла, из — за кровавого лица Агафьи. Даже из — за отца Константина. Но, хоть она сидела там долго, слез не было. Внутри была лишь пустота и тишина.

Когда солнце начало опускаться, она присоединилась к женщинам в купальне.

Все набросились на нее. Беспечная, говорили они. Дикая. Безжалостная. А тише добавляли: ведьма. Как ее мать.

— Неблагодарная ты, Вася, — скалилась Анна Ивановна. — Но я меньшего и не ожидала, — тем вечером она склонила Васю на стул и отхлестала лозиною, хотя Вася была уже взрослой для такого. Только Ирина молчала, но смотрела на сестру с упреком в красных глазах, что было хуже слов женщин.

Вася терпела, но защитить себя словами не могла.

Они похоронили Дуню вечером. Люди шептались во время быстрых холодных похорон. Ее отец был растрепанным и серым, она никогда не видела его таким старым.

— Дуня любила тебя как дочь, Вася, — сказал он позже. — А ты решила уйти.

Вася молчала, но думала о раненой руке, о холодной звездной ночи, о камне на груди и упыре во тьме.

* * *

— Отец, — сказала она в ту ночь. Крестьяне ушли в избы. Она придвинула стул к Петру. Огни в печи были красными, у печи было пустое место, где была Дуня. Петр делал новую рукоять к охотничьему ножу. Он соскреб завиток дерева и взглянул на дочь. В свете огня ее лицо было хмурым. — Отец, — сказала она, — я бы не пропала в необходимости, — она говорила так тихо, чтобы слышно было только им двоим в людной кухне.

— Что за необходимость, Вася? — Петр отложил нож.

Он посмотрел, словно боялся ответа. Вася поняла это и подавила признание в горле. Упырь мертв. Она не хотела отягощать его, чтобы спасти свою гордость. Он должен быть сильным.

— Я... ходила на могилу матери, — спешно сказала она. — Дуня попросила меня помолиться там за них обеих. Там было проще. В тишине.

Ее отец устал больше, чем когда — либо.

— Хорошо, Вася, — сказал он, вернувшись к охотничьему ножу. — Но плохо уходить одной без слов. Это пустило сплетни среди людей, — тишина. Вася заламывала руки. — Мне жаль, дитя, — добавил он мягче. — Знаю, Дуня была тебе как мать. Она дала тебе что — нибудь перед смертью? Вещицу? Побрякушку?

Вася замешкалась. Дуня запретила говорить. Но это был его подарок. Она открыла рот...

В дверь ударили, и мужчина ворвался и рухнул, наполовину замерзший, к их ногам. Петр тут же вскочил на ноги, миг тишины миновал. Кухню заполнили крики потрясения. Борода мужчины гремела льдом от дыхания, его глаза смотрели поверх красных щек. Он дрожал на полу.

Петр знал его.

— Что такое? — осведомился он, схватив дрожащего мужчину за плечо. — Что случилось, Николай Матвеевич?

Мужчина молчал, сжимался на полу. Когда они сняли его варежки, оказалось, что его руки замерзли, как ледяные когти.

— Нужна горячая вода, — сказала Вася.

— Нужно, чтобы он заговорил как можно скорее, — сказал Петр. — Его деревня в двух днях пути. Не знаю, что привело его сюда в середине зимы.

Вася и Ирина час растирали руки мужчины и ноги, лили горячий бульон в его горло. Даже когда его силы вернулись, он лишь прижимался к печи, хрипя. Он поел, глотая горячие куски. Петр подавлял нетерпение. А потом гонец вытер рот и со страхом посмотрел на боярина.

— Что привело вас сюда, Николай Матвеевич? — осведомился Петр.

— Петр Владимирович, — прошептал мужчина. — Мы умрем.

Петр помрачнел.

— Две ночи назад загорелась наша деревня, — сказал Николай. — Ничего не осталось. Если вы не сжалитесь, мы умрем. Многие уже умерли.

— Пожар? — сказал Алеша.

— Да, — сказал Николай. — Искра из печи, и вся деревня загорелась. Дул плохой ветер, слишком теплый для зимы. Мы ничего не могли поделать. Я ушел, как только мы смогли выкопать выживших из пепла. Я слышал их крики, когда снег касался их кожи. Лучше бы они умерли. Я шел день и ночь — и какую ночь — с ужасными голосами в лесу. Казалось, крики преследовали меня. Я не посмел остановиться, боясь замерзнуть.

— Это было храбро, — сказал Петр.

— Вы поможете нам, Петр Владимирович?

Повисла долгая тишина. Вася думала, что он не может уехать сейчас. Но она знала, что скажет ее отец. Это были его земли.

— Мы с сыном поедem с вами завтра, — мрачно сказал Петр. — И мы возьмем столько людей и зверей, сколько сможем.

Гонец кивнул. Его взгляд был далеким.

— Спасибо, Петр Владимирович.

* * *

Следующий рассвет был бело — голубым. Петр приказал седлать лошадей с первыми лучами. Те, кто не ехал, привязывали снегоступы к ногам. Зимнее солнце холодно сияло. Большие облака вырывались из ноздрей лошадей, словно пар змея, и сосульки висели на их подбородках. Петр забрал у слуги поводья Бурана. Конь вытянул губу, потряхнул головой, звеня сосульками.

Коля присел в снегу и смотрел в глаза Сереже.

— Я хочу с тобой, отец, — просил мальчик. Его волосы упали на глаза. Он привел своего коричневого пони и надел на себя все, что мог. — Я уже большой.

— Ты еще не такой большой, — сказал Коля тревожно.

Ирина выбежала из дома.

— Идем, — она взяла мальчика за плечо. — Твой папа уезжает. Не мешай.

— Ты девочка, — сказал Сережа. — Что ты знаешь? Прошу, папа.

— Вернись в дом, — сказал Коля уже строже. — Уведи пони и слушай тетю.

Но Сережа не слушал. Он взвыл и убежал, распугав лошадей, за конюшню. Коля потер лицо.

— Он вернется, когда проголодается, — он забрался на спину лошади.

— Господь с тобой, братец, — сказала Ирина.

— И с тобой, сестра, — сказал Коля. Он сжал ее ладонь и отвернулся.

Холодная кожа скрипела, пока люди снаряжали конец, проверяли снегоступы. От пара их дыхания становилось все больше сосулек в их бородах. Алеша стоял на краю двора, на его лице был хмурый вид.

— Ты должен остаться, — сказал ему Петр. — Кто — то должен присмотреть за твоими сестрами.

— Я вам понадоблюсь, — сказал он.

Петр покачал головой.

— Я буду спать спокойнее, если ты будешь сторожить моих девочек. Вася буйная, Ирина хрупкая. Лешка, держи Васю дома. Ради ее блага. В деревне плохие настроения. Прошу, сын мой.

Алеша без слов качал головой. Он больше не спрашивал.

— Отец, — сказала Вася. — Отец, — она появилась у головы Бурана, напряженная, черные волосы выделялись у белого меха ее капюшона. — Вы не должны ехать. Не сейчас.

— Я должен, Васечка, — сказал утомленно Петр. Она уже молила ночью. — Это мои земли, мой народ. Попытайся понять.

— Я понимаю, — сказала она. — Но в лесу зло.

— Времена злые, — сказал Петр. — Но я их хозяин.

— В лесу мертвецы, и они ходят. Отец, лес опасен.

— Бред, Вася, — рывкнул Петр.

«Матерь божья. Если она скажет об этом в деревне...».

— Мертвые, — сказала Вася. — Отец, вам нельзя ехать.

Петр схватил ее за плечо так, что она вздрогнула. Вокруг его люди суетились и ждали.

— Ты уже взрослая для сказок, — прорычал он, пытаясь вразумить ее.

— Сказок! — сдавленно вскрикнула Вася. Буран вскинул голову. Петр крепче сжал поводья жеребца и успокоил коня. Вася оттолкнула руку отца. — Ты видел разбитое окно отца Константина, — сказала она. — Нельзя покидать деревню. Отец, прошу, прошу.

Мужчины не слышали всего, но уловили достаточно. Их лица были бледными за бородами. Они смотрели на дочь Петра. Многие поглядывали на его жену или детей, маленьких на фоне снега. Их не остановить, если глупая дочь продолжит.

— Ты не ребенок, Вася, чтобы бояться сказок, — рявкнул Петр. Он говорил спокойно и сухо, успокаивая людей. — Алеша, держи сестру в руках. Не бойся, дочка, — сказал он тише и мягче. — Мы победим, зима пройдет, как остальные. Мы с Колей вернемся к тебе. Будь мягче с Анной Ивановной.

— Но, отец...

Петр запрыгнул на спину Бурана. Рук Васи сжалась на уздечке коня. Другого сбили бы с ног и затоптали, но жеребец замер, повернув уши к девушке.

— Пусти, Вася, — сказала Алеша, подойдя к ней. Она не двигалась. Он обхватил ее ладонь на уздечке, шепнул ей в ухо. — Не сейчас. Люди сорвутся. Они боятся за дома, боятся демонов. Если отец послушается, скажут, что он поддается дочке.

Вася втянула воздух меж зубов, но отпустила Бурана.

— Лучше поверить мне, — пробормотала она.

Смелый жеребец побежал. Остальные последовали за Петром. Коля махнул брату и сестре, и они уехали в белый мир, оставив двоих в одиночестве во дворе.

* * *

Деревня казалась очень тихой, когда уехали всадники. Ледяное солнце светило на нее.

— Я тебе верю, Вася, — сказал Алеша.

— Ты вонзил кол своей рукой, конечно, ты мне веришь, — Вася расхаживала как волк в клетке. — Стоило все рассказать отцу.

— Но мы убили упыря, — сказал Алеша.

Вася беспомощно покачала головой. Она вспомнила предупреждение русалки и лешего.

— Это не конец, — сказала она. — Меня просили остерегаться мертвых.

— Кто?

Вася замерла и увидела, что лицо брата было холодным от тени подозрений. Ее отчаяние было таким сильным, что она рассмеялась.

— И ты, Лешка? — сказала она. — Меня предупреждали настоящие друзья, старые и мудрые. Ты веришь священнику? Я ведьма?

— Ты моя сестра, — сказал твердо Алеша. — И дочь нашей матери. Но тебе нельзя ходить в деревню, пока отец не вернется.

* * *

Дом притих к ночи, с темнотой пришел холод. Все сгрудились у печи, чтобы шить, вырезать или чинить в свете огня.

— Что это за звук? — вдруг сказала Вася.

Постепенно семья притихла.

Кто — то снаружи плакал.

Это напоминало поскуливание, едва слышное. Но сомнений не было, она слышала, как плачет женщина.

Вася и Алеша переглянулись. Вася привстала.

— Нет, — сказал Алеша. Он прошел к двери, открыл ее и выглянул в ночь. Он вернулся, качая головой. — Там ничего нет.

Но плач продолжался. Два или три раза. Алеша подходил к двери. А потом Вася прошла сама. Она, казалось, увидела белый блеск между изб крестьян. Она моргнула, и ничего не было. Вася прошла к печи и заглянула в нее. Домовой был там, прятался в горячем пепле. — Она не войдет, — выдохнул он в треске огня. — Клянусь, она не может. Я ее не впущу. — Ты так говорил в тот раз, но она вошла, — сказала Вася едва слышно. — Комната пугливого человека — другое дело, — прошептал домовый. — Там я не могу защитить. Он отрицает меня. Но сюда она войти не может, — домовый сжал кулаки. — Она не пробрется.

Наконец, луна поднялась, они пошли в кровати. Вася и Ирина прижались друг к другу, укутались в шкуры, дыша в темноте.

Вдруг плач стало слышно вблизи. Девушки застыли.

В их окно поскреблись.

Вася посмотрела на Ирину, глаза у той были открыты, она была напряжена.

— Звучит, как...

— О, не говори, — взмолилась Ирина. — Не надо.

Вася слезла с кровати. Она невольно коснулась кулона на груди. Холод обжигал дрожащую ладонь. Окно было высоко, Вася забралась и открыла ставни. Лед на окне искажал двор.

Но за льдом было лицо. Вася увидела глаза и рот — темные дыры — и костлявую руку, прижатую к замерзшей раме. Существо плакало.

— Впусти меня, — выдохнуло оно. Раздался скрип ногтей по льду.

Ирина скулила.

— Впусти меня, — шипело существо. — Мне холодно.

Вася рухнула, не удержавшись, и растянулась.

— Нет. Нет... — она вернулась к окну. Но там теперь никого не было, луна сияла над пустым двором.

— Что там было? — прошептала Ирина.

— Ничего, Иринка, — рявкнула Вася. — Спи.

Она заплакала, но Ирина не видела.

Вася вернулась в кровать и обвила руками сестру. Ирина молчала, но долго не спала и дрожала. Потом она уснула, и Вася убрала руки сестры. Ее слезы высохли, лицо было решительным. Она прошла на кухню.

— Думаю, мы умрем, если ты пропадешь, — сказала она домовому. — Мертвые ходят.

Домовой высунул уставшую голову из печи.

— Я буду держаться, сколько смогу, — сказал он. — Посиди сегодня со мной. С тобой я сильнее.

* * *

Три ночи Петр не возвращался, и Вася оставалась в доме и сидела с домовым. В первую ночь она слышала плач, но ничто не приближалось к дому. На вторую ночь стояла идеальная тишина, а Вася ужасно хотела спать.

На третий день она решила попросить Алешу посидеть с ней. Тем вечером пылал кровавый закат и угас, оставив голубые тени и тишину.

Семья задержалась на кухне, спальни казались холодными и далекими. Алеша точил копье в свете печи. Лезвие в форме листа отбрасывало отблески на стены.

Огонь догорал, кухня была в красном сиянии, и снаружи прозвучал низкий вой. Ирина прижалась к печи. Анна вязала, но была потной и дрожала. Глаза отца Константина были огромными, было видно белки, он шептал под нос молитвы.

Приблизились шаркающие шаги. Все ближе и ближе. А потом у окна раздался голос:

— Темно, — сказал голос. — Холодно. Открой дверь. Открой, — а потом — тук — тук. Стук в дверь.

Вася вскочила на ноги.

Алеша сжал древко копья.

Вася прошла к двери. Сердце колотилось в горле. Домовой был рядом с ней, скрипел зубами.

— Нет, — выдавила Вася, губы немели. Она впилась пальцам в рану на ладони, прижала окровавленную ладонь к двери. — Прости. Дом для живых.

Существо на другой стороне взвыло. Ирина уткнулась лицом в колени матери. Алеша вскочил на ноги с копьем. Но шаги пропали. Они вдохнули и переглянулись.

А потом раздались вопли испуганных лошадей.

Не думая, Вася распахнула дверь, хотя четыре голоса кричали.

— Демон! — визжала Анна. — Она его впустит!

Вася уже выбежала в ночь. Белый силуэт мелькнул среди лошадей, распуская их. Одна лошадь была медленнее остальных. Белый силуэт прижался к горлу зверя и повалил его. Вася закричала на бегу, забыв страх. Мертвая подняла голову, шипя, и свет луны упал на ее лицо.

— Нет, — Вася застыла. — О, нет. Дуня. Дуня...

— Вася, — прохрипело существо. Голос был хрипом трупа, но и голосом Дуни. — Вася.

Это была и она, и нет. Кости были там, облик и одежда для похорон. Но из носа текло, губы впали. Глаза были пылающими дырами, рот стал черной дырой. Кровь была в морщинах на подбородке, носу и щеках.

Вася собрала смелость. Кулон холодно пылал на груди, она обвила его свободной рукой. Ночь пахла горячей кровью и гнилью. Она подумала о темной фигуре рядом, но не оглянулась.

— Дуня, — сказала Вася. Она старалась говорить ровно. — Уйди. Ты натворила достаточно зла.

Дуня прижала ладонь ко рту, слезы текли из ее пустых глаз, хоть она и скалилась. Она пошатнулась, дрожа, жуя губу. Казалось, она хотела заговорить. Она шагнула, рыча, вперед, и Вася попятилась, ощущая зубы в горле. Упырь завизжал, она отпрянула и побежала как собака в лес.

Вася провожала ее взглядом, пока она не затерялась в свете луны.

Лошадь у ног Васи захрипела. Это был младший жеребенок Мыши. Она рухнула на колени рядом с ним. Его горло было разорвано. Вася прижала ладони к ране, но черный поток все равно бежал. Она ощущала смерть, желудок сжимался. Их конюшни она услышала крик боли вазилы.

— Нет, — сказала Вася. — Прошу.

Но жеребенок застыл. Черный поток замедлился и остановился.

Белая кобылица вышла из тьмы и нежно коснулась носом мертвой лошади. Вася ощутила шеей теплое дыхание кобылицы, но, когда она обернулась, там лишь мерцали звезды.

Отчаяние и усталость накрыли Васю черной волной, будто кровью жеребенка. Она держала окровавленную голову в руках и плакала.

* * *

Время шло, они давно должны были спать, когда Алеша вернулся на кухню. Он был серым, а его одежда была в крови.

— Одна из лошадей мертва, — тяжело сказал он. — Горло разорвано. Вася осталась в конюшнях. Ее не переубедить.

— Но она замерзнет. Умрет! — закричала Ирина.

Алеша слабо улыбнулся.

— Не Вася. С ней не поспоришь, Иринка.

Ирина сжала губы, отложила вещь, что чинила, и принялась подогреть глиняный горшок. Никто не знал, что там, пока она не добавила в горячее молоко кашу и не пошла к двери.

— Иринка, вернись! — крикнула Анна.

Ирина, насколько знал Алеша, никогда не перечила матери. Но в этот раз девушка без слов пропала за порогом. Алеша выругался и пошел за ней. Отец был прав. Сестер нельзя было оставлять одних.

Было очень холодно, во дворе пахло кровью. Жеребенок лежал там, где пал. Труп замерзнет за ночь, и мужчины разделают его. Конюшня казалась пустой, когда вошли Алеша и Ирина.

— Вася, — позвал Алеша и ощутил страх. А если...?

— Здесь, Лешка, — сказала Вася. Она вышла из стойла мыши, тихая, как кошка. Ирина вскрикнула и чуть не выронила горшок.

— Ты в порядке, Васечка? — с дрожью выдавил она.

Они не видели лицо Васи, только светлое пятно под темными волосами.

— Нормально, пташка, — хрипло ответила она.

— Лешка сказал, ты остаешься в конюшне на ночь, — сказала Ирина.

— Да, — сказала Вася, собравшись. — Я должна... вазила боится, — ее руки были черными от крови.

— Если ты должна, — сказала Ирина тихо, словно любимой безумице, — я принесла кашу, — она неловко передала горшок сестре. Вася взяла его. Вес и тепло успокаивали. — Но лучше приходи и поешь у огня, — сказала Ирина. — Люди будут говорить, если ты тут останешься.

Вася покачала головой.

— Это не важно.

Ирина надула губы.

— Идем, — сказала она. — Так лучше.

Алеша смотрел с потрясением, как Вася дает отвести себя к дому, к печи, где ее накормили.

— Иди спать, Иринка, — сказала Вася. Ее лицо стало румянее. — Спи на печи, мы с Алешей посторожим, — священник ушел, Анна уже храпела в своей комнате. Ирина была сонной, так что не перечила.

Когда Ирина уснула, Вася и Алеша переглянулись. Вася была белой как соль с кругами под глазами. Ее платье было в крови лошади. Но еда и огонь помогли ей.

— Что теперь? — тихо сказал Алеша.

— Мы должны сторожить, — сказала Вася. — И нужно проверить кладбище на рассвете, сделать то же, что и тогда. Боже, смилостивься.

* * *

Константин пошел в церковь на рассвете. Он пересек двор, словно его преследовал ангел смерти, запер дверь и рухнул перед иконостасом. Когда солнце взошло и озарило пол серым светом, он не реагировал. Он молился о прощении. Он молился, чтобы голос вернулся и стер его сомнения. Но весь долгий день стояла тишина.

Только в сумерках, когда тени на полу церкви было больше, чем света, пришел голос.

— Так далеко пал, бедный мой? — сказал он. — Дважды демонессы приходили за тобой, Константин Никонович. Они разбили окно, стучали в дверь.

— Да, — простонал Константин. Он во сне и наяву теперь видел лицо демонессы, ощущал зубы на горле. — Они знают, что я пал, и они преследуют меня. Сжальтесь. Спасите, молю. Простите. Снимите с меня этот грех, — Константин сжал кулаки, он прижался лицом к полу.

— Очень хорошо, — сказал голос мягко. — Такой пустяк. Я милосерден. Я тебя спасу. Не плачь.

Константин прижал ладони к мокрому лицу.

— Но, — сказал голос, — я возьму кое — что взамен.

Константин поднял голову.

— Что угодно, — сказал он. — Я ваш скромный слуга.

— Девчонка, — сказал голос. — Ведьма. Это ее вина. Все знают. Они шепчутся. Они видят, как ты наблюдаешь за ней. Они говорят, что она искушает тебя.

Константин молчал. Ее вина. Ее вина.

— Я так хочу, — сказал голос, — чтобы она покинула мир. Лучше раньше. Она привела зло в этот дом, от него нет лекарства, пока она в нем.

— Она уедет на юг с санями, — сказал Константин. — Уедет до середины зимы. Петр Владимирович так сказал.

— Раньше, — сказал голос. — Нужно раньше. Это место ждут огни и страдания. Но отошли ее, и ты спасешь себя, Константин Никонович. И ты спасешь их всех.

Константин замешкался. Тьма, казалось, тихо выдохнула.

— Будет так, как вы скажете, — прошептал Константин. — Клянусь.

Голос пропал. Константин остался пустым и холодным в одиночестве на полу церкви.

* * *

Константин тем днем пошел к Анне Ивановне. Она была в кровати, ее дочь носила ей бульон.

— Вы должны отослать Васю, — сказал Константин. Он был потным, руки дрожали. — Петр Владимирович слишком мягок, она его сбивает. Но нам будет лучше, если она уедет. Демоны пришли из — за нее. Видели, как она убежала в ночь? Она их вызвала, она не боится. Может, следующей умрет ваша дочь Ирина. Демоны явно хотят не только лошадей.

— Ирина? — прошептала Анна. — Думаете, Ирина в опасности? — она задрожала от любви и страха.

— Я это знаю, — сказал Константин.

— Отдайте Васю людям, — сказала сразу Анна. — Они забьют ее камнями, если попросите. Петр Владимирович их не остановит.

— Ей лучше идти в монастырь, — сказал Константин после колебаний. — Я бы не хотел, чтобы она ушла к Богу, не покайся.

Анна сжала губы.

— Сани не готовы. Ей лучше умереть. Я не хочу боли Ирине.

— Первые сани готовы, — ответил Константин. — Людей хватит. Некоторые будут рады ее увезти отсюда. Я это устрою. Петр сможет проведать дочь, если захочет, когда она устроится в Москве. Он не будет злиться, когда об этом узнает. Все будет хорошо. А вы не шумите и молитесь.

— Вам лучше знать, батюшка, — сказала Анна.

«Столько заботы, — подумала она. — И все для зеленоглазого отродья. Но он мудрый, знает, что ей нельзя оставаться и портить хороших христиан».

— Вы милосердны. Но я бы лучше убила девчонку, чем рисковала Ириной.

* * *

Все было устроено. Олег, грубый и старый, поведет сани, а родители Тимофея, чьи сердца опустели после смерти сына, будут стражами Васи.

— Конечно, мы это сделаем, батюшка, — сказала Ясна, мать Тимофея. — Бог отвернулся от нас из — за этого дитя демона. Если бы ее отослали раньше, я бы не потеряла сына.

— Вот веревка, — сказал Константин. — Свяжете ей руки, если надо будет.

Он видел перед глазами оленя, которого сбили на охоте, связали ему ноги. У него были

дикие глаза, по снегу растекалась кровь. Он ощутил стыд и гордость. Завтра. Завтра она уедет, за половину месяца до середины зимы.

22

Подснежники

Той ночью Анна Ивановна вызвала Васю к себе.

— Васечка! — завизжала Анна, и девушка вздрогнула. — Васечка, иди сюда!

Вася подняла голову, растрепанная в свете огня. Они с Алешей сходили на кладбище на рассвете. Они выкопали могилу Дуни, но там было пусто. Они смотрели друг на друга поверх холодной земли. Алеша был потрясен, Вася была мрачной и не удивленной.

— Не может быть, — сказал Алеша.

Вася глубоко вдохнула.

— Но это так, — сказала она. — Идем. Мы должны защищать дом.

Холодные и уставшие, они пригладили снег и вернулись домой. Женщины разрезали жеребенка, потушили мясо, съели его с сухой морковкой. Вася спряталась, ее тошнило, пока живот не опустел. Ночью Дуня снова придет пытаться их слезами. Отец еще не приехал, и Вася была в ужасе.

Она прошла туда, где сидела Анна. Маленький деревянный сундук с бронзовыми полосками стоял рядом с ней.

— Открой его, — сказала Анна.

Вася посмотрела с вопросом на брата. Алеша пожал плечами. Она опустила перед сундуком и открыла его. Внутри была... ткань. Много свернутого красивого чистого льна.

— Лен, — сказала Вася с ошеломлением. — Этого хватит на дюжину рубах. Хотите, чтобы я шила всю зиму, Анна Ивановна?

Анна невольно улыбнулась.

— Конечно, нет. Это ткань на алтарь, ты сошьешь ее и отдашь аббатисе, — при виде смятения Васи она добавила, улыбаясь еще шире. — Утром ты уедешь в монастырь на юг.

На миг у Васи закружилась голова, тьма мелькнула перед глазами. Она пошатнулась.

— Отец знает?

— О, да, — сказала Анна. — Тебя отослали бы с данью. Но нам надоело, что ты вызываешь дьяволов. Ты уедешь на рассвете. Люди готовы, женщина тоже поедет, чтобы последить за тобой, — ухмыльнулась Анна. — Петр Владимирович так хотел. Может, святые сестры заставят тебя слушаться, когда я не смогла.

Ирина была встревожена, но молчала.

Вася дрожала всем телом.

— Мачеха, нет.

Улыбка Анны пропала.

— Перечишь? Все готово, ты будешь связана, если не захочешь идти.

— Ладно вам, — вмешался Алеша. — Что это за безумие? Отец не дома, он бы не допустил...

— Разве? — сказал Константин. Его тихий низкий голос снова захватил комнату. Он наполнял стены и темное пространство под крышей. Все затихли. Вася видела, как домовый дрожит в печи. — Он отдал указания. Жизнь среди святых сестер спасет ее душу. Она не в безопасности в деревне, где так много зла причинила. Они зовут вас ведьмой, Василиса Петровна, знаете? Они зовут вас демоном. Вас закидают камнями до конца злой зимы, если вы

не уедете.

Даже Алеша молчал.

Но Вася заговорила, хриплая, как ворон.

— Нет, — сказала она. — Никогда. Я зла не причиняла. Я не ступлю в монастырь. Я лучше буду жить в лесу и работать на Бабу — Ягу.

— Это не сказка, Вася, — завизжала Анна. — Никто не спрашивает твоего мнения. Это ради твоего блага.

Вася подумала о дрожащем домовом, о мертвецах, что ходили у дома, о катастрофе, что была так близко.

— Но что я сделала? — осведомилась она. К ее ужасу, в ее глазах были слезы. — Я никого не ранила. Я пыталась спасти вас! Отец... — она повернулась к Константину. — Я спасла вас от русалки, когда она манила вас в озеро. Я отогнала мертвую, пыталась... — она замолкла, пытаясь дышать.

— Ты? — выдохнула Анна. — Отогнала их? Ты позвала демона! Ты принесла нам несчастья. Думаешь, я не видела.

Алеша открыл рот, но Вася опередила его:

— Если меня отошлют этой зимой, вы все умрете.

Анна судорожно вдохнула.

— Как ты смеешь угрожать нам?

— Я не угрожаю, — отчаянно сказала Вася. — Это правда.

— Правда? В тебе нет правды, врунишка!

— Я не уеду, — сказала Вася так яростно, что ее голос трещал как огонь.

— Нет? — сказала Анна. Ее глаза были дикими, но что — то в ее поведении напомнило Васе, что ее отцом был Великий князь. — Хорошо, Василиса Петровна. Я дам тебе выбор, — она окинула комнату взглядом и остановилась на белых цветах на платке Ирины. — Моя дочь, моя настоящая, светлая и послушная дочь устала от этого снега и хочет увидеть зелень. Ты, уродливая ведьма, окажешь ей услугу. Иди в лес и принеси ей корзинку подснежников. Сделаешь, и сможешь потом делать все, что хочешь.

Ирина охнула. Константин раскрыл рот в возмущенном протесте.

Вася ошеломленно смотрела на мачеху.

— Анна Ивановна, середина зимы.

— Иди! — завизжала Анна, безумно хохоча. — С глаз долой! Неси цветы, или поедешь в монастырь! Иди же!

Вася посмотрела на лица: Анна торжествовала, Ирина была напугана, Алеша злился, Константин хмурился. Стены, казалось, сжимались, огонь сжигал воздух, и она, хоть и вдыхала, не могла втянуть воздух. Ужас охватил ее, ужас дикого зверя в ловушке. Она повернулась и выбежала из кухни.

Алеша поймал ее у двери. Она надела сапоги и варежки, укуталась в плащ, а голову скрыла шалью.

— Ты с ума сошла, Вася?

— Пусти! Ты слышал Анну Ивановну. Я лучше попытаю счастья в лесу, чем буду заперта навеки, — она тряслась с дикими глазами.

— Это все бред. Дождись возвращения отца.

— Отец согласился на это! — Вася глотала слезы, но они все равно катились по ее щекам. — Анна не посмела бы. Люди говорят, что несчастья — моя вина. Думаешь, я не слышала? Меня забросают камнями, как ведьму, если я останусь. Может, отец пытается защитить меня. Но я лучше умру в лесу, чем в монастыре, — ее голос оборвался. — Я не буду

монахиней, слышишь? Никогда! — она вырывалась, но Алеша крепко ее держал.

— Я посторожу тебя, пока не вернется отец. Я объясню ему все.

— Ты не сможешь меня защитить, если вся деревня нападет. Думаешь, я не слышала их шепот, братец?

— Ты пойдешь в лес и умрешь? — рявкнул Алеша. — Благородная жертва? Как это всем поможет?

— Я помогала всем, чем могла, и заслужила ненависть людей, — парировала Вася. — Если это мое последнее решение, оно хотя бы мое. Пусти меня, Алеша. Я не боюсь.

— Я боюсь, глупая! Думаешь, я хочу тебя так глупо потерять? Я не пущу тебя, — он сжимал ее за плечи так, что останутся следы от его пальцев.

— И ты, брат? — возмутилась Вася. — Я ребенок? Кто — то всегда за меня решает. Но это я решила сама.

— Если отец или Кола были бы безумны, я бы тоже их не пустил.

— Пусти меня, Алеша.

Он покачал головой.

Ее голос стал мягче.

— Может, в лесу есть магия, что даст мне помешать Анне Ивановне. Ты не думал?

Алеша тихо рассмеялся.

— Ты уже взрослая для сказок.

— Разве? — сказала Вася и улыбнулась ему, хотя ее губы дрожали.

Алеша вдруг вспомнил все случаи, когда она следила взглядом за тем, что он не видел. Его руки опустились. Брат с сестрой переглянулись.

— Вася... пообещай, что я еще тебя увижу.

— Давай хлеб домовому, — сказала Вася. — Сторожи ночью у печи. Смелость спасет тебя. Я сделаю то, что смогу. Прощай, брат. Я... постараюсь вернуться.

— Вася...

Но она выскользнула за дверь.

Отец Константин ждал ее у двери церкви.

— С ума сошли, Василиса Петровна?

Он посмотрела на него с насмешкой в зеленых глазах. Слезы высохли, она была холодной и решительной.

— Но, батюшка, я должна слушать мачеху.

— Так примите обет.

Вася рассмеялась.

— Она хочет, чтобы я ушла, мертвая или в монастырь. Ей все равно. Что ж, это порадеет меня и ее.

— Забудьте о безумии. Вас отвезут. Это по воле Божьей, он так пожелал.

— Да? — сказала Вася. — А вы — его голос, полагаю. Мне дали выбрать, и я выбрала, — она повернулась к лесу.

— Нет, — сказал Константин, и что — то в его голосе заставило Васю развернуться. Двое мужчин вышли из теней. — Заприте ее в церкви на ночь, свяжите руки, — сказал Константин, не сводя взгляда с Васи. — Она уедет на рассвете.

Вася уже бежала. Но она начала всего на три шага раньше, а мужчины были сильными. Один из них схватился за край ее плаща. Она споткнулась и растянулась, ушибленная и паникующая. Мужчина бросился на нее, прижал. Снег охлаждал ее шею. Она ощутила ледяную веревку на запястьях.

Она обмякла, словно упала в обморок от страха. Мужчина привык связывать мертвых

зверей, его хватка ослабла, пока он возился с веревкой. Вася услышала шаги, священник и второй мужчина подошли к ним.

А потом она вскочила, издала вопль без слов, ткнула пальцами в глаза напавшего. Он отпрянул, она бросилась в сторону, побежала так, как никогда еще не бежала. За ней раздавались крики, дыхание, шаги. Но она не даст себя поймать. Никогда.

Она бежала, не прекращая, пока ее не поглотила тень деревьев.

* * *

Ясная ночь озаряла снег, лежащий под ногами. Вася бежала по лесу, ушибленная, тяжело дышащая. Ее плащ хлопал вокруг нее. Она слышала крики из деревни. Ее следы было видно на девственном снегу, так что ее надеждой была только скорость. Она бежала от тени к тени, пока крики не стали тише, пока они не пропали. Они не посмели последовать. Они боялись леса в темноте. Они были мудрыми, мрачно подумала Вася.

Она дышала уже медленнее. Она шла глубже в лес, отгоняя потерю и страх. Она слышала, она звала. Но было тихо. Леший не ответил. Русалка спала и мечтала о лете. Ветер не трогал деревья.

Время шло, она не знала, сколько именно. Лес стал гуще, закрывал звезды. Луна поднялась выше, отбрасывала тени, а потом прибыли облака, и лес погрузился во тьму. Вася шла, пока не стала ощущать себя сонной, а потом страх разбудил ее. Она повернула на север, на восток, потом на юг.

Ночь тянулась, Вася дрожала, пока шла. Ее зубы стучали. Пальцы ног онемели в тяжелых сапогах. Частичка ее думала — надеялась — что в лесу будет помочь. Указания, магия. Она надеялась, что явится жар — птица, или Златогривый конь, или ворон, что на самом деле князь... глупая девочка верила в сказки. Зимний лес был безжалостен к людям, черти спали зимой, а ворона — князя не было.

«Так умри. Это лучше монастыря».

Но Вася не верила в это. Она была юной, кровь была горячей. Она не могла лечь на снег.

Она шла, но становилась все слабее. Она боялась угасания силы, она боялась боли в руках, холодных губ.

В самый темный час ночи Вася остановилась и оглянулась. Анна Ивановна будет насмехаться, если она вернется. Ее свяжут как оленя, запрут в церкви, а потом увезут в монастырь. Но она не хотела умирать. И она так замерзла.

И Вася посмотрела на деревья по сторонам и поняла, что не знает, где она.

Не важно. Она могла пойти по своему следу обратно. Она оглянулась.

Ее следы пропали.

Вася подавила прилив паники. Она не заблудилась. Не могла. Она повернула на север. Уставшие ноги хрустели по снегу. Земля снова начала манить к себе. Она могла лечь. Лишь на миг...

Темный силуэт показался перед ней: кривое дерево, что было больше всех деревьев, какие знала Вася. Она что — то смутно вспоминала. Она помнила заблудившегося ребенка, большой дуб, спящего человека с одним глазом. Она вспомнила старый кошмар. Она смотрела на дерево. Подойти? Убежать? Она слишком замерзла, чтобы уходить.

А потом услышала плач.

Вася застыла, едва дыша. Звук тоже пропал. Но, когда она пошла, и звук последовал за ней. Серп луны выбрался и отбрасывал странные узоры на снег.

Белая вспышка меж двух деревьев. Вася пошла быстрее, неуклюже из — за онемевших ног. Она не могла убежать домов, вазила ей не поможет. Ее смелость угасала, как дымящая свеча. Дерево словно заполняло мир.

«Иди сюда, — выдохнул тихий рычащий голос. — Ближе».

Хруст. За ней прозвучал не ее шаг. Вася развернулась. Ничего. Но, когда она пошла, другие ноги шли с ней.

Она была в двадцати шагах от кривого дуба. Шаги были все ближе. Было сложно думать. Дерево заполнило мир. Ближе. Как ребенок в кошмаре, Вася не смела оглядываться.

Ноги побежали, раздался пронзительный крик. Вася тоже побежала из последних сил. Перед ней появилась фигура в лохмотьях, стояла под деревом, вытянув руку. Глаз сиял с голодным торжеством.

«Я нашел тебя первым».

А потом Вася услышала топот копыт. Фигура у дерева кричала ей в ярости: «Быстрее!». Дерево было перед ней, хрипящее существо за ней, но слева выбежала белая кобылица, быстрая, как огонь. Испуганная Вася повернулась к лошади. Краем глаза она увидела, как бросился упырь, зубы вспыхнули на старом мертвом лице.

И тут рядом появилась белая кобылица. Всадник протянул руку. Вася схватилась за руку, ее закинули на спину лошади. Упырь рухнул в снег, где была она. Лошадь бросилась прочь. За ними раздались вопли — один от боли, другой от ярости.

Всадник молчал. Вася, задыхаясь, успела лишь на миг обрадоваться спасению. Она свисала головой вниз со спины лошади, они так ехали. Девушке казалось, что органы вылетят из нее с каждым ударом копыт, но они неслись дальше. Она не могла ощущать лицо или ноги. Сильная рука, что забрала ее, удерживала и теперь, но всадник молчал. Кобылица пахла не так, как лошади. Это были странные цветы, теплый камень, что было необычно в холодную ночь.

Они бежали, пока Вася не перестала терпеть боль и холод.

— Прошу, — охнула она. — Прошу.

Они резко остановились, и ее тряхнуло. Вася соскользнула с лошади и упала в снег, онемевшая. Ее тошнило, она держалась за ушибленные ребра. Лошадь застыла. Вася не слышала, как спешил всадник, но вдруг он уже стоял в снегу. Вася встала на ноги, которые уже не ощущала. Ее голова была открыта ночи. Шел снег, снежинки запутывались в ее косе. Она уже не дрожала, она была тяжелой и слабой.

Мужчина смотрел на нее, а она на него.

Его глаза были светлее воды или льда.

— Прошу, — прошептала Вася. — Мне холодно.

— Тут все холодное, — ответил он.

— Где я?

Он пожал плечами.

— За северным ветром. На краю света. Нигде.

Вася пошатнулась и упала бы, но мужчина поймал ее.

— Назови мне свое имя, девушка, — его голос вызвал странное эхо в лесу вокруг них.

Вася покачала головой. Его плоть была ледяной. Она отпрянула, споткнулась.

— Кто ты?

Снежинки падали на его темные кудри, он был без шапки, как она. Он улыбнулся и молчал.

— Я видела тебя раньше, — сказала она.

— Я прихожу со снегом, — сказал он. — Я прихожу, когда люди умирают.

Она знала его. Она узнала его, когда он схватил ее за руку.

— Я умираю?

— Возможно — он прижал холодную ладонь под ее челюстью. Сердце Васи колотилось о его пальцы. Потом вспыхнула боль. Она выдохнула и рухнула на колени. Казалось, в ее крови появились осколки. Он опустил с ней.

«Карачун, — подумала Вася. — Морозко, демон холода. Это смерть. Они найдут меня замерзшей в снегу, как в той сказке».

Она вдохнула и ощутила холод в легких.

— Пусти, — прошептала она. Губы и язык замерзли и не слушались. — Не нужно было спасать меня у дерева, если ты хотел убить меня.

Рука демона опустилась. Она рухнула на снег, сжавшись, задыхаясь.

Он поднялся на ноги.

— Я же не дурак? — сказал он с гневом в голосе. — Что за безумие привело тебя сегодня в лес?

Вася заставила себя встать.

— Я выбрала сама, — белая кобылица подошла к ней, дыхание согревало щеку. Вася впилась холодными пальцами в длинную гриву. — Мачеха хотела отправить меня в монастырь.

Его голос был полон презрения.

— И ты убежала? Проще сбежать от монастыря, чем от Медведя.

Вася посмотрела ему в глаза.

— Я не убежала. Точнее, убежала, но...

Она не могла больше. Она прижалась к лошади, силы кончались. Ее голова кружилась. Лошадь изогнула шею. Запах камня и цветов чуть оживил Васю, она выпрямилась и сжала губы.

Демон холода подошел ближе. Вася вскинула руку, чтобы отогнать его. Но он поймал ее ладонь в варежке своими руками.

— Ну же, — сказал он. — Посмотри на меня, — он снял варежку и прижал ладонь к ее ладони.

Ее тело напряглось, боясь боли, но этого не было. Его ладонь была твердой, холодной, как речной лед, но даже нежной против ее замерзших пальцев.

— Скажи, кто ты, — от его голоса дрожал воздух у ее лица.

— Я... Василиса Петровна, — сказала она.

Он прожигал взглядом ее голову. Она прикусила язык и смотрела на него.

— Что ж, рад знакомству, — сказал демон. Он отпустил ее и отошел. Его голубые глаза искрились. Васе показалось, что он торжествует. — И все же скажи, Василиса Петровна, — добавил он с ноткой насмешки, — зачем ты бродила по темному лесу? Это мой час, только мой.

— Меня отослали бы в монастырь на рассвете, — сказала Вася. — Но мачеха сказала, что этого не будет, если я принесу ей белые весенние цветы. Подснежники.

Демон холода смотрел, а потом рассмеялся. Вася потрясенно взглянула на него и продолжила:

— Меня пытались остановить. Но я убежала. В лес. Я была так напугана, что не могла думать. Я хотела вернуться, но заблудилась. Я увидела изогнутый дуб. И услышала шаги.

— Глупая, — сухо сказал демон. — Не только я — сила в этом лесу. Не стоило покидать очаг.

— Я должна была, — возразила Вася. Тьма мелькала перед глазами. Ее сила угасала. — Они собирались отослать меня в монастырь. Я решила, что лучше замерзнуть в снегу, — ее кожа дрожала. — Это было до того, как я начала замерзать. Это больно.

— Да, — сказал Морозко. — Это так.

— Мертвые ходят, — прошептала Вася. — Домовой пропадет, если я уеду. Моя семья умрет, если отошлет меня. Я не знаю, что делать.

Демон холода молчал.

— Я должна идти домой, — выдавила Вася. — Но я не знаю, где он.

Белая кобылица топнула и тряхнула гривой. Ноги Васи вдруг подкосились, словно она была

новорожденным жеребенком.

— На восток от солнца, на запад от луны, — сказал Морозко. — За деревом.

Вася молчала. Ее веки закрылись.

— Идем, — Морозко добавил. — Тут холодно, — он поймал падающую Васю. Рядом с ними была роща старых елей с переплетенными ветвями. Он подхватил девушку. Ее голова и рука висели, сердце слабо трепетало.

«Это было близко», — кобылица выдохнула горячее дыхание в лицо девушки.

— Да, — ответил Морозко. — Она сильнее, чем я надеялся. Другая умерла бы.

Кобылица фыркнула.

«Тебе не нужно было проверять ее. Медведь уже это сделал. Еще миг, и он получил бы ее первым».

— Не получил, и мы должны радоваться.

«Ты ей расскажешь?» — спросила кобылица.

— Все? — сказал демон. — О медведях и магах, заклинаниях из сапфира и ведьме, потерявшей дочь? Нет, конечно. Я расскажу как можно меньше. Надеюсь, этого хватит.

Кобылица тряхнула гривой, прижала уши, но демон не видел. Он пошел к елям с девушкой на руках. Кобылица вздохнула и последовала за ним.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

23

Дом, что не там

Несколько часов спустя Вася открыла глаза и оказалась на прекрасной кровати. Одеяла были из белой шерсти, тяжелые и мягкие, как снег. Они были расшиты бледно — голубым и желтым, словно снег солнечным январским днем. Столбики кровати и изголовье были изрезаны, словно стволы живых деревьев, и сверху переплетались ветви.

Вася пыталась понять, где она. Вспомнились цветы, она их искала. Зачем? Декабрь. Но ей нужны были цветы.

Охнув, Вася села и запуталась в одеялах.

Она увидела комнату и рухнула на спину, дрожа.

Комната — если кровать была роскошной, комната была странной. Сначала Васе показалось, что она в роще больших деревьев. Высоко виднелось бледное небо. А потом она оказалась в деревянном доме, где потолок был выкрашен в небесно — голубой. Но она не знала, что было на самом деле, от размышлений голова кружилась.

Вася уткнулась лицом в одеяло и решила спать. Она проснется дома с Дуней рядом, и та спросит, приснился ли ей кошмар. Нет, не выйдет. Дуня умерла. Дуня ходила по лесу в ткани, в которой ее похоронили.

Вася думала, но не могла вспомнить... а потом смогла. Мужчины, священник, монастырь. Снег, демон холода, пальцы на ее горле, холод, белая лошадь. Он собирался убить ее. Он спас ей жизнь.

Она пыталась сесть, но лишь запуталась в одеялах сильнее. Она отчаянно прищурилась, но комната не хотела замереть. Наконец, она закрыла глаза и нашла край кровати, рухнув с него. Плечо ударилось об пол. Она, казалось, ощутила влагу, словно упала в снег. Нет, пол был гладким и теплым, как дерево у печи. Показалось, что она услышала треск огня. Она встала, шатаясь. Кто — то снял ее сапоги и чулки. Она отморозила ноги, она видела, что пальцы ног белые и бескровные.

Она не могла смотреть на дом. Это была комната, это была роща елей под открытым небом, и она не могла решить, кто это было. Она зажмурилась, ступила на раненую ногу.

— Что видишь? — сказал ясный чужой голос.

Вася повернулась на голос, не смея открывать глаза.

— Дом, — прохрипела она. — Рощу елей. Вместе.

— Хорошо, — сказал голос. — Открой глаза.

Вздвогнув, Вася сделала это. Холодный мужчина — демон холода — стоял в центре комнаты, и она могла смотреть на него. Его темные непослушные волосы ниспадали до плеч. Злобное лицо могло принадлежать юноше двадцати лет или воину пятидесяти лет. В отличие от других мужчин, каких видела Вася, он был гладко — выбрит — может, потому его лицо и казалось молодым. Его глаза точно были старыми. Когда она заглянула в них, она поняла, что не видела ничего такого старого и живого. От мысли ей стало страшно.

Но ее решимость была сильнее страха.

— Прощу, — оказала она. — Мне нужно домой.

Его бледные глаза окинули ее взглядом.

— Они тебя выгнали, — сказал он. — Они отошлют тебя в монастырь. Зачем тебе домой?

Она с силой прикусила губу.

— Домовой пропадет без меня. Может, отец уже вернулся, и я его уговорю.

Демон холода мгновение разглядывал ее.

— Возможно, — сказал он. — Но ты ранена. Устала. Так ты домовому не поможешь.

— Я должна попробовать. Моя семья в опасности. Долго я спала?

Он покачал головой. Губы изогнулись в мрачной улыбке.

— Здесь всегда сегодня. Нет вчера и завтра. Ты можешь остаться на год, а домой прибыть в миг, когда ушла. Не важно, как долго ты спала.

Вася молчала, обдумывая это. А потом тихо сказала:

— Где я?

Ночь в снегу была смутной, но она, казалось, помнила безразличие на его лице, намек на хищность и печаль. Теперь он выглядел удивленно.

— У меня дома, — сказал он. — Такой он.

Это не помогало. Вася подавила слова, не дав им сорваться с языка, но их было видно по ее лицу.

— Боюсь, — мрачно добавил он, хотя глаза блестели, — что ты одарена или проклята тем, что твой народ назвал бы вторым зрением. Мой дом — еловая роща, эта роща — мой дом, и ты видишь все сразу.

— Что мне с этим делать? — прошипела Вася сквозь зубы, не в силах вести себя вежливо, еще миг, и ее стошнит на пол у его ног.

— Смотри на меня, — сказал он. Его голос манил ее, отражался эхом в ее голове. — Смотри только на меня, — она посмотрела ему в глаза. — Ты в моем доме. Верь в это.

Вася робко повторяла это мысленно. Стены, казалось, стали прочнее. Она была в грубом доме с потрепанной резьбой на балках и потолком цвета дневного неба. Большая печь в конце источала жар. На стенах висели гобелены: волки в снегу, медведь в спячке, темноволосый воин на саях.

Она отвела взгляд.

— Зачем ты принес меня сюда?

— Лошадь настояла.

— Ты смеешься надо мной.

— Разве? Ты долго бродила по лесу, твои ноги и ладони замерзли. Может, тебе стоит

гордиться. Я редко принимаю гостей.

— Я польщена, — сказала Вася, не придумав, что еще сказать.

Он изучал ее взглядом мгновение.

— Ты голодна?

Вася слышала колебание в его голосе.

— Это тоже спросила лошадь? — сказала она, не успев остановить себя.

Он рассмеялся, глядя, казалось, немного удивленным.

— Да, конечно. У нее есть жеребята. Я доверяю ее мнению.

Он вдруг склонил голову. Голубые глаза пылали.

— Мои слуги тебе помогут, — резко добавил он. — Мне нужно отойти, — на его лице не было ничего человеческого, и на миг Вася увидела не мужчину, а ветер, бьющий по ветвям древних деревьев, воющий с торжеством. Она сморгнула видение. — До встречи, — сказал демон холода и пропал.

Вася опешила, с опаской огляделась. Гобелены манили ее. Яркие волки, человек и лошади, казалось, спрыгнут на пол с холодным вихрем. Она прошла по комнате, разглядывая их по пути. Добравшись до печи, она вытянула замерзшие пальцы.

Шорох копыта заставил ее обернуться. Белая кобылица подошла к ней безо всякой упряжи. Ее длинная грива ниспадала, как пенящийся водопад. Она, похоже, пришла через дверь на другой стене, но там было закрыто. Вася смотрела. Кобылица вскинула голову. Вася вспомнила о манерах и поклонилась.

— Благодарю, вы спасли меня.

Кобылица дернула ухом.

«Хватит этого».

— Для меня это важно, — сказала Вася с долей грубости.

«Я не о том, — сказала кобылица. — Просто ты такое же существо, как мы, образованное силами мира. Ты спасала себя. Ты не для монастырей, как и не для жизни существом Медведя».

— Спасала? — Вася вспомнила бег, страх, шаги в темноте. — Я плохо справлялась. Но что значит «силы мира»? Все мы — творения Бога.

«И он научил тебя нашей речи?».

— Конечно, нет, — сказала Вася. — Это был вазила. Я делала ему подношения.

Кобылица шаркнула копытом по полу.

«Я помню больше и вижу больше, чем ты, — сказала она. — И времени было много. Мы с редкими говорим, и дух лошадей никому не показывается. В твоих костях магия. Смирись с этим».

— Я обречена? — испугано прошептала Вася.

«Не понимаю «обречена». Ты есть. И потому ты можешь ходить, где хочешь, прийти к миру, забвению, огню, но выбираешь всегда ты».

Пауза. Лицо Васи болело, смотреть было сложно. Снежный пейзаж виднелся по краям.

«На столе медовуха, — сказала кобылица, увидев слабость девушки. — Тебе нужно выпить и снова отдохнуть. Еда будет, когда проснешься».

Вася не ела с ужина, а потом она пошла в лес. Ее желудок с силой напомнил об этом. Деревянный стол стоял на другой стороне печи, потемневший от времени, украшенный резьбой. Серебряный кувшин на нем был украшен серебряными цветами. Чашка была из серебра с огненно — красными камнями. На миг она забыла о голоде. Она подняла чашку и повернула к свету. Она была красивой. Вася с вопросом посмотрела на кобылицу.

«Ему нравятся вещи, — сказала она, — но я не понимаю, почему. И он любит дарить».

В кувшине была медовуха: крепкая, пронзающая, как солнце зимой. Вася выпила и вдруг

ощутила сонливость. С тяжелыми глазами она смогла опустить чашку. Она поклонилась в тишине белой кобылице и рухнула на большую кровать.

* * *

Весь тот день буря терзала замерзшие просторы северной Руси. Люди прятались в избах, заперев двери. Даже огонь в печах деревянного дворца Дмитрия в Москве плясал и дымил. Старые и больные ощущали, что их время пришло, и уходили с кричащим ветром. Живые крестились, ощущая, как проходит тень. Но к ночи все утихло, небо обещало снег. Те, кто не поддался зову, улыбались, зная, что будут жить.

Мужчина с темными волосами появился меж двух деревьев и поднял лицо к тучам на небе. Его глаза сияли неземной голубизной, пока он разглядывал тени. Его одежда была из меха и полночной ткани, хотя он прибыл к границам, где зима уже сдавалась весне. Земля была усеяна подснежниками.

Песня пронзала сгущающуюся ночь, тихая и сладкая. Повернувшись на звук, Морозко уловил темную магию, музыка напоминал ему о печали, о медленных часах, тяжелых от сожалений. Эту печаль он не ощущал — не мог ощущать — тысячу лет.

Он пошел, пока не прибыл к дереву, где соловей пел в темноте.

— Кроха, вернешься со мной? — сказал он.

Маленькое создание спрыгнуло на нижнюю ветку и склонило коричневую голову.

— Жить, как жили твои братья и сестры, — сказал Морозко. — У меня есть компаньон для тебя.

Птичка издала тихую трель.

— Иначе ты не раскроешь свою силу, а товарищ у тебя будет щедрый и добрый. Старушка не врала.

Пташка чирикнула и подняла коричневые крылышки.

— Да, в этом есть смерть, но после радости и величия. Ты останешься здесь и будешь петь вечно?

Пташка замешкалась, а потом с криком спрыгнула с ветки. Морозко проследил за ней.

— Тогда за мной, — тихо сказал он, ветер снова поднялся вокруг него.

* * *

Вася еще спала, когда демон холода вернулся. Кобылица дремала у печи.

— Что думаешь? — спросил он тихо у лошади.

Она собиралась ответить, но ржание и стук прервали ее. Жеребец со звездой между глаз ворвался в комнату. Он фыркнул и топнул, стряхивая снег с боков в черных яблоках.

Кобылица прижала уши.

«Думаю, — сказала она, — мой сын пришел туда, куда не должен был».

Жеребец был изящен, как олень, но еще выглядел как длинноногий подросток. Он с тревогой посмотрел на мать.

«Я слышал, тут всадник», — сказал он.

Кобылица тряхнула хвостом.

«Кто тебе это сказал?».

— Я, — сказал Морозно. — Я принес его с собой.

Кобылица смотрела на своего всадника, насторожив уши, ее ноздри дрожали.

«Для нее?».

— Мне нужна эта девушка, — сказал Морозко, хмуро глядя на кобылицу. — Ты знаешь. Если ей хватило глупости пойти в лес Медведя ночью, ей нужен спутник.

Он мог сказать больше, но его перебил грохот. Вася проснулась и рухнула с кровати, не привыкнув в кровати, что была еще и сугробом.

Большой конь с темной шерсткой, сияющей в свете огня, подошел, насторожив уши. Вася еще не проснулась до конца, потирала пострадавшее плечо, подняла голову и оказалась нос к носу с большим юным жеребцом. Она застыла.

— Привет, — сказала она.

Он был рад.

«Привет, — ответил он. — Ты будешь кататься на мне».

Вася поднялась на ноги, голова соображала уже лучше. Но щека болела, она сосредоточила уставшие глаза только на жеребце, не на тенях, что как перья трепетали вокруг него. Как только она сделала это, она увидела, что его спина в двух ладонях над ее головой, с недоверием.

— Для меня будет честью кататься на тебе, — вежливо ответила она, хотя Морозко услышал сухую ноту в голосе девушки и прикусил губу. — Но не сейчас. Мне нужно больше одежды, — она оглядела комнату, но плаща, сапог и варежек не было видно.

Она была только в мятом нижнем платье, кулон Дуни холодил грудь. Ее коса расплелась, пока она спала, и густые красно — черные волосы ниспадали свободно ей до талии. Она убрала их с лица и, изобразив смелость, прошла к огню.

Белая кобылица стояла у печи, и рядом с ее головой был демон холода. Васю поразило сходство их выражений: глаза мужчины прикрывали веки, а уши лошади были насторожены. Жеребец выдохнул теплом на ее волосы. Он шел так близко, что его нос задевал ее плечо. Не думая, Вася опустила ладонь на его шею. Он радостно тряхнул ушами, и она улыбнулась.

У огня было много места, хоть тут и стояли две большие и крепкие лошади. Вася нахмурилась. Комната была до этого не такой большой.

Стол был с двумя серебряными чашками и изящным кувшином. Запах теплого меда заполнил комнату. Буханка черного хлеба, от которой пахло рожью и анисом, лежала рядом с тарелкой со свежей зеленью. На краю стола стояла миска груш и миска яблок. За ними стояла корзинка белых цветов со скромно опущенными головками. Подснежники.

Вася замерла и смотрела.

— Ты же за этим пришла? — сказал Морозко.

— Я не думала, что найду их!

— Тебе повезло, что я это сделал.

Вася смотрела на цветы и молчала.

— Поешь, — сказал Морозко. — Мы поговорим позже, — Вася открыла рот, чтобы возразить, но пустой желудок ревел. Она подавила любопытство и села. Он опустился на стул напротив, прислонился к плечу лошади. Вася посмотрела на еду, ее губы дрогнули. — Это не яд.

— Надеюсь, — сказала ошеломленно Вася.

Он отломил кусок хлеба и дал Соловью. Жеребец радостно его съел.

— Поешь, — сказал Морозко, — или твой конь все съест.

Вася осторожно взяла яблоко и откусила. Ледяная сладость окутала ее язык. Она потянулась к хлебу. Она и не заметила, как опустела миска, пропала половина буханки, и она сидела сытая и кормила хлебом и фруктами двух лошадей. Морозко не притронулся к еде. Она поела, и он налил медовухи. Вася пила из серебряной чашки, наслаждаясь вкусом холодного солнца и зимних цветов.

Его чашка была такой же, как у нее, но камни были голубыми. Вася не говорила, пока пила, а потом опустила чашку на стол и посмотрела ему в глаза.

— Что будет теперь? — спросила она.

— Зависит от тебя, Василиса Петровна.

— Я должна пойти домой, — сказала она. — Моя семья в опасности.

— Ты ранена, — ответил Морозко. — Хуже, чем думаешь. Ты останешься, пока не

исцелишься. Твоя семья не пострадает, — он мягче добавил. — Ты вернешься домой на рассвете той ночи, в которую ушла. Обещаю.

Вася молчал, усталость мешала спорить. Она посмотрела на подснежники.

— Почему ты принес мне это?

— Тебе выбирать — нести их мачехе или идти в монастырь, — Вася кивнула. — Они у тебя есть. Можешь делать, что хочешь.

Вася осторожно протянула палец и погладила шелковистый лепесток.

— Откуда они?

— С края моих владений.

— И где это?

— У проталины.

— Но это не место.

— Разве? Это много мест. Как мы с тобой — многое, так и мой дом — многое, и даже этот конь с головой на твоих коленях — многое. Твои цветы здесь. Радуйся этому.

Зеленые глаза посмотрели на него, мятежные, а не робкие.

— Не люблю неполные ответы.

— Хватит задавать такие вопросы, — сказал он и очаровательно вдруг улыбнулся. Она покраснела. Жеребец придвинул голову ближе. Она скривилась, когда конь задел ее раненные пальцы.

— Ах, — сказал Морозко, — я забыл. Болит?

— Немного, — но она не посмотрела ему в глаза.

Он обошел стол и опустился, чтобы их лица были на одном уровне.

— Можно?

Она сглотнула. Он взял ее за подбородок рукой, повернул ее лицо к огню. Черные следы были на ее щеке там, где он коснулся ее в лесу. Кончики ее пальцев рук и ног были белыми. Он осмотрел ее ладони, провел пальцем по замерзшей ступне.

— Не двигайся, — сказал он.

— Почему бы... — но он прижал ладонь к ее челюсти. Его пальцы вдруг стали жаркими, ужасно горячими, и она ожидала запах своей обгоревшей плоти. Она пыталась отодвинуться, но другая его ладонь прижалась к ее затылку, впиалась в ее волосы и держала ее. Ее дыхание дрожало и хрипело в горле. Его ладонь скользнула по ее горлу, жжение стало сильнее. Вася была слишком потрясена, чтобы кричать. Когда она подумала, что больше не выдержит, он отпустил. Она прижалась к коню, он выдохнул ей в волосы.

— Прости меня, — сказал Морозко. Воздух вокруг него был холодным, несмотря на жар в его ладонях. Вася поняла, что дрожит. Она коснулась поврежденной кожи. Она был гладкой и теплой, без следов.

— Больше не болит, — она заставила голос быть спокойным.

— Да, — сказал он — Я немного умею исцелять. Но это не проходит мягко.

Она посмотрела на свои ноги, на пострадавшие кончики пальцев.

— Лучше, чем быть калекой.

— Как скажешь.

Но, когда он коснулся ее ног, она не смогла удержать слезы.

— Дашь мне руки? — сказал он. Вася замешкалась. Кончики ее пальцев были замерзшими, ладонь была перемотана тканью, чтобы скрыть рану от ночи с упырем, пришедшим к Константину. Она помнила о боли. Он не ждал ее ответа. Она собралась силами, но подавила крик, пока ее пальцы теплели и розовели.

Он взял ее левую ладонь и начал разматывать ткань.

— Это ты меня ранил, — сказала Вася, чтобы отвлечься. — В ночь, когда пришел упырь.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы ты увидела меня, — сказал он. — Чтобы запомнила.

— Я видела тебя раньше. И не забыла.

Он склонил голову над работой. Но она видела кривой изгиб его губ.

— Но ты сомневалась. Ты бы не поверила своим ощущениям, когда я ушел. Я теперь чуть больше тени в домах людей. Когда — то я был гостем.

— А кто тот одноглазый мужчина?

— Мой брат, — кратко сказал он. — Мой враг. Но это долгая история, не на ночь, — он отложил полоску ткани. Вася поборола желание сжать кулак. — Это будет исцелить сложнее, чем обморожение.

— Я открывала рану, — сказала Вася. — Похоже, это помогает защитить дом.

— Да, — сказал Морозко. — Это сила твоей крови, — он коснулся раны, Вася вздрогнула. — Но это пока ты юна, Вася. Я могу исцелить это, но останется след.

— Так делай, — сказала она, не сдержав дрожи в голосе.

— Хорошо, — он зачерпнул снег с пола. Вася на миг растерялась: увидела рошу елей, голубую от сумерек, красную от заката. А потом дом окружил ее, и Морозко прижал снег к ране на ее ладони. Ее тело застыло, боль была хуже, чем раньше. Она боролась с криком, смогла усидеть смирно. Боль была едва выносимой, она всхлипнула, не успев остановить себя.

Все резко утихло. Он отпустил ее ладонь, и Вася чуть не упала со стула. Конь поддержал ее, она прижалась к его теплему боку, схватилась за его гриву. Жеребец коснулся губами ее дрожащей ладони.

Вася отодвинула его и посмотрела. Рана пропала. Осталась холодная бледная метка посреди ладони. Она повернула руку, след будто переливался на свету, словно кусочек льда был под кожей. Нет, ей казалось.

— Спасибо, — она прижала ладони к коленям, чтобы скрыть их дрожь.

Морозко встал и отошел, посмотрел на нее.

— Ты исцелишься, — сказал он. — Отдыхай. Ты — моя гостья. А на вопросы будут ответы. Со временем.

Вася кивнула, еще глядя на ладонь. Когда она подняла голову, он пропал.

24

Я видел желание твоего сердца

— Найдите ее! — рявкнул Константин. — Верните ее!

Но люди не шли в лес. Они прошли до края и замерли, бормоча про волков и демонов. Про холод.

— Теперь Бог ее осудит, батюшка, — сказал отец Тимофея, и Олег согласно кивнул. Константин замешкался. Тьма за деревьями казалась крошечной.

— Как скажете, дети мои, — тяжело сказал он. — Бог ее осудит. Бог с вами, — он начертил крест.

Мужчины пошли по деревне, бормоча, склонив головы. Константин ушел в холодную комнату. Его каша на ужин давила на желудок. Он зажег свечу перед Богоматерью, сотни теней яростно заплясали на стенах.

— Глупый слуга, — прорычал голос. — Почему ведьма сбежала в лес? Я не говорил ее

связать? Отправить в монастырь? Я недоволен, слуга. Очень недоволен.

Константин рухнул на колени, дрожа.

— Мы старались, — взмолился он. — Она — демон.

— Демон с моим братом, и если он увидит ее силу...

Свеча дымила. Священник застыл на полу.

— С вашим братом? — прошептал Константин. — Но вы... — свеча потухла, осталось дыхание в темноте. — Кто вы?

Тишин была долгой, а потом голос рассмеялся. Константин не был уверен, то слышал это, но он видел трепет теней на стене.

— Несущий бую, — радостно шептал голос. — Так ты меня призвал. Но давным — давно меня звали Медведем.

— Ты дьявол! — прошептал Константин, сжав кулаки.

Все тени смеялись.

— Как скажешь. Но в чем разница между мной и тем, кого ты зовешь Богом? Я тоже упиваюсь тем, что делают во имя меня. Я могу дать тебе величие, если будешь слушаться.

— Ты, — прошептал Константин. — Но я думал... — он думал, что его выделили. Но он был глупцом, он слушался демона. Вася... Его горло сжалось. Где — то в его душе гордая девушка ехала на лошади в свете летнего дня. Смеялась с братом у печи. — Она умрет, — он прижал кулаки к глазам. — Я сделал это для вас, — но он понимал, что никто не должен узнать.

— Она должна была уйти в монастырь. Или ко мне, — сухо сказал голос, под этим тоном слышалось кипение гнева. — Но теперь она с моим братом. Со Смертью, но не мертвая.

— Со Смертью? — прошептал Константин. — Не мертвая? — он хотел, чтобы она была мертва. Чтобы она была жива. Он желал своей смерти. Он сойдет с ума от этого голоса.

Тишина тянулась, и когда он уже не мог выдерживать, голос вернулся:

— Чего ты хочешь сильнее всего, Константин Никонович?

— Ничего, — сказал Константин. — Ничего не хочу. Уйди.

— Ты как девица, — сказал кисло голос, а потом смягчился. — Но я знаю, что ты хочешь, — он продолжил со смехом. — Очистить свою душу? Вернуть невинную девицу? Знай, что я могу забрать ее из рук Смерти.

— Лучше пусть умрет и покинет этот мир, — прохрипел Константин.

— Она будет жить в страданиях перед смертью. Только я могу ее спасти.

— Докажи, — сказал Константин. — Верни ее.

Тень фыркнула.

— Спешись, человек Бога.

— Что вам нужно? — выдавливал слова Константин.

Голос тени стал громче.

— О, Константин Никонович, как я люблю, когда люди спрашивают меня, чего я хочу.

— Так чего? — рявкнул Константин. Почему он говорил с этим голосом? Потому что если он вернет ее, Константин будет чистым.

— Пустячок, — сказал голос. — Всего пустячок. Жизнь за жизнь. Ты хочешь вернуть ведьму, мне нужна ведьма. Принеси мне одну, и я отдам твою. И оставлю тебя.

— Что ты имеешь в виду?

— Приведи ведьму в лес, к границе, к дубу на рассвете. Ты узнаешь место, когда увидишь.

— И что будет, — сказал едва слышно Константин, — с ведьмой, которую я приведу?

— Она не умрет, — сказал голос и рассмеялся. — Какой мне прок от смерти? Смерть мой брат, я его ненавижу.

— Но нет ведьм, кроме Васи.

— Ведьмы видят, человек Бога. Разве видит только девица?

Константин молчал. Он вспомнил бесформенную фигуру у иконостаса, сжимающую его ладонь влажной рукой. Ее голос зазвучал в его ушах: «Батюшка, я вижу демонов. Всюду. Все время».

— Подумай, Константин Никонович, — сказал голос. — Но она нужна мне до рассвета.

— И как я тебя найду? — слова были тише снегопада, смертных их не услышал бы. Но тень услышала.

— Иди в лес, — прошипела тень. — Ищи подснежники. Ты поймешь. Отдай мне ведьму, получишь свою и получишь свободу.

25

Птица, что любила деву

Вася проснулась от солнца на ее лице. Она открыла глаза и увидела голубой потолок, нет, открытое небо. Все размывалось, и она не помнила... А потом вспомнила.

«Я в доме в еловой роще», — ее коснулся подбородок, и она открыла глаза и снова оказалась нос к носу с жеребцом.

«Ты слишком много спишь», — сказал конь.

— Я думала, ты — сон, — сказала удивленно Вася. Она забыла, каким большим он был, каким огнем пылали его темные глаза. Она отодвинула его нос и села.

«Обычно, нет», — ответил конь.

Вася вспомнила прошлую ночь. Подснежники зимой, хлеб и яблоки, медовуха еще ощущалась на языке. Длинные белые пальцы на ее лице. Боль. Она вытащила руку из — под одеяла. Бледная метка осталась в центре ее ладони.

— И это был не сон, — прошептала она.

Конь смотрел на нее с тревогой.

«Лучше верь, что все настоящее, — сказал он, словно безумной. — А я скажу, если это не так».

Вася рассмеялась.

— Хорошо, — сказала она. — Я теперь проснулась, — она съехала с кровати уже не так болезненно, как раньше. Ее голова прояснилась. Дом все еще был лесом, но трещал огонь. Котелок стоял на печи. Вася проголодалась и пошла к огню, нашла там кашу с молоком и медом. Она ела, пока жеребец стоял рядом. — Как тебя зовут? — сказала она коню, когда доела.

Жеребец вылизывал ее миску. Он склонил к ней ухо и ответил:

«Я — Соловей».

Вася улыбнулась.

— Соловей. Маленькое имя для большой лошади. Как ты его получил?

«Я родился в сумерках, — мрачно сказал он. — Или вылупился. Не помню. Это было давно. Порой я бегу, порой вспоминаю полеты. Так меня и называли».

Вася смотрела на него.

— Но ты не птица.

«Ты не знаешь, кто ты. Как ты можешь знать, кто я? — парировал конь. — Меня зовут Соловей. Разве важно, почему?»

Вася не смогла ответить. Соловей доел ее кашу и посмотрел на нее. Он был самым красивым конем. Мышь, Буран и Огонь были рядом с ним как воробьи рядом с соколом.

— Прошлой ночью, — осторожно сказала Вася, — ты сказал, что я буду на тебе кататься.

Он тряхнул гривой. Его копыта застучали по полу.

«Он сказал мне терпеть. Но обычно я не терпелив. Покатаемся. На мне еще не катались».

Вася опешила, но заплела спутанные волосы, надела кофту, плащ, варежки и сапоги, лежащие у огня. Она пошла за конем на слепящий свет дня. Снег густо лежал под ногами. Вася смотрела на голую спину жеребца. Она проверила конечности, но они были слабыми, как вода. Конь стоял гордо, ждал ее, как лошадь из сказки.

— Думаю, — сказала Вася, — что мне потребуется пень.

Уши прижались к голове.

«Пень?».

— Пень, — твердо сказала Вася. Она подошла к удобному, где дерево треснуло и упало. Конь был сзади. Он подумывал, похоже, сменить всадника. Но он встал у пня, терпел, пока Вася осторожно взбиралась на его спину.

Его мышцы напряглись, он вскинул голову. Вася уже каталась на юных лошадях, так что ожидала похожее. Она замерла.

А потом жеребец выдохнул.

«Хорошо, — сказал он. — Ты хотя бы маленькая», — он пошел немного неровно. Каждый пару секунд он оглядывался на девушку на своей спине.

* * *

Они катались весь день.

— Нет, — сказала Вася в десятый раз. Ночь в снежном лесу сделала ее слабее, чем она думала. От этого было сложнее. — Ты должен опустить голову и использовать спину. Беги так, словно по бревну. Большому и скользкому.

Жеребец недовольно оглянулся.

«Я знаю, как ходить».

— Но не как носить человека, — парировала Вася. — Это другое.

«Ты странно ощущаешься», — пожаловался конь.

— Я могу лишь представить, — сказала Вася. — Не хочешь, не неси меня.

Конь промолчал, тряхнул черной гривой. А потом...

«Я буду тебя носить. Мама говорит, со временем станет легче, — он звучал скептически. — Ладно, хватит об этом. Посмотрим, что мы можем сделать», — он помчался. Вася не ожидала этого, направила вес вперед, обвила руками его живот. Жеребец оббегал деревья. Вася вопила. Он был изящным, как хищный кот, не шумел. И скорость была отличной. Он бежал как вода, белый мир принадлежал им.

— Мы должны вернуться, — сказала Вася, румяная, веселая и тяжело дышащая. Соловей замедлился, поднял голову, в ноздрях было видно красное. Он забрыкался, и Вася держалась, надеясь, что он не сбросит ее. — Я устала.

Конь недовольно повернул к ней ухо. Он даже не запыхался. Но вздохнул и повернулся. За удивительно короткое время еловая роща возникла перед ними. Вася съехала на землю. Ее ноги ударились о землю с болью, она погрузилась, охнув, в снег. Ее исцеленные пальцы ног онемели, часы езды не улучшили ее слабость.

— Но где дом? — сказала она, сжав зубы, поднимаясь на ноги. Она видела только ели. Конец дня придавал лесу лиловый оттенок.

«Его не найти поисками, — сказал Соловей. — Нужно смотреть в сторону», — Вася так и сделала, и со вспышкой среди деревьев появилась изба. Конь шел рядом с ней, и она чуть стыдилась, что ей нужна поддержка его теплого плеча. Он подтолкнул ее в дверь.

Морозко не вернулся. Но в печи была еда, оставленная невидимыми руками, и что — то горячее и пряное в кувшине. Она вытерла Соловья тканью, причесала шерстку, распутала

длинную гриву. За ним никогда еще не ухаживали.

«Глупости, — сказал конь, когда она начала. — Ты устала. Не важно, расчесан я или нет», — но он был рад, когда она уделила особое внимание его хвосту. Он ткнулся носом в ее щеку после этого и весь ужин проверял ее волосы, лицо и тарелку, словно она что — то от него утаила.

— Откуда ты? — спросила Вася, когда не смогла сдержаться, пока кормила ненасытного коня крохами хлеба. — Где ты родился? — Соловей не ответил. Он вытянул шею и жевал яблоко желтыми зубами. — Кто твой отец? — настаивала Вася, но Соловей молчал. Он украл остатки ее хлеба и отошел, жуя. Вася вздохнула и сдалась.

* * *

Вася и Соловей катались вместе три дня подряд. И с каждым днем коню было все проще, а сила Васи медленно возвращалась.

Когда они вернулись в дом на третью ночь, Морозко и белая кобылица ждали их. Вася прошла, хромая, через порог, радуясь, что может сделать это сама, и застыла при виде них.

Кобылица стояла у огня, лениво лизала кусок соли. Морозко сидел на другом краю. Вася сняла плащ и подошла к печи. Соловей прошел к своему привычному месту и ждал. Как для коня, за которым до этого не ухаживали, он привык очень быстро.

— Добрый вечер, Василиса Петровна, — сказал Морозко.

— Добрый вечер, — сказала Вася. К ее удивлению, демон холода держал нож и резал брусочек дерева. Что — то, похожее на деревянный цветок, появлялось под его умелыми пальцами. Он отложил нож, голубые глаза коснулись ее в разных местах. Она не знала, что он видел.

— Мои слуги были добры к тебе? — сказал Морозко.

— Да, — сказала Вася. — Очень. Благодарю за гостеприимство.

— Не за что.

Он молчал, пока она вычесывала Соловья, хотя она ощущала его взгляд. Вася протерла коня, убрала колтуны из его гривы. Когда она умылась, и стол был накрыт, она напала на еду как волчонок. Стол ломился от разного — странные фрукты и орехи с шипами, сыр и хлеб, творог. Когда Вася насытилась и замедлилась, она поймала насмешливый взгляд Морозко.

— Я проголодалась, — извинилась она. — Мы так хорошо не едим дома.

— Это я знаю, — ответил он. — Ты выглядела как привидение.

— Да? — Вася была недовольна.

— Более — менее.

Вася притихла. Огонь постепенно угасал, и свет в комнате из золотого стал красным.

— Куда ты уходишь, когда ты не здесь? — спросила она.

— Куда хочу, — сказал он. — В мире людей зима.

— Ты спишь?

Он покачал головой.

— Не так, как ты думаешь.

Вася невольно посмотрела на кровать с черными столбиками и одеялами, похожими на сугроб. Она подавила вопрос, но Морозко уловил ее мысль. Он вскинул изящную бровь.

Вася покраснела и сделала большой глоток, чтобы скрыть пылающее лицо. Когда она посмотрела на него, он смеялся.

— Не надо так стесняться, Василиса Петровна, — сказал он. — Эту кровать сделали для тебя мои слуги.

— И ты... — начала Вася и покраснела сильнее. — Ты никогда...

Он снова принялся вырезать. Он убрал ее кусочек дерева с цветка.

— Часто, когда мир был юным, — сказал он мягко. — Они оставляли мне дев в снегу, —

Вася поежилась. — Порой они умирали, — сказал он. — Порой были упрямыми или смелыми и... не умирали.

— Что с ними случилось? — сказала Вася.

— Уходили домой с подарками, — сказал сухо Морозко. — Ты не слышала сказки?

Вася, все еще краснея, открыла рот и закрыла его. Варианты ответа летали в голове.

— Почему? — выдавила она. — Почему ты меня спас?

— Это позабавило меня, — сказал Морозко, не отрывая взгляда от работы. Цветок был почти готов, он отложил нож, взял кусок стекла — или льда — и начал разглаживать его.

Вася коснулась лица, где оно было обморожено до этого.

— Да?

Он промолчал, но посмотрел ей в глаза. Она сглотнула.

— Зачем ты спас мне жизнь, а потом попытался убить?

— Храбрая жизнь, — ответил Морозко. — Труссы умирают в снегу. Я не знал, какая ты, — он опустил цветок и протянул руку. Его длинные пальцы задели место, где была рана — на ее щеке и челюсти. Когда его большой палец коснулся ее губ, она затаила дыхание. — Кровь — одно дело. Зрение — другое. Но смелость редчайший талант, Василиса Петровна.

Кровь отлила от кожи Васи, и она ощущала, как трепещет воздух.

— Ты задаешь слишком много вопросов, — резко сказал Морозко и опустил руку.

Вася смотрела на него большими глазами в свете огня.

— Это было жестоко, — сказал он.

— Тебя ждет долгий путь, — сказал Морозко. — Без смелости тебе лучше было бы умереть тихо в снегу. Может, я желал тебе добра.

— Не тихо, — сказала Вася. — И не добра. Ты ранил меня.

Он покачал головой и снова взял деревянный цветок.

— Потому что ты боролась, — ответил он. — Это не должно было ранить.

Она отвернулась и прижалась к Соловью. Повисла тишина.

А потом он очень медленно сказал:

— Прости меня, Вася. Не бойся.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я не боюсь.

* * *

На пятый день Вася сказала Соловью:

— Этой ночью я заплету тебе гриву.

Жеребец не застыл, но мышцы напряглись.

«Ее не нужно плести», — сказал он, тряхнув гривой. Тяжелый черный занавес раскачивался, как женские волосы, ниспадая с его шеи. Это было непрактично, но удивительно красиво.

— Но тебе понравится, — уговаривала Вася. — Разве тебе не хотелось бы убрать ее с глаз?

«Нет», — твердо сказал Соловей.

Девушка попыталась снова:

— Ты будешь выглядеть как князь всех лошадей. У тебя такая красивая шея, ее не нужно скрывать.

Соловей вскинул голову. Но, как и все жеребцы, он был тщеславным. Она ощущала, как он колеблется. Вася вздохнула и прижалась к его спине.

— Пожалуйста.

«О, ладно», — сказал конь.

Той ночью, как только конь был чист и вычесан, Вася придвинула стул и начала плести его гриву. Жеребец был чувствительным, и она не стала плести сети, завитки и много косичек.

Вместо этого она собрала его длинную гриву в одну косу вдоль изгиба шеи, чтобы она казалась мощнее. Она радовалась. В порыве веселья Вася попыталась незаметно взять со стола пару подснежников и вплести в его косу. Жеребец насторожил уши.

«Что ты делаешь?».

— Добавляю цветы, — виновато сказала Вася.

Соловей топнул.

«Никаких цветов».

Вася долго боролась с собой, а потом убрала их, вздыхая.

Завязав концы, она замерла и отошла на шаг. Коса подчеркивала гордый изгиб темной шеи и изящную голову. Вася воодушевилась и подвинула стул к хвосту.

Конь обреченно вздохнул.

«И хвост?».

— Ты будешь выглядеть как владыка лошадей, когда я закончу, — пообещала Вася.

Соловей оглядывался, тщетно пытаясь понять, что она делает.

«Как скажешь», — он ворчал из — за такого ухода. Вася не слушала его, напевала под нос и заплетала короткие пряди у спины.

Вдруг холодный ветер коснулся gobеленов, огонь подпрыгнул в печи. Соловей насторожил уши. Вася повернулась, и открылась дверь. Морозко пересек порог, белая кобылица прошла за ним. От тепла дома над ней поднимался пар. Соловей вырвал хвост из хватки Васи, с важным видом кивнул, не повернувшись к матери. Она направила уши на его заплетенную гриву.

— Добрый вечер, Василиса Петровна, — сказал Морозко.

— Добрый вечер, — сказала Вася.

Морозко снял свой синий кафтан. Он слетел с его пальцев и пропал в облаке пыли. Морозко снял сапоги, которые растаяли, оставив мокрое пятно на полу. Он босиком прошел к печи. Белая кобылица — за ним. Он схватил солому и начал натирать ее. За миг солома превратилась в щетку из шерсти кабана. Кобылица стояла, покачивая ушами, приоткрыв рот от наслаждения.

Вася подошла ближе с восхищением.

— Ты изменил солому? Это была магия?

— Как видишь, — он продолжил вычесывать лошадь.

— Можешь сказать, как ты это сделал? — она подошла к нему и посмотрела на щетку в его руке.

— Ты слишком привязана к облику вещей, — сказал Морозко, вычесывая шерстку кобылицы. Он опустил взгляд. — Ты должна позволить вещам быть такими, как нужно тебе. И так будет.

Вася растерялась и не ответила. Соловей фыркнул, добавляя свое мнение. Вася тоже зачерпнула солому и начала с шеи коня. Как она ни смотрела на нее, солома не менялась.

— Ты не можешь изменить ее в щетку, — сказал Морозко, глядя на нее. — Потому что веришь, что сейчас это солома. Просто позволь ей стать щеткой.

Вася недовольно смотрела на бок Соловья.

— Не понимаю.

— Ничто не меняется, Вася. Вещи не такие, какими были, ведь магия — это забыть, что что — то было другим до того, как ты пожелала ему измениться.

— Все еще не понимаю.

— Это не значит, что ты не можешь научиться.

— Думаю, ты играешь со мной.

— Как хочешь, — сказал Морозко. Но он улыбнулся при этом.

Той ночью, когда они доели, и огонь стал красным, Вася сказала:

— Ты обещал мне историю.

Морозко долго пил из чашки, а потом ответил:

— Какую, Василиса Петровна? Я знаю много историй.

— Ты знаешь, какую. Историю твоего брата и врага.

— Это я обещал, — с неохотой сказал Морозко.

— Я дважды видела кривой дуб, — сказала Вася. — Четыре раза с детства видела одноглазого мужчину, и я видела, как ходят мертвые. Ты думал, я попрошу другую историю?

— Тогда пей, Василиса Петровна, — тихий голос Морозко скользил по ее венам с медовухой. — И слушай, — он налил медовуху, и она пила. Он выглядел старше, напоминал далекого чужака. — Я — Смерть, — медленно сказал Морозко. — Так сейчас и так было в начале. Давным — давно я родился из разумов людей. Но не я один. Когда я посмотрел на звезды, рядом со мной стоял мой брат. Близнец. Я впервые увидел звезды в один момент с ним.

Тихие ясные слова падали в голову Васи, и она видела в небесах кольца огня, что образовывали силуэты, которые она не знала, и снежную долину, что целовала горизонт, голубое и черное.

— У меня было лицо человека, — сказал Морозко. — Но у моего брата было лицо медведя, ведь люди боятся медведей. Это роль моего брата — пугать людей. Он питается их страхом, запасается и спит, пока не проголодается. Больше всего он любит беспорядок, войны и чуму, огонь всю ночь. Но когда — то давно я сковал его. Я — Смерть и страж порядка. Все проходит передо мной. Так заведено.

— Если ты сковал его, то как...?

— Я сковал брата, — сказал Морозко, не повышая голос. — Я его страж, его надзиратель, его тюремщик. Порой он просыпается, порой спит. Он все — таки медведь. Но теперь он проснулся, он сильнее, чем когда — либо. Такой сильный, что вырывается на свободу. Он не может покинуть лес. Пока что. Но он уже покинул тень дуба, чего не было за сотню жизней людей. Твои люди боятся все сильнее, они бросили чертей, и теперь твой дом не защищен. Он уже утоляет вами голод. Он убивает твоих людей по ночам. Он заставляет мертвых ходить.

Вася молчала, обдумывая это.

— Как его можно одолеть?

— Порой хитростью, — сказал Морозко. — Давным — давно я одолел его силой, но мне помогали другие. Теперь я один, и я ослабел, — недолгая пауза. — Но он еще не свободен. Чтобы вырваться, ему нужны жизни — несколько жизней — и страх того, кто умер от пыток. Жизни тех, кто его видит, сильнее всего. Если бы он схватил тебя в лесу в ночь нашей встречи, он бы освободился, хотя все силы мира были против него.

— Как его можно сковать заново? — сказала Вася с нетерпением.

Морозко слабо улыбнулся.

— Есть один трюк, — ей показалось, или он задержался взглядом на ее лице? Талисман тяжело висел на горле. — Я закую его в середине зимы, когда я сильнее всего

— Я могу тебе помочь?

— Можешь ли? — сказал Морозко с тенью удивления. — Дитя, полукровка без обучения? Ты ничего не знаешь о законах, о бое, о магии. Как ты мне поможешь, Василиса Петровна?

— Я поддерживала жизнь домового, — возразила Вася. — Я отгоняла упырей от очага.

— Молодец, — сказал Морозко. — Новорожденный упырь, убитый при свете дня, едва живой домовый, девушка, что глупо убежала в заснеженный лес.

Вася сглотнула.

— У меня есть талисман, — сказала она. — Моя няня отдала его мне. Передала от отца. Он

помог в ночь, когда пришли упыри. Может помочь еще раз, — она подняла сапфир из — под туники. Он был холодным и тяжелым в ее ладони. Когда она повернула его в огонь, серебристо — синий камень вспыхнул шестиконечной звездой.

Ей показалось, или он немного побледнел? Его губы сжались, глаза были глубокими и бесцветными, как вода.

— Побрякушка, — сказал Морозко. — Старая хрупкая магия как щит для дитя. Это не поможет против Медведя, — но он смотрел на кулон.

Вася не видела. Она опустила кулон и склонилась.

— Всю жизнь, — сказала она, — мне говорили, куда идти. Говорили, как жить и как умирать. Я должна быть служанкой мужчины и кобылицей для его наслаждений или скрыться в стенах и отдать плоть холодному молчаливому богу. Я бы пошла в пасть ада, но сделала бы это по своей воле. Я лучше умерла бы в лесу, чем жила бы сто лет так, как мне указали. Прошу. Прошу, дай помочь тебе.

На миг Морозко замешкался.

— Ты не слышала меня? — сказал он. — Если Медведь получит твою жизнь, он будет свободен, и я ничего не смогу поделать. Лучше держись от него подальше. Ты просто девица. Иди домой, где безопасно. Это мне поможет больше. Носи свой камень. Не уезжай в монастырь, — она не видела, как он сжал губы. — Будет тебе мужчина. Я прослежу. Я дам тебе приданое, как от князя, как из сказки. Это тебе понравится? Золото на руках и горле и лучшее приданое во всей Руси?

Вася резко встала, и стул рухнул на пол. Она не могла подобрать слова, и она выбежала в ночь босиком и с непокрытой головой. Соловей хмуро посмотрел на Морозко и последовал за ней.

Дом остался в тишине, только трещал огонь.

«Это было плохо», — сказала кобылица.

— Я ошибся? — сказал Морозко. — Ей лучше быть дома. Ее брат защитит ее. Медведь будет скован. У нее будет мужчина, она будет жить в безопасности. Она должна носить камень. Она должна прожить долго и помнить. Я не дам ей рисковать жизнью. Ты знаешь, что на кону.

«Ты отрицаешь, какая она. Она увянет».

— Она юна. Она подстроится.

Кобылица промолчала.

* * *

Вася не знала, как долго ехала. Соловей догнал ее в снегу, она слепо забралась на его спину. Она бы ехала вечно, но конь вернул ее к еловой роще. Дом среди елей трепетал перед глазами.

Соловей тряхнул гривой.

«Слезай, — сказал он. — Там огонь. Ты замерзла и устала. Ты напугана».

— Я не напугана! — рывкнула Вася, но слезла со спины коня. Она вздрогнула, когда ноги ударились о снег. Хромая, она прошла меж елей к знакомому порогу. Огонь стал ярче в печи. Вася сняла мокрую верхнюю одежду, не заметила тихих слуг, что забрали вещи. Она как — то добралась до огня. Она опустилась на стул. Морозко и белая кобылица пропали.

Потом она выпила чашку медовухи и задремала, грея ноги у печи.

Огонь догорел, но девушка спала. И в темный час ночи увидела сон.

Она была в комнате Константина. Пахло землей и кровью, чудище склонилось над корчащимся телом священника. Когда оно подняло лицо, Вася увидела, что губы и подбородок чудища в крови. Она подняла руку, чтобы изгнать его, чудище закричало и выпрыгнуло в окно, пропав там. Вася опустилась у кровати, подвинула изорванные одеяла.

Но лицо между ее ладонями было не отца Константина. Мертвые серые глаза Алеши

смотрели на нее.

Вася услышала рычание и обернулась. Упырь вернулся, это была Дуня — мертвая, шатающаяся Дуня была у окна, ее рот был зияющей дырой, кости выпирали на пальцах. Дуня была ей матерью. Потом тени на стене священника стали одной тенью, одноглазой и смеющейся над ней.

— Плачь, — сказал он. — Ты боишься, это вкусно.

Все иконы в углу ожили и громко смеялись. Тень открыла рот, а потом вместо тени появился большой медведь с голодной пастью. Он изверг пламя, и стена загорелась. Ее дом горел. Где — то кричала Ирина.

Улыбающееся лицо мелькало меж огней с голубым отливом, большая темная дыра была на месте глаза.

— Идем, — говорило лицо. — Будешь с ними, будешь жить вечно, — ее мертвые брат и сестра стояли рядом с этим привидением и словно манили ее из — за огня.

Что — то ударило Васю по лицу, но она не реагировала.

Она вытянула руку.

— Алеша, — сказала она. — Лешка!

Но боль пришла быстрее и острее. Васю вырвали из сна, она издала звук, схожий с всхлипом и воплем. Соловей встревожено тыкал ее носом, он укусил ее за руку. Она схватилась за его теплую гриву. Ее ладони были двумя кусками льда, зубы стучали. Она уткнулась лицом в его шерстку. В голове были крики и смеющийся голос.

«Идем, или больше их не увидишь, — а потом она услышала другой голос в холодном воздухе:

— Назад, бык, — Соловей возмутился, холодные руки обхватили лицо Васи. Она пыталась посмотреть, но видела, как горит дом ее отца, как манит ее одноглазый мужчина.

«Забудь его, — сказал одноглазый мужчина. — Иди сюда».

Морозко ударил ее по лицу.

— Вася, — сказал он. — Василиса Петровна, посмотри на меня.

Она словно преодолевала большое расстояние, но все же увидела его глаза. Она не могла увидеть дом в лесу. Она видела только ели, снег, лошадей и ночное небо. Воздух был холодным вокруг нее. Вася попыталась утихомирить паническое дыхание.

Морозко прошипел что — то, но она не поняла. А потом:

— Вот, — сказал он. — Выпей.

У ее губ оказалась медовуха, пахло медом. Она глотала, давилась и пила. Когда она подняла голову, чашка была пустой, а ее дыхание замедлилось. Она видела стены дома, хотя они трепетали по краям. Соловей опустил голову к ней, касался губами ее волос и лица. Она слабо рассмеялась.

— Я в порядке, — начала она, но ее смех стал слезами, она разрыдалась и закрыла лицо.

Морозко смотрел на нее, прищулив глаза. Она еще ощущала следы его рук, одна щека болела там, где он ее ударил.

Наконец, ее слезы замедлилась.

— У меня был кошмар, — сказала она. Она не смотрела на него. Она сжалась на стуле, холодная и смущенная, в слезах.

— Не так, — сказал Морозко. — Это был не просто кошмар, это была моя ошибка, — видя ее дрожь, он издал нетерпеливый звук. — Иди ко мне, Вася.

Она замешкалась, и он добавил:

— Я не буду тебя ранить, дитя, это тебя успокоит. Иди сюда.

Она потрясено выпрямилась, подавляя свежие слезы. Он укутал ее плащом. Она не знала,

откуда плащ — может, он призвал его из воздуха. Он поднял ее и опустился на теплую печь с ней на руках. Он был нежным. Его дыхание было зимним ветром, но его плоть была теплой, и сердце билось под ее ладонью. Она хотела отодвинуться, хмуро посмотреть на него, защищая гордость, но ей было холодно и страшно. Ее пульс оглушал. Она неуклюже прижала ладонь к изгибу его плеча. Он провел пальцами по ее выбившимся волосам. Ее дрожь медленно утихала.

— Я в порядке, — сказала она после паузы немного неуверенно. — Что значит, твоя ошибка?

Она ощутила, а не услышала его смешок.

— Медведь — мастер кошмаров. Гнев и страх для него мясо и мед, и он захватывает разум людей. Прости меня, Вася.

Вася промолчала.

Через миг он сказал:

— Расскажи о своем сне.

Вася рассказала. После этого она снова дрожала, и он держал ее без слов.

— Ты был прав, — сказала Вася. — Что я знаю о древней магии, древних врага или другом? Но я должна идти домой. Я могу защитить семью, хотя бы временно. Отец и Алеша поймут меня. Ее терзала картинка ее мертвого брата.

— Хорошо, — сказал Морозко. Она не смотрела на него, не видела, как он мрачен.

— Я могу взять Соловья с собой? — осторожно спросила Вася. — Если он захочет?

Соловей услышал и тряхнул гривой. Он опустил голову и посмотрел Васе в глаза.

«Куда ты, туда и я», — сказал жеребец.

— Спасибо, — прошептала Вася и погладила его нос.

— Завтра ты отправишься домой, — сказал Морозко. — Поспи остаток ночи.

— Зачем? — сказала Вася, отодвинувшись, чтобы посмотреть на него. — Если Медведь ждет мои сны, я не буду спать.

Морозко криво улыбнулся.

— Но я буду здесь в этот раз. Даже в твоих снах Медведь не посмел бы зайти в мой дом, если бы я был здесь.

— Откуда ты знал, что мне такое снится? — спросила Вася. — Как ты вернулся вовремя?

Морозко вскинул бровь.

— Я знал. И я вернулся вовремя, потому что ничто под этими звездами не бежит быстрее белой кобылицы.

Вася открыла рот для вопроса, но усталость ударила по ней волной. Она вырвалась из сна, вдруг испугавшись.

— Нет, — прошептала она. — Не... я не смогу это вынести снова.

— Он не вернется, — ответил Морозко. Его голос уверенно звучал у ее уха. Она ощущала в нем годы и силу. — Все будет хорошо.

— Не уходи, — прошептала она.

Что — то мелькнуло на его лице, но она это не поняла.

— Не уйду, — сказал он, а потом это не имело значения. Сон был темной волной, что нахлынула на нее. Ее веки закрылись. — Сон — двоюродный брат смерти, Вася, — прошептал он над ее головой. — И оба мои.

* * *

Он все еще был там, когда она проснулась, как и обещал. Она выбралась из кровати и прошла к огню. Он сидел неподвижно, глядя на пламя. Казалось, он вообще не двигался. Если присмотреться, Вася видела лес вокруг него, и он был белой тишиной без формы в середине. А потом она села на свой стул, и он посмотрел на нее, отдаленность пропала с его лица.

— Куда ты уходил вчера? — спросила она его. — Где ты был, когда Медведь понял, что ты далеко?

— Тут и там, — ответил Морозко. — Я принес тебе подарки.

Свертки грудой лежали у огня. Вася взглянула на них. Он вскинул бровь, приглашая, и она как ребенок тут же развернула первый сверток, сердце быстро билось. Там было зеленое платье с красной вышивкой и плащ с соболиным подбоем. Там были сапоги из кожи и меха, расшитые алыми ягодами. Там был кокошник для ее волос, много украшений. Вася касалась их рукой. Там было золото и серебро в мешках из кожи. Там были мягкие ткани, какие она не знала.

Вася все осмотрела.

«Я как из сказки, — подумала она. — Это подарки. И теперь он отвезет меня в дом отца всю в подарках».

Она вспомнила его руки ночью, пару мгновений нежности.

Нет, ничего такого. Не так было в сказке. Она была девицей из сказки, а он — злым демоном холода. Девушка покинет лес, выйдет за красивого мужчину и забудет о магии.

Откуда эта боль? Она отложила ткань.

— Это мое приданое? — ее лицо было мягким. Она не знала, что там за выражение.

— Тебе нужно это, — сказал Морозко.

— Не от тебя, — прошептала Вася, он растерялся. — Я принесу подснежники мачехе. Соловей пойдет со мной, если захочет. Но я не возьму ничего больше, Морозко.

— Ничего не возьмишь от меня, Вася? — сказал Морозко, она услышала в этот раз голос человека.

Вася отпрянула, споткнулась о подарки под ногами.

— Ничего! — она знала, что кричит, нужно было взять себя в руки. — Одолей брата и спаси нас. А я иду домой.

Ее плащ висел у огня. Она обула сапоги и схватила корзинку подснежников. Часть ее хотела, чтобы он возразил, но он этого не сделал.

— Ты пересечешь границу деревни на рассвете, — сказал Морозко. Он был на ногах. Он замер. — Верь в меня, Вася. Не забывай меня.

Но она уже миновала порог и ушла.

26

Оттепель

«Она — бедная безумица», — думал Константин Никонович. — Он не убьет ее. Он должен оставить меня в покое», — никто не знал правды.

Серый рассвет и красное солнце. Где грань, о которой он говорил? В лесу. Подснежники. Старый дуб до рассвета.

Константин проник в комнату Анны и коснулся ее плеча. Ее дочь спала рядом, но Ирина не дрогнула. Он приглушил ладонью ее крик.

— Идемте со мной, — сказал он. — Бог позвал нас, — он посмотрел ей в глаза. Она лежала, раскрыв рот. Он поцеловал ее в лоб. — Идемте.

Она смотрела на него большими глазами, где вдруг появились слезы.

— Да, — сказала она.

Она пошла за ним как собака. Он готовился шептать глупости, а хватило взгляда, и она пошла за ним. Было темно, но восточное небо светлело. Было очень холодно. Он укутал ее плащом и вывел из дома. Анна уже давно не уходила далеко, но она следовала за ним, лишь

задышав чуть быстрее, пока они пересекали границу деревни.

Они пришли к старому дубу чуть глубже в лесу. Константин не видел его раньше. Вокруг была зима, снег и железная земля, голубой мрамор реки. Но под дубом снег растаял, Константин подошел, а земля там была в подснежниках. Анна сжала его руку.

— Отец, — прошептала она. — О, отец, что это? Еще зима, еще рано для подснежников.

— Проталина, — сказал Константин, уставший, ошеломленный, но уверенный. — Идемте, Анна, — она обвинила его руку своей. Ее прикосновение было жестким. В рассветном зареве он видел черные промежутки между ее зубов.

Константин повел ее к дереву, где росли подснежники. Все ближе и ближе.

Они вдруг оказались на поляне, которую не видели. Дуб стоял в центре, белые цветы сгруппировались у его корней. Небо было белым. Земля была мягкой, влажной.

— Молодец, — сказал голос. Он доносился из воздуха, из воды. Анна вскрикнула, всхлипнув. Константин увидел тень на снегу, она разрослась, была большой, искаженной и черной. Но Анна смотрела не на тень, а на воздух. Она указала дрожащим пальцем и закричала. Она кричала и кричала.

Константин посмотрел туда, куда смотрела Анна, но ничего не увидел.

Тень тянулась и дрожала, словно собака от ласки хозяина. Крик Анны расколол воздух. Свет был тусклым.

— Молодец, слуга, — сказала тень. — Она — то мне и нужна. Она видит меня и боится. Кричи, ведьма, кричи.

Константин ощущал себя пустым и удивительно спокойным. Он отодвинул Анну от себя, когда она царапалась и извивалась. Ее ноги впились сквозь шерстяной рукав в его руку.

— Теперь, — сказал Константин, — исполни свое обещание. Оставь меня. Верни девушку.

Тень замерла, как кабан, услышавший шаги охотника.

— Иди домой, человек Бога, — сказал он. — Иди и жди. Девушка придет к тебе. Клянусь.

Ужасные крики Анны стали еще громче. Она бросилась на землю, целовала ноги священника, обвинив их руками.

— Батюшка, — молила она. — Батюшка! Нет, пожалуйста, не бросайте меня. Умоляю. Умоляю! Это дьявол. Дьявол!

Константин ощущал утомленное отвращение.

— Хорошо, — сказал он тени.

Он оттолкнул Анну.

— Советую помолиться, — она зарыдала сильнее. — Я пойду, — сказал Константин. — Я буду ждать. Не нарушай данное слово.

Вася вернулась в Лесную Землю с первым светом ясного зимнего рассвета. Соловей принес ее к частоколу у дома. Она встала на его спине, чтобы дотянуться до вершины зубчатой стены.

«Я буду ждать тебя, Вася, — сказал жеребец. — Если потребуюсь, только позови».

Вася коснулась его шеи. А потом она перепрыгнула через частокол и рухнула в снег.

Она нашла Алешу одного на зимней кухне, вооруженного и расхаживающего в плаще и сапогах. Он увидел ее и застыл. Брат и сестра смотрели друг на друга.

Алеша сделал два шага и обнял ее, прижав к себе.

— Вася, ты меня напугала, — сказал он в ее волосы. — Я думал, ты мертва. Плевать на Анну Ивановну и упырей... я хотел уже искать тебя. Что случилось? Ты... даже простывшей не выглядишь, — он отодвинул ее. — Ты изменилась.

Вася подумала об избе в лесу, о хорошей еде, отдыхе и тепле. Она подумала, как каталась по снегу, подумала о Морозко, как он смотрел на нее в свете огня вечером.

— Может, изменилась, — она опустила цветы.

Алеша охнул.

— Откуда? — пролепетал он. — Как?

Вася криво улыбнулась.

— Подарок, — сказала она.

Алеша коснулся хрупкого стебелька.

— Не сработает, Вася, — он пришел в себя. — Анна не сдержит обещание. Деревья уже боится. Если об этом услышат...

— Мы не скажем, — твердо сказала Вася. — Я выполнила условие. В середине зимы мертвые успокоятся. Отец вернется, и мы объясним ему. А пока будем защищать дом.

Она повернулась к печи.

Тут Ирина прошла в комнату. Она издала вопль:

— Васечка! Ты вернулась. Я так боялась, — она обвила Васю руками, и Вася погладила волосы сестры. Ирина отодвинулась. — Но где мама? — сказала она. — Ее не было в постели, хотя обычно она долго спит. Я думала, она будет на кухне.

Холодок коснулся шеи Васи, хотя она не знала, почему.

— Может, в церкви, птишка, — сказала она. — Я проверю. Для тебя есть цветы.

Ирина схватила цветы и прижала их к губам.

— Так рано. Уже весна, Васечка?

— Нет, — ответила Вася. — Это обещание. Прячь их. Мне нужно найти твою маму.

В церкви был только отец Константин. Вася тихо прошла туда. Иконы словно глазели на нее.

— Ты, — утомленно сказал Константин. — Он сдержал слово, — он не отводил взгляда от икон.

Вася обошла его, чтобы оказаться между ним и иконостасом. Огонь горел в его впавших глазах.

— Я все отдал за вас, Василиса Петровна.

— Не все, — сказала Вася. — Ваша гордость не тронута, как и ваши иллюзии. Где моя мачеха, батюшка?

— Нет, я все отдал, — сказал Константин. Его голос стал выше, он словно преодолевал себя. — Я думал, это голос Бога, но это был не он. И я остался со своим грехом, что хотел тебя. Я слушал дьявола, чтобы убраться. А теперь я больше не буду чистым.

— Батюшка, — сказала Вася. — Что за дьявол?

— Голос в темноте, — сказал Константин. — Несущий бурю. Тень на снегу. Но он сказал... — Константин скрыл лицо руками. Его плечи дрожали.

Вася опустилась на колени и убрала руки священника с лица.

— Батюшка, где Анна Ивановна?

— В лесу, — сказал Константин. Он смотрел на ее лицо, словно восхищался как Алеша. Вася не знала, что в ней изменило пребывание в доме в лесу. — С тенью. Цена за мои грехи.

— Батюшка, — осторожно сказала Вася. — Вы видели в лесу большой изогнутый черный дуб?

— Конечно, ты знаешь место, — сказал Константин. — Это логово демонов.

И он начал. Цвет пропал с лица Васи.

— Что, девчонка? — сказал он в своей старой надменной манере. — Ты не можешь скорбеть по той старой безумице. Она хотела тебе смерти.

Но Вася уже побежала домой. Дверь захлопнулась за ней.

Она вспомнила, как ее мачеха смотрела, выпучив глаза, на домового.

Он хотел жизни тех, кто мог его видеть.

Медведь получил ведьму, наступил рассвет.

Она сунула два пальца в рот и пронзительно свистнула. Дым уже поднимался от изб. Ее свист пронзил утро как стрелы всадников, и люди выбежали из домов. «Вася! — слышала она. —

Василиса Петровна!». Но они притихли, Соловей перемахнул частокол. Он побежал к Васе, он не замедлился, она запрыгнула ему на спину. Она услышала потрясенные крики.

Конь застыл во дворе. Из конюшни шумели лошади. Алеша выбежал из дома с мечом в руке. Ирина за ним замерла на пороге. Они замерли и смотрели на Соловья.

— Лешка, идем со мной, — сказала Вася. — Сейчас! Времени нет.

Алеша посмотрел на сестру и жеребца. Он взглянул на Ирину и на народ.

— Понесешь и его? — сказала Вася Соловью.

«Да, — сказал Соловей. — Если ты меня попросишь. Но куда мы идем, Вася?».

— К дубу. К поляне Медведя, — сказала Вася. — Как можно скорее. — Алеша без слов сел за ней.

Соловей поднял голову, ощущая бой. Но сказал:

«Ты не сможешь одна. Морозко далеко. Он сказал, что это должно ждать середины зимы».

— Не смогу? — сказала Вася. — Я это сделаю. Скорее.

* * *

У Анны Ивановны не было голоса. Связки и мышцы были выкручены и разорваны. Она все равно пыталась кричать, хотя слышался только хрип. Одноглазый мужчина сидел рядом с ней, она лежала на земле и улыбалась.

— О, красавица моя, — сказал он. — Покричи еще. Это красиво. Твоя душа зреет от крика.

Он склонился ближе. В один миг она видела мужчину с кривыми голубыми шрамами на лице. Через миг над ней скалился одноглазый медведь, чья голова и плечи, казалось, разбивали небо. А потом была буря, ветер и летний пожар. Тень. Она сжалась, ее тошнило. Она пыталась встать на ноги. Но существо улыбалось ей, сила покинула ее тело. Она лежала, дыша неприятным воздухом.

— Ты чудесна, — сказала существо, склоняясь, пуская слюну. Он провел руками по ее плоти. У его ног был другой силуэт, в белом, маленький. Лицо ссохлось, остались близко посаженные глаза, узкие виски и раскрытый огромный рот. Существо сидело на корточках, нога была между колен. Оно смотрело на Анну с голодом в темных глазах.

— Дуня, — Анна всхлипывала. Она была одета так, как они похоронили ее. — Дуня, прошу. Но Дуня молчала. Она раскрыла огромный рот.

— Умри, — сказал Медведь с нежностью, отпуская Анну и отходя. — Умри и живи вечно.

Упырь бросилась. Анна боролась слабыми пальцами.

Но потом с другой стороны поляны раздался вопль жеребца.

* * *

Соловей неся галопом, Вася рассказала Алеше, у какого чудища их мачеха, и если он убьет ее, то все будет охвачено ужасом.

— Вася, — сказал Алеша, переваривая это. — Где ты была?

— Я была в гостях у короля зимы, — сказала Вася.

— Стоило взять приданое, — сказал Алеша, и Вася рассмеялась.

День становился светлее. Станный запах, жаркий и гнилой, растекался среди стволов. Соловей бежал уверенно, направив уши вперед. Он был конем для божества, но руки Васи были пустыми, она не знала, как сражаться.

«Нельзя бояться», — сказал Соловей, она погладила изящную шею.

Впереди возвышался огромный дуб. За собой Вася ощущала, как напрягся Алеша. Два всадника миновали дерево и оказались на поляне, это место Вася не знала. Небо было белым, воздух теплым, и Васе стало жарко в одежде.

Соловей встал на дыбы. Алеша обхватил талию Васи. Белое существо лежало и не двигалось на рыхлой земле, другой силуэт лежал под ним. Лужа крови окружала их.

Над ними ждал и скалился Медведь. Он уже не был человечком со шрамами на коже. Теперь Вася видела истинного медведя, но крупнее всех медведей, каких она видела. Его мех был неровным, цвета лишая, его черные губы блестели вокруг оскаленного рта.

Черные губы улыбнулись при виде них, и язык мелькнул там красным.

— Две! — сказал он. — Так даже лучше. Я думал, брат уже заполучил тебя, девочка. Но, видимо, он сглупил и не оставил тебя.

Краем глаза Вася увидела белую кобылицу на поляне.

— Ах, вот и он, — сказал Медведь. Но его голос ожесточился. — Привет, брат. Пришел проводить меня?

Морозко пронзил Васю пылающим взглядом, в ней поднялся огонь в ответ: свобода и сила в сплетении. Большой жеребец был под ней, дикие глаза демона холода пылали, и между ними было чудище. Она откинула голову и рассмеялась, камень на горле пылал.

— Что ж, — сказал ей мрачно Морозко, голос его был ветром. — Я постараюсь уберечь тебя.

Ветер поднимался. Он был легким, быстрым и хитрым. Белое облако сверху начало разделяться, Вася увидела рассветное небо. Она слышала, как говорит тихо и отчетливо Морозко, но не понимала слова. Он смотрел на то, чего Вася не видела. Его ветер усиливался.

— Думаешь запугать меня, Карачун? — сказал Медведь.

— Я могу потянуть время, Вася, — сказал ветер ей на ухо. — Но не знаю, надолго ли. Я был бы сильнее в середине зимы.

— Времени не было, У него моя мачеха, — ответила Вася. — Я забыла. Она тоже видит.

Вдруг она поняла, что в лесу, на краю поляны были другие лица. Обнаженная женщина с длинными мокрыми волосами, существо, похожее на старика, с кожей как кора дерева. Там был водяной, речной царь, с большими рыбьими глазами. Там были полевик и болотник. Были десятки других. Существа, похожие на воронов, на камни и грибы, на сугробы. Многие ползли туда, где стояла белая кобылица рядом с Васей и Соловьем. Они сбирались у их ног. Алеша потрясенно присвистнул за ней.

— Я их вижу, Вася.

Но Медведь тоже говорил, его голос был криком людей. И некоторые черти шли к нему. Болотник, злое существо болот. И — сердце Васи замерло — русалка, и на ее милом лице были дикость, пустота и похоть.

Черти занимали стороны, и Вася видела напряжение на их лицах. Король зимы. Медведь. Мы ответим. Вася ощущала, как они трепещут, ее кровь кипела. Она слышала их голоса. Белая кобылица шагнула вперед с Морозко на спине. Соловей рыл землю.

— Иди, Вася, — сказал ветер голосом Морозко. — Твоя мачеха должна жить. Скажи брату, что его меч не ранит нежить. И... не умри.

Девушка подвинула вес, и Соловей понесся вперед галопом. Медведь взревел, и поляну охватил хаос. Русалка прыгнула на водяного, своего отца, терзая его плечо в бородавках. Вася увидела раненого лешего, из его раны текло нечто, похожее на смолу. Соловей побежал галопом. Они наткнулись на лужу крови и застыли.

Упырь поднял голову и зашипел. Анна лежала под ней с серым лицом, в грязи, не двигалась. Дуня была в крови и грязи, ее лицо было в слезах.

Анна медленно выдохнула с бульканьем. Ее горло было разорвано. За ними с торжеством взревел Медведь. Дуня пригнулась, как кошка, готовая к прыжку. Вася посмотрела ей в глаза и спустилась со спины Соловья.

«Нет, Вася, — сказал жеребец. — Назад».

— Лешка, — сказала Вася, не сводя взгляд с Дуни. — Борись с остальными. Соловей

защитит меня.

Алеша слез со спины Соловья.

— Будто я тебя оставил бы, — сказал он. Существа Медведя окружили и их. Алеша издал боевой клич и взмахнул мечом. Соловей опустил голову, как бык, готовый броситься.

— Дуня, — сказала Вася. — Дуняшка, — она смутно слышала крик брата, он сражался рядом. Откуда раздался волчий вой, крик женщины. Но они с Дуней стояли в тишине. Соловей рыл землю, прижав уши к черепу.

«То существо тебя не знает», — сказал он.

— Знает. Она знает, — ужас на лице упыря боролся с голодом. — Я просто скажу ей, что не нужно бояться. Дуня... Дуня, прошу. Я знаю, тебе холодно и ты боишься. Но ты меня не помнишь?

Дуня тяжело дышала с адским светом в глазах.

Вася вытащила нож из — за пояса и вонзила в вены запястья. Кожа сопротивлялась, а потом полилась кровь. Соловей тут же отпрянул.

— Вася! — закричал Алеша, но она не слушалась. Вася сделала большой шаг вперед. Ее кровь лилась, алая на снегу, на земле и подснежниках. Соловей за ней встал на дыбы.

— Вот, Дуняшка, — сказала Вася. — Вот. Ты голодна. Ты часто меня кормила. Помнишь? — она протянула окровавленную руку.

Она не успела подумать, существо схватило ее руку, как жадный ребенок, прижалось ртом к ее запястью и пило.

Вася замерла, отчаянно стараясь устоять на ногах.

Существо скулило, пока пило. Скулило все больше, а потом вскинуло руку и отпрянуло. Вася отшатнулась, голова закружилась, черные цветы вспыхивали перед глазами. Но Соловей поддерживал ее сзади, тревожно ее нюхая.

Ее запястье, казалось, было прокушено до кости. Стиснув зубы, Вася оторвала полоску ткани и крепко перевязала. Она услышала свист меча Алеши. Давление боя уводило ее брата в сторону.

Упырь смотрел на нее с ужасом. Ее нос, подбородок и щеки были в брызгах крови. Лес, казалось, задержал дыхание.

— Марина, — сказал вампир голосом Дуни.

А потом раздался яростный вопль.

Адский свет угас в глазах вампира. Кровь засохла на ее лице.

— Моя Марина. Так долго не виделись.

— Дуня, — сказала Вася. — Я рада тебя видеть.

— Марина. Маришка, где я? Мне холодно. Я была так напугана.

— Все хорошо, — сказала Вася, борясь со слезами. — Все будет хорошо, — она обвила руками существо, что пахло смертью. — Не нужно бояться, — раздался новый рев. Дуня дрогнула в глазах Васи. — Тише, — сказала Вася, как ребенку. — Не смотри, — она ощущала соль на губах.

Вдруг Морозко оказался рядом. Он быстро дышал, его взгляд был диким, как у Соловья.

— Ты безумна, Василиса Петровна, — сказал он. Он зачерпнул горсть снега и прижал к ее кровоточащей руке. Снег замерз, остановив кровь. Вася стряхнула его и нашла на ране тонкий слой льда.

— Что произошло? — спросила Вася.

— Черти бьются, — мрачно сказал Морозко. — Но это не надолго. Твоя мачеха мертва, Медведь свободен. Он скоро вырвется.

Бой продолжался на поляне. Духи леса были как дети рядом с Медведем. Он вырос, его

плечи могли пробить небеса. Он схватил полевика большой пастью и отбросил. Русалка стояла в стороне и кричала без слов. Медведь вскинул растрепанную большую голову.

— Свободен! — проревел он, хохоча. Он схватил лешего, Вася услышала, как трещит дерево.

— Ты должен им помочь, — заявила Вася. — Зачем ты здесь?

Морозко прищурился и промолчал. Вася на миг подумала, пришел ли он, чтобы не дать ей убить себя. Белая кобылица прижалась носом к впавшей щеке Дуни.

— Я тебя знаю, — шепнула старушка лошади. — Ты так красива, — Дуня увидела Морозко, страх тенью пробрался в ее глаза. — Я знаю и тебя, — сказала она.

— Больше вы меня не увидите, Авдотья Михайловна. Я надеюсь на это, — сказал Морозко. Но его голос был нежным.

— Забери ее, — быстро сказала Вася. — Пусть умрет с миром, чтобы она не боялась. Она уже забывает.

Да. Ясность пропадала с лица Дуни.

— А ты, Вася? — сказал Морозко. — Если я заберу ее, я должен покинуть это место.

Вася подумала о бое с Медведем без него и поежилась.

— Надолго?

— На миг. На час. Никто не знает.

За ними звал Медведь. Дуня дрожала от зова.

— Я должна идти к нему, — прошептала она. — Должна... Маришка, прости.

Вася собралась с силами.

— Есть идея, — сказала она.

— Будет лучше...

— Нет, — рывкнула Вася. — Забери ее сейчас. Пожалуйста. Она была моей матерью, — она сжала ладонь демона холода обеими руками. — Белая кобылица говорила, что ты даришь подарки. Сделай это для меня, Морозко. Умоляю.

Повисла долгая пауза. Морозко смотрел на бой за ними. Он взглянул на нее. На миг его взгляд скользнул к лесу. Вася посмотрела туда, но ничего не увидела. Вдруг демон холода улыбнулся.

— Хорошо, — сказал Морозко. Он неожиданно притянул ее к себе и поцеловал быстро и жаростно. Она посмотрела на него большими глазами. — Держись, — сказал он. — Как можно дольше. Будь смелой.

Он отошел.

— Идемте, Авдотья Михайловна. Идемте со мной.

Они с Дуней вдруг оказались на белой лошади, и только измятое окровавленное пустое существо лежало в снегу у ног Васи.

— Прощай, — шепнула Вася, борясь с желанием окликнуть его. Они пропали, белая лошадь и два всадника.

Вася глубоко вдохнула. Медведь отбросил последних нападающих. Он был с лицом человека со шрамами, но был высоким и сильным, с жестокими руками. Он рассмеялся.

— Молодец, — сказал он. — Я всегда пытался от него избавиться. Он холоден, девушка. Я огонь. Я тебя согрею. Или сюда, ведьмочка, и живи вечно.

Он манил. Он увлекал ее взглядом. Его сила заполнила поляну, раненые черти сжимались перед ним.

Вася испуганно выдохнула. Но Соловей был с ней. Она ощущала его шею под рукой, она слепо забралась ему на спину.

— Лучше тысячу раз умереть, — сказала она Медведю.

Губа со шрамом поднялась, она увидела блеск длинных зубов.

— Так иди, — холодно сказал он. — Рабыня или верная слуга, выбирать тебе. Но ты все равно моя, — он рос, пока говорил, и вдруг стал медведем, пасть была готова проглотить мир. Он улыбнулся ей. — О, ты боишься. Они всегда боятся в конце. Но страх смелой лучше всего.

Васе казалось, что сердце пробьет путь из груди. Но она сказала сдавленно и тихо:

— Я вижу народ леса. Но как же домовой, банник и вазила? Придите ко мне, дети очагов моего народа, вы мне нужны, — она сорвала ледяную корку с раны на руке, и ее кровь снова полилась. Синий камень сиял под ее одеждой.

На миг все на поляне застыло, только звенел меч Алеши, пыхтели черти, что еще боролись. Ее брат был окружен тремя воинами Медведя. Вася видела, что он напряжен, кровь блестела на его руке и щеке.

— Идите ко мне, — отчаянно сказала Вася. — Я всегда любила вас, а вы меня. Помните мою пролитую кровь, данный мной хлеб.

Все еще тишина. Медведь рыл землю большой лапой.

— Теперь ты отчаешься, — сказал он. — Отчаяние лучше страха, — он высунул язык, как змея, словно пробовал воздух.

«Глупая, — думала Вася. — Как могли прийти духи дома? Они привязаны к очагам», — она ощущала во рту соленую и горькую кровь.

— Мы можем хотя бы спасти брата, — сказала Вася Соловью, конь храбро завопил. Одна из лап Медведя взлетела, застав их врасплох, и конь едва отпрянул. Он пятился, прижав уши к голове, и большая лапа поднялась для нового удара.

Вдруг все домовые, банники и духи дворов из изб Лесной Земли появились у их ног. Соловей поднимал копыта, чтобы не затоптать их, а потом вазила вскочил на спину Соловья. Маленький домовый из ее дома держал в грязной руке яркий уголь.

Медведь впервые выглядел неуверенно.

— Невозможно, — бормотал он. — Невозможно. Они не покидают дома.

Духи домашнего очага ревели странные вызовы, и Соловей рыл грязную землю.

Но потом сердце Васи подпрыгнуло к горлу, застряло там и колотилось. Русалка сбила Алешу на землю. Меч отлетел, брат застыл, посмотрел на обнаженную женщину. Ее пальцы обвили его горло.

Медведь рассмеялся.

— Стойте на месте. Или этот умрет.

— Помни, — отчаянно крикнула Вася русалке. — Я бросала тебе цветы, а теперь проливаю кровь. Помни!

Русалка застыла, только вода лилась с ее волос. Ее ладони на горле Алеши ослабли.

Алеша забился, но Медведь был слишком близко.

— Давай! — крикнула Вася Соловью и своей армии. — Он мой брат!

Но тут гневный рев раздался с другого конца поляны.

Вася оглянулась и увидела своего отца с мечом в руке.

* * *

Медведь был в три раза больше обычного. У него был только один глаз, лицо покрывали шрамы. Здоровый глаз сиял цвета тени на снегу. Он не был сонным, как обычный медведь, он был голоден, хотел кровопролития.

Перед Медведем была Вася, заметная, крохотная и на темном коне. Но Алеша, его сын, лежал почти у лап зверя, и большая пасть опускалась...

Петр взревел от любви и гнева. Зверь вскинул голову.

— Сколько гостей, — сказал он. — Тысяча лет тишины, а теперь мир сошелся на мне. Я не против. По одному. Сначала мальчик.

Но тут обнаженная женщина с зеленой кожей, на ее длинных волосах блестела вода, закричала и прыгнула на спину Медведя, впилась в него руками и зубам. А потом дочь Петра издала вопль, и большой конь бросился, ударил зверя передними копытами. С ними атаковали разные существа, высокие и худые, маленькие и бородатые, мужчины и женщины. Они бросались на Медведя, крича высокими голосами. Зверь отступал.

Вася чуть не свалилась со спины коня, схватила Алешу и оттащила в сторону. Петр услышал ее всхлипы.

— Лешка — плакала она. — Лешка.

Жеребец ударил копытами и снова отпрянул, защищая юношу и девушку на земле. Алеша ошеломленно моргал.

— Вставай, Лешка, — молила Вася. — Прошу, прошу.

Медведь встряхнулся, почти все странные существа отлетели. Он ударил лапой, и жеребец с трудом избежал удара. Обнаженная женщина упала на снег, вода летела с ее волос. Вася бросилась на брата, почти потерявшего сознание. Чудовищные зубы тянулись к ее открытой спине.

Петр не помнил, как побежал. Но вдруг он оказался, задыхаясь, между детьми и чудищем. Он был спокоен, лишь колотилось сердце, и он поднял широкий меч двумя руками. Вася смотрела на него как на приведение. Он видел, как ее губы двигаются. Отец.

Медведь застыл.

— Уйди, — прорычал он и протянул когтистую лапу. Петр направил меч и не двигался.

— Моя жизнь — ничто, — сказал Петр. — Я не боюсь.

Медведь раскрыл пасть и взревел. Вася вздрогнула. Петр все еще не шевелился.

— Отойди, — сказал Медведь. — Я получу детей старой ведьмы.

Петр шагнул вперед.

— Я не знаю ведьм. Это мои дети.

Медведь щелкнул зубами в дюйме от его лица, но Петр не уходил.

— Убирайся, — сказал Петр. — Ты ничто, ты лишь сказка. Оставь мои земли в покое.

Медведь фыркнул.

— Эти леса теперь мои, — но взгляд его был настороженным.

— Какая цена? — сказал Петр. — Я слышал старые сказки, всегда есть цена.

— Как пожелаешь. Отдай мне свою дочь, и будет мир.

Петр взглянул на Васю. Их взгляды пересеклись, он увидел, как она сглотнула.

— Это последний ребенок моей Марины, — сказал он. — Это моя дочь. Человек не отдаст жизнь другого. Тем более, собственного ребенка.

Миг идеальной тишины.

— Я предлагаю свою, — сказал Петр и бросил меч.

— Нет! — завизжала Вася. — Отец, нет! Нет!

Медведь прищурил здоровый глаз, мешкая.

Петр вдруг бросился на его грудь с пустыми руками. Медведь отреагировал на инстинкте, отбил человека в сторону. Раздался жуткий треск. Петр отлетел, как соломенная кукла, и рухнул лицом в снег.

* * *

Медведь завыл и прыгнул к нему. Но Вася была на ногах, забыла о страхе. Она кричала в бессловесной ярости. И Медведь обернулся.

Вася забралась на спину Соловья. Они бросились к Медведю. Девушка рыдала, забыла, что у нее нет оружия. Камень на ее груди похолодел и бился как второе сердце.

Медведь широко оскалился, вывалив язык между большими зубами, как пес.

— О, да, — сказал он. — Иди сюда, маленькая ведьма, сюда. Ты не так сильна, никогда сильной и не будешь. Иди ко мне и присоединись к своему бедному папочке.

Но он уменьшался, пока говорил. Медведь стал человеком, маленьким, кривым, и смотрел он на них слезящимся серым глазом.

Белая фигура появилась рядом с Соловьем, белая ладонь коснулась шеи жеребца. Конь вскинул голову и замедлился.

— Нет! — кричала Вася. — Нет, Соловей, беги дальше.

Но одноглазый сжался на снегу, и она ощутила ладони Морозко на своих руках.

— Хватит, Вася, — сказал он. — Видишь? Он скован. Все кончено.

Она посмотрела на человечка, ошеломленно моргая.

— Как?

— Такова сила людей, — Морозко звучал удивительно довольно. — Мы, живущие вечно, не знаем смелости, не любим достаточно, чтобы отдать жизни. А твой отец смог. Его жертва сковала Медведя. Петр Владимирович умрет, как и пожелал. Все кончено.

— Нет, — Вася отдернула руку. — Нет...

Она слезла с Соловья. Медведь отползал, ворча, но она уже забыла о нем. Она подбежала к отцу. Алеша успел раньше нее. Он отодвинул разорванный плащ отца. Удар сломал Петру ребра с одной стороны, кровь булькала на его губах. Вася прижала ладони к ране. Тепло ударило по ее рукам. Ее слезы падали на глаза отца. Серая кожа Петра чуть порозовела, он открыл глаза. Он посмотрел на Васю, и глаза просияли.

— Марина, — прохрипел он. — Марина.

Дыхание вылетело из него, он не вдохнул снова.

— Нет, — прошептала Вася. — Нет, — она впилась ногтями в обмякшую плоть отца. Его грудь вдруг поднялась, словно раздули меха, но глаза смотрели в пустоту. Вася ощущала кровь, она прокусила губу, и она боролась со смертью, словно это был ее час, словно...

Холодная ладонь с длинными пальцами поймала ее руки, лишив тепла. Вася попыталась вырваться, но не смогла. Ледяной голос Морозко прозвучал у ее щеки.

— Оставь, Вася. Он выбрал это, ты не можешь это изменить.

— Могу, — прошипела она, задыхаясь. — Это должна быть я. Пусти! — рука пропала, и он развернулась. Морозко уже отошел. Она посмотрела на его бледное бесстрастное лицо, жестокое и лишь немного доброе.

— Слишком поздно, — сказал он, и ветер подхватил его слова. Слишком поздно, поздно.

Демон холода забрался на спину белой кобылицы, сев за другой фигурой, которую Вася увидела лишь краем глаза.

— Нет, — она побежала за ними. — Стойте... Отец, — но белая кобылица уже была среди деревьев, а потом пропала в темноте.

* * *

Неподвижность была внезапной и абсолютной. Одноглазый мужчина уполз в кусты, черти пропали в зимнем лесу. Русалка опустила мокрую ладонь на плечо Васи, проходя.

— Спасибо, Василиса Петровна, — сказала она.

Вася молчала.

Соловей нежно ткнул ее носом.

Вася не реагировала. Она смотрела в пустоту, держала руку отца, пока она медленно остывала.

— Смотри, — шепнул хрипло Алеша с мокрыми глазами. — Подснежники увядают.

Так и было. Теплый и гадко пахнувший ветер стал холоднее, резче, и цветы падали на холодную землю. Еще не наступила середина зимы, их время придет через месяцы. И не было

поляны под серым небом. Был лишь большой дуб со сплетенными ветвями. Деревню теперь было ясно видно, она была в броска камнем отсюда. Начался день, было холодно.

— Скован, — сказала Вася. — Медведь скован. Отец сделал это, — она сорвала напряженной рукой увядающий подснежник.

— Как отец оказался здесь? — тихо поинтересовался Алеша. — Он выглядел так, будто знал, что, как и зачем делать. Он теперь с мамой, если Бог сжалится, — Алеша перекрестил тело отца, встал и подошел к Анне, повторил жест.

Вася не двигалась и не отвечала.

Она вложила цветок в руку отца. А потом прижалась головой к его груди и тихо заплакала.

28

В конце и в начале

Они простояли ночь рядом с Петром Владимировичем и его женой. Их похоронили вместе, Петр оказался между первой и второй женами. Они горевали, но не отчаялись. Атмосфера смерти и поражения пропала с их полей и домов. Даже уцелевшие люди из сгоревшей деревни, которых привел изможденный Коля, не испугали их. Воздух чуть кусался, сияло солнце, и снег блестел бриллиантами.

Вася стояла с семьей в капюшоне и шали от холода, слышала шепот людей. Василиса Петровна пропала. Она вернулась на крылатой лошади. Она должна быть мертва. Ведьма. Вася помнила веревку на запястьях, холодный взгляд Олега, которого знала с детства, и приняла решение.

Когда все ушли, Вася осталась одна у могилы отца в сумерках. Она ощущала себя старой, мрачной и уставшей.

— Ты меня слышишь, Морозко? — сказала она.

— Да, — он появился рядом с ней.

Она видела тень настороженности на его лице, издала смешок, прозвучавший как всхлип.

— Боишься, что я попрошу вернуть отца?

— Когда я свободно ходил среди людей, живые кричали на меня, — ответил сухо Морозко. — Они хватили меня за руку, а лошадь за гриву. Матери молили забрать их, когда я забирал их детей.

— Мне уже хватило возвращения мертвых, — Вася старалась говорить бесстрастно. Но ее голос дрогнул.

— Полагаю, да, — ответил он, но настороженность пропала с лица. — Я буду помнить его смелость, Вася, — сказал он. — И твою.

Ее губы скривились.

— Всегда? Пока я не лягу, как отец, в холодную землю? Что ж, это стоит помнить.

Он промолчал, они смотрели друг на друга.

— Что ты от меня хочешь, Василиса Петровна?

— Зачем умер мой отец? — спешно спросила она. — Он нам нужен. Если кто и должен был умереть, так это я.

— Он сам выбрал, Вася, — ответил Морозко. — Это его право. Он не поступил бы иначе. Он умер за тебя.

Вася покачала головой и прошла по кругу.

— Откуда отец знал? Он пришел на поляну. Он знал. Как он смог нас найти?

Морозко замешкался, а потом медленно сказал:

— Он вернулся домой до того, как остальные обнаружили, что ты и твой брат пропали. Он отправился в лес на поиски. Та поляна зачарована. Пока дерево не умрет, оно держит Медведя там. Он знал, что нужно, лучше меня. Он притянул отца к тебе, как только тот вошел в лес.

Вася долго молчала. Она посмотрела на него, щуря глаза, он выдержал ее взгляд. А потом она кивнула, и:

— Я должна кое — что сделать, — резко сказала Вася. — Мне нужна твоя помощь.

* * *

«Все пошло не так», — думал Константин. Петр Владимирович погиб от дикого зверя на пороге своей деревни. Анна Ивановна, как говорили, убежала в лес в приступе безумия. Это его не удивило. Она была безумной и глупой, все это знали. Но он все еще видел ее безумное бескровное лицо. Оно появлялось перед его глазами.

Константин отчитал службу для Петра Владимировича, едва понимая, что говорит, он ел с остальными на похоронах, едва осознавая, что делает.

Но в сумерках в дверь его комнаты постучали.

Когда дверь открылась, он выдохнул с шипением и отпрянул. Вася стояла на пороге, свеча озаряла ее лицо. Она стала красивой, бледной и отдаленной, изящной и встревоженной.

«Она моя. Бог послал ее ко мне. Это его прощение».

— Вася, — сказал он и потянулся к ней.

Но она была не одна. Она прошла, и фигура в темном плаще появилась из теней за ее плечом, шагая рядом. Константин видел лишь, что лицо там бледное, а ладони тонкие.

— Кто это, Вася? — сказал он.

— Я вернулась, — ответила Вася. — Как видите, не одна.

Константин не видел глаза мужчины, они были впавшими глубок. Ладони были худыми, как у скелета. Священник облизнул губы.

— Кто это, девочка?

Вася улыбнулась.

— Смерть, — сказала она. — Он спас меня в лесу. Или не спас, и я призрак. Сегодня я ощущаю себя привидением.

— Ты безумна, — сказал Константин. — Незнакомец, кто ты?

Он не ответил.

— Живая или мертвая, но я пришла сказать тебе покинуть это место, — сказала Вася. — Вернись в Москву, Владимир, Царьград или катись в ад, но уйди до того, как расцветут подснежники.

— Мое задние...

— Выполнено, — Вася шагнула вперед. Мужчина в плаще за ней, казалось, вырос. Его голова была черепом, голубые огни пылали в глазах. — Вы уйдете, Константин Никонович. Или умрете. И ваша смерть не будет простой.

— Нет — но он прижался к стене комнаты. Его зубы лязгнули.

— Да, — сказала Вася. Она наступала, пока не оказалась на расстоянии прикосновения. Он видел изгиб щеки, упрямый взгляд. — Или мы устроим вам безумие, какое было у моей мачехи перед концом.

— Демоны, — Константин тяжело дышал. Холодный пот выступил на его лбу.

— Да, — сказала Вася и улыбнулась, дитя дьявола. Темная фигура рядом с ней улыбнулась медленной улыбкой черепа.

И они пропали так же тихо, как и пришли.

Константин рухнул на колени в тени у стены. Он протянул руки.

— Вернись, — молил священник. Он замолк, слушая. Его руки дрожали. — Вернись. Ты

меня поднял, но она отказалась. Вернись.

Он думал, что тени дрогнули. Но слышал только тишину.

* * *

— Думаю, он это сделает, — сказал Вася.

— Скорее всего, — сказал Морозко и рассмеялся. — Я никогда не делал этого по велению другого.

— Полагаю, ты все время пугаешь людей сам, — сказала Вася.

— Я? — сказал Морозко. — Я лишь сказка, Вася.

Теперь уже рассмеялась она. А потом смех застрял в горле.

— Спасибо, — сказала она.

Морозко склонил голову. А потом ночь будто укутала его собой, и осталась лишь темнота там, где он был.

* * *

Все в доме спали, только Ирина и Алеша сидели на кухне. Вася пробралась тенью. Ирина плакала, Алеша держал ее. Без слов Вася села рядом с ними и обвила обоих руками.

Они какое — то время молчали.

— Я не могу остаться, — тихо сказала Вася.

Алеша посмотрел на нее, печальный и уставший от боя.

— Все еще думаешь о монастыре? — сказал он. — Не нужно. Анна Ивановна мертва, как и отец. Я получил землю в наследство. Я о тебе позабочусь.

— Ты должен показать себя людям, — сказала Вася. — Они не будут тебе рады, зная, что ты скрываешь безумную сестру. Ты знаешь, сколько людей винит меня во всем этом. Я ведьма. Священник не говорил?

— Не думай об этом, — сказал Алеша. — Тебе некуда идти.

— Разве? — сказала Вася. Огонь озарял ее лицо, стирая следы горя. — Соловей отвезет меня хоть на край земли, если я попрошу. Я отправлюсь в мир, Алеша. Я не буду невестой человека или Бога. Я поеду в Киев, Сарай и Царьград. Я посмотрю, как солнце озаряет море.

Алеша уставился на сестру.

— Ты безумна, Вася.

Она рассмеялась, но со слезами на глазах.

— Точно, — сказала она. — Но у меня будет свобода, Алеша. Сомневаешься во мне? Я принесла подснежники мачехе, а должна была умереть в лесу. Отец умер, никто не помешает. Скажи честно, что ждет меня тут, кроме стен и клеток? Я буду свободна, я не буду никому мешать.

Ирина прижалась к сестре.

— Не уходи, Вася, не уходи. Я буду хорошей, обещаю.

— Посмотри на меня, Иринка, — сказала Вася. — Ты хорошая. Ты лучшая девочка из всех, кого я знаю. Намного лучше меня. Но, сестренка, ты не считаешь меня ведьмой. Остальные считают.

— Это правда, — сказал Алеша. Он видел мрачные взгляды жителей на похоронах, слышал, о чем они шептались там.

Вася промолчала.

— Это не правильно, — сказал брат, но печалился, а не злился. — Ты не можешь успокоиться? Люди забудут обо всем со временем, и то, что ты зовешь клеткой, ждет многих женщин.

— Но не меня, — сказала Вася. — Я люблю тебя, Лешка. Люблю вас обоих. Но не могу.

Ирина заплакала и прижалась к ней сильнее.

— Не плачь, Иринка, — добавил Алеша. Он посмотрел на сестру, прищурив глаза. — Она вернется. Да, Вася?

Она кивнула.

— Однажды. Клянусь.

— Ты не замерзнешь и не проголодаешься в пути, Вася?

Вася подумала о доме в лесу, там ее ждали сокровища. Не приданое, а камни для торговли, плащ от мороза, сапоги... все, что нужно для пути.

— Нет, — сказала она. — Вряд ли.

Алеша с неохотой кивнул. Решимость сияла огнем на лице его сестры.

— Не забывай нас, Вася. Вот, — он сорвал деревянный предмет с кожаного шнура на шее. Он вручил его ей. То был маленькая вырезанная птичка с расправленными крыльями. — Отец сделал это для матери, — сказал Алеша. — Носи ее, сестренка, и помни.

Вася поцеловала их. Ее ладонь сжала деревянную вещицу.

— Клянусь, — сказала она снова.

— Иди, — сказал Алеша. — Пока я не связал тебя, чтобы не пустить, — но и его глаза были мокрыми.

Вася прошла к двери. На пороге она услышала голос брата:

— Ступай с Богом, сестренка.

Дверь закрылась за ней, но все равно было слышно, как плачет Ирина.

* * *

Соловей ждал ее за забором.

— Идем, — сказала Вася. — Ты донесешь меня до края земли, если туда заведет дорога? — она плакала, пока говорила, но конь носом собирал ее слезы.

Его ноздри раздулись, ловя вечерний ветер.

«Куда угодно, Вася. Мир огромен, дорога поведет нас куда угодно».

Она забралась на спину коня, и он побежал, быстрый и тихий, как ночная птица.

Вскоре Вася увидела еловую рощу, огонь мерцал среди деревьев, окрашивая снег в золото.

Дверь открылась.

— Заходи, Вася, — сказал Морозко. — Холодно.

ЗАМЕЧАНИЯ АВТОРА

Изучающие русский язык и его носители заметят, скорее всего, как я несистематично подошла к транслитерации слов.

Для изучающих историю могу лишь сказать, что я старалась быть как можно вернее правде о плохо изображенном в документах периоде. Я позволила себе немного свободы, например, сделав князя Владимира Андреевича старше, чем Дмитрий Иванович (на самом деле он был на пару лет младше), и женив его на Ольге Петровны. Это было для драматичных целей, и я надеюсь, что читатели это поймут.

ГЛОССАРИЙ

БАБА ЯГА — старая ведьма из многих сказок. Она летает в ступе, размахивая пестиком, заматавая следы метлой из березы. Живет в избушке на курьих ножках.

БАННИК — «житель бани», страж бани из фольклора.

БОГАТЫРЬ — легендарный воин, сродни европейскому рыцарю.

БОЛОТНИК — обитатель болот, демон болот.

БУЯН — загадочный остров в океане, что появляется и пропадает. Есть в нескольких сказках.

ДОМОВОЙ — страж домашнего очага в фольклоре.

ДВОРОВОЙ — страж двора в фольклоре.

КОКОШНИК — русский головной убор. Есть много стилей кокошников, зависит от местности и времени. Обычно это закрытый головной убор замужних женщин, хотя и девы носили головные уборы, но открытые сзади. Кокошники носила знать. Обычные женщины покрывали головы шарфами или платками.

КРЕМЛЬ — крепость в центр города. Английское слово связано с Кремлем в Москве, но такие крепости были почти во всех крупных городах Руси.

ЛЕШИЙ — лесовик, дух, что сторожит лес в славянской мифологии, защитник леса и зверей.

МЕДОВУХА — напиток из забродившего меда и воды.

РУСАЛКА — водная нимфа в фольклоре, схожа с суккубом.

ЦАРЬ — слово пошло от латинского Caesar, так называли римского императора, а потом византийского императора в старых славянских текстах. Здесь царь — византийский император в Константинополе (или Царьграде), а не правитель Руси. Иван IV (Иван Грозный) был первым великим князем, что стал Царем всея Руси спустя почти двести лет после вымышленных событий книги. Правители Руси приняли титул Царя, потому что после падения Константинополя в 1453 они считали, что Москва — третий Рим, во главе религии христиан.

ЦАРЬГРАД — «город царя», Константинополь.

УПЫРЬ — вампир.

ВАЗИЛА — страж конюшни и защитник скота в фольклоре.

ВЕРСТА — мера длины, приблизительно километр или две третьих мили.

ВОДЯНОЙ — водный дух, мужчина, чаще всего злобный.